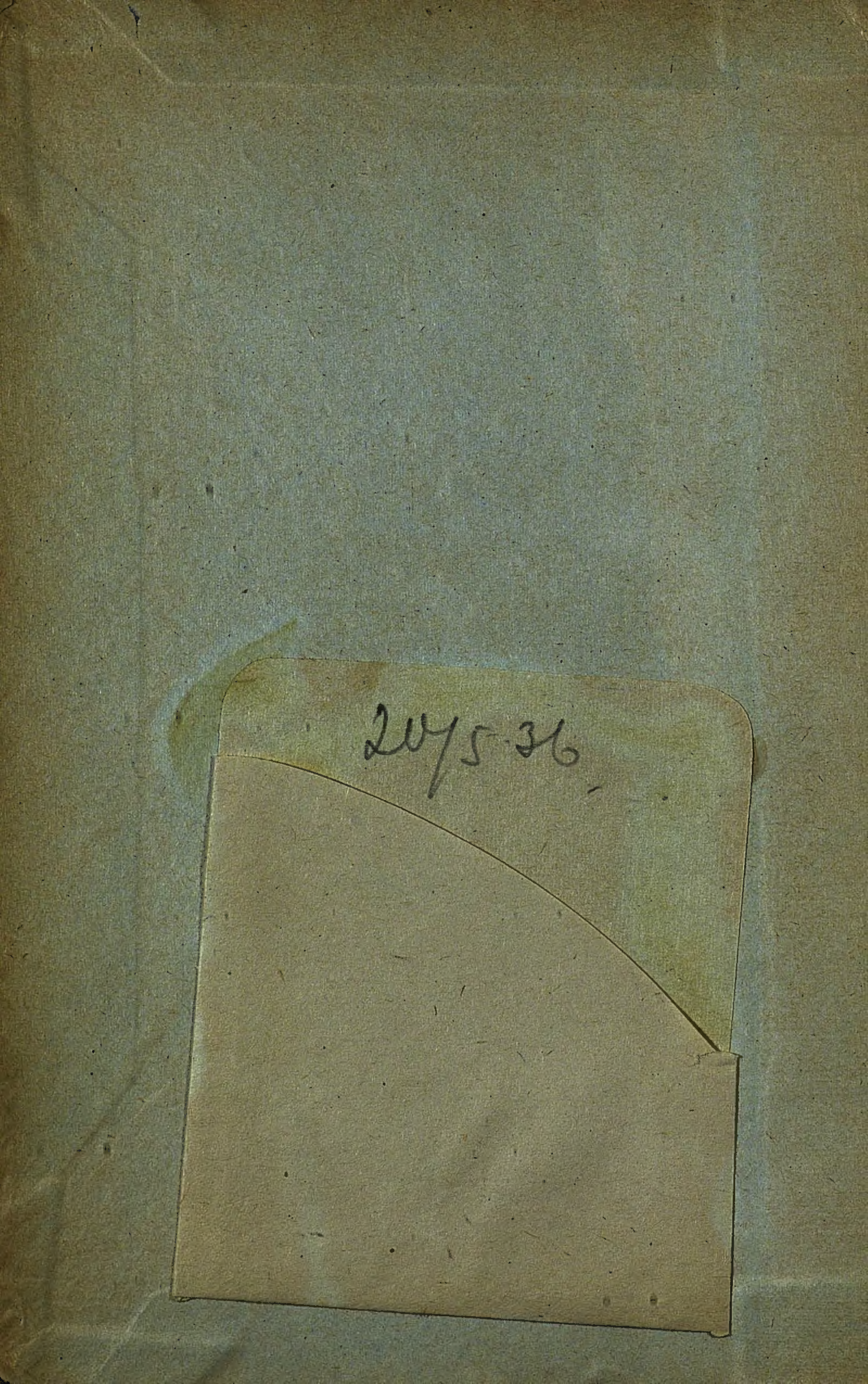

20/5.36

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ

ДѢЛО КОРНИЛОВА

МОСКВА — 1918

МОСКВА. 1918.
Типографія Т-ва печатнаго и издательскаго дѣла „Задруга".
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.

Дорогіе друзья! Посылаю вамъ уцѣлѣвшую отъ разгрома стенограмму моего основного, по дѣлу Корнилова, показанія, съ дополнительными къ нему замѣчаніями и объясненіями, написанными мною только теперь. Я посылаю эту рукопись въ ваше распоряженіе съ просьбой, если возможно, опубликовать ее, но именно въ томъ видѣ, какъ она есть. Такъ нужно, хотя я и самъ отлично вижу всѣ ея несовершенства съ литературной стороны.

Да это и не литературное произведеніе, не «воспоминанія» для исторіи, не плодъ моего свободнаго творчества. Это только *документъ,* кусокъ подлинной жизни, документъ, который тому, кто дѣйствительно ищетъ и хочетъ знать правду въ дѣлѣ Корнилова, дастъ больше цѣлаго тома мемуаровъ, потому что, ничего не навязывая, онъ открываетъ каждому возможность самому, идя по пути Слѣдственной Комиссіи, сдѣлать всю работу, постепеннаго выясненія важнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла Корнилова и самому прійти къ самостоятельному выводу.

А этого только я и хочу! Мои позднѣйшія замѣтки даютъ для этой работы лишь дополнительный матеріалъ, который былъ въ распоряженіи Слѣдственной Комиссіи, но который могъ отчасти ускользнуть изъ памяти, отчасти вовсе не могъ быть извѣстенъ тому, кто теперь будетъ читать протоколъ моего допроса. Конечно, въ этихъ замѣчаніяхъ я не былъ въ состояніи все время оставаться только въ строго фактической области и въ узкихъ рамкахъ только Корниловскаго выступленія, хотя всячески удерживалъ себя отъ подобныхъ отступленій въ особенности же отъ какихъ-либо выводовъ и разсужденій.

Удерживалъ себя потому, что считалъ возможнымъ для себя говорить въ настоящее время только языкомъ фактовъ и документовъ, вовсе отказываясь, кого-либо, въ чемъ-либо убѣждать.

Почему?—Вы знаете это лучше меня! Вы знаете лучше меня, *какъ* враги февральской революціи, мои ненавистники справа и слѣва, воспользовались дѣломъ Корнилова и какъ многіе и многіе, поддавшись упорному натиску клеветниковъ, усомнились... Не для тѣхъ же, кто сознательно клеветалъ, не для тѣхъ, кто умышленно лгалъ, писалъ я!—Ихъ ни въ чемъ не убѣдишь: они отлично сами знали то, что извращали и надъ чѣмъ издѣвались—правду. Я писалъ для тѣхъ, кто мало или ничего не зналъ и потому въ концѣ-концовъ, совсѣмъ или почти совсѣмъ повѣрилъ тому, что такъ дерзко выдавалось за «правду» въ дѣлѣ Корнилова. Но и ихъ я не хочу убѣждать. Пусть они сами, безстрастно и спокойно ознакомившись съ матеріаломъ, не съ чужихъ словъ, а собственнымъ разумомъ найдутъ настоящую правду, если не всего дѣла Корнилова, то хотя бы моего къ нему отношенія.

И не *личный интересъ* заставилъ меня въ это страшное время думать и писать о дѣлѣ Корнилова. Нѣтъ, я слишкомъ много видѣлъ и наблюдалъ людей для того, чтобы не знать настоящую цѣну ихъ любви и ненависти.

И въ то время, когда я былъ на вершинѣ и толпа поклонялась мнѣ—я спокойно говорилъ своимъ близкимъ: подождите она же придетъ заушать меня. Такъ было,—такъ будетъ! Не личное, говорю, а *общее* заставило меня писать. Ибо теперь, когда враги Россіи и свободы народовъ достигли своихъ гнусныхъ цѣлей, когда въ грязи лежитъ Родина наша, опозоренная и растерзанная, когда великое отчаяніе охватило тѣхъ, въ комъ еще осталась честь и совѣсть—теперь для нихъ, достигшихъ своихъ цѣлей, не должно быть никакой возможности свое Іудино преступленіе лицемѣрно оправдывать «предательствомъ» другихъ, а воспоминаніе о Великой Русской Революціи, творившей новую жизнь въ правдѣ и истинѣ, не должно быть омрачено малѣйшимъ сомнѣніемъ въ чистотѣ тѣхъ, кто скованъ былъ съ ней на жизнь и на смерть.

Еще хочу сказать о самомъ ген. Корниловѣ. Много отрицательнаго пришлось мнѣ написать о немъ. Но я не хочу, чтобы въ словахъ моихъ увидѣли больше, чѣмъ я хотѣлъ сказать, и поэтому считаю долгомъ своимъ подчеркнуть, что никогда не сомнѣвался въ любви его къ Родинѣ.

Я видѣлъ, что не въ злой волѣ, а въ *маломъ знаніи* и въ великой политической неопытности причина его поступковъ, грозившихъ государству немалыми потрясеніями; видѣлъ и неоднократно пытался остановить его, подстрекаемаго хитроумными ненавистниками свободы и просто политическими проходимцами.

Мнѣ это не удалось... Кѣмъ-то было суждено, чтобы человѣкъ горячо, по своему любящій Родину, своими руками подготовилъ торжество тѣхъ, кто ненавидѣлъ и презиралъ ее!

А. Керенскій.

19 $\frac{3}{IV}$ 18 г.

P. S. Нѣсколько словъ о стенограммѣ. Я давалъ показанія 8-го октября. Нѣсколько дней стенограмму допроса расшифровывали и только за 5—6 дней до 25-го октября я получилъ ее на просмотръ и подпись. Сдѣлать ни того ни другого я не успѣлъ. Такимъ образомъ, окончательнаго оффиціально установленнаго текста моего показанія въ Слѣдственной Комиссіи ко дню большевистскаго разгрома еще не было. Получивъ только теперь возможность просмотрѣть и исправить эту стенограмму, я, однако, счелъ себя въ правѣ сдѣлать къ ней лишь редакціонныя и стилистическія поправки; кое-гдѣ сократить и внести нѣкоторыя добавленія, не мѣняющія, конечно, *смысла* и *тона* показанія; въ двухъ мѣстахъ я счелъ возможнымъ нѣсколько измѣнить послѣдовательность изложенія для того, чтобы возсоединить случайно разрозненныя мѣста показанія объ одномъ и томъ же предметѣ.

Я думаю, что опубликованіе цѣликомъ подлиннаго протокола не безполезно, между прочимъ, и для того, чтобы, наблюдая картину допроса самого, по словамъ ген. Алексѣева, «вершителя судебъ»,—каждый могъ вспомнить о

той еще недавней, но уже такой далекой эпохѣ, когда слѣдственные и судебные органы краткій мигъ въ исторіи Государства Русскаго пользовались абсолютной самостоятельностью и дѣйствительной независимостью отъ «властей предержащихъ», когда еще не было покончено съ этимъ «буржуазнымъ предразсудкомъ», во имя возвращенія къ традиціоннымъ московскимъ началамъ Шемякина суда.

ДѢЛО КОРНИЛОВА

Протоколъ допроса А. Ф. Керенскаго слѣдственной комиссіи по дѣлу Корнилова.

[Слѣдственная Комиссія спеціально назначенная Временнымъ Правительствомъ по дѣлу Корнилова, поставила свою работу чрезвычайно широко, захвативъ въ поле своего зрѣнія весь періодъ предшествовавшій самому мятежу съ момента назначенія 8-го іюля ген. Корнилова Главнокомандующимъ Юго-Западнымъ фронтомъ.

Хотя всѣ эти, предшествовавшія августовскимъ днямъ, событія никакого, собственно говоря, отношенія къ выступленію ген. Корнилова 26—30 августа, какъ къ предмету судебно-слѣдственныхъ дѣйствій, не имѣли, однако въ этомъ расширеніи рамокъ разслѣдованія вплоть до страшныхъ дней 3—6 іюля, былъ глубокій внутренній смыслъ.

Этотъ размахъ работъ слѣдственной комиссіи былъ неизбѣженъ потому, что именно дни 3—6 іюля, — дни Петербургскаго предательства, дни Тарнопольскаго позора, — выдвинули ген. Корнилова на первое мѣсто въ арміи и они же создали въ Россіи ту новую психологію оскорбленнаго патріотизма, въ которой зародились событія, разыгравшіяся 26—30 августа.

Я не буду подробно возстанавливать событій, предшествовавшихъ назначенію ген. Корнилова Главнокомандующимъ Юго-Западнымъ фронтомъ. Я думаю, нѣтъ русскаго человѣка, который забылъ бы уже эти числа—18 іюня и 6 іюля 1917 г.: самоотверженный порывъ полковъ „18 іюня“ и мрачную оргію погромщиковъ въ Тарнополѣ и Калущѣ.

Въ квадратныхъ скобкахъ —[ ]— помѣщены дополненія и объясненія А. Ф. Керенскаго къ тексту стенограммы допроса. Курсивъ вездѣ А. Ф. К.

Кто не помнитъ это время, когда возродившіяся въ Россіи надежды на спасеніе и честный миръ были разбиты двойнымъ ударомъ, нанесеннымъ русской арміи, встревоженнымъ за свое будущее германскимъ правительствомъ. Допустивъ послѣ 18 іюня паденіе канцлера Бетмана-Гольвега и либеральный курсъ въ Вѣнѣ, правители центральныхъ державъ рѣшили экстренными мѣрами попытаться немедленно остановить возрожденіе русской арміи и взорвать русскій фронтъ.

Чтобы представить себѣ, какъ поставлена была германскимъ штабомъ эта работа, достаточно привести одинъ примѣръ. Петербургское „возстаніе" большевиковъ 3—5 іюля застало меня на западномъ фронтѣ у Молодечно, гдѣ войска наши готовились перейти въ наступленіе. Здѣсь во время обхода передовыхъ позицій, гдѣ еще ничего не было извѣстно о событіяхъ въ Петербургѣ, одинъ изъ моихъ адъютантовъ отобралъ у кучки солдатъ свѣженькій номеръ, издававшійся въ Вильнѣ германскимъ штабомъ для русскихъ солдатъ, газеты „Товарищъ". Въ этомъ отобранномъ номерѣ въ статьѣ „Россія и наступленіе", помѣченной „Петроградъ 3 іюля (20 іюня стараго стиля) (П. Т. А.)" говорилось со страннымъ *предвидѣніемъ* буквально слѣдующее: „Согласно Извѣстіямъ изъ Россіи наступленіе русскихъ въ Галиціи вызвало среди русскаго народа сильное возмущеніе. Во всѣхъ большихъ городахъ собираются толпы народа, протестуя противъ массоваго убійства сыновъ Россіи. Негодованіе противъ англичанъ, которыхъ всѣ считаютъ зачинщиками и виновниками продолженія ужасовъ войны, возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Керенскаго явно называютъ измѣнникомъ народа. Въ Москвѣ, куда были призваны казаки съ цѣлью усмиренія возмущеннаго народа, состоялись громадныя манифестаціи. Нынѣшнее положеніе не можетъ долго продолжаться. „Русское Слово" сообщаетъ, что осадное положеніе въ Петроградѣ въ послѣдніе дни было усилено. Въ теченіе послѣдней недѣли было арестовано очень много крайнихъ лѣвыхъ соціалистовъ. Газета сообщаетъ, что вожаки крайнихъ лѣвыхъ должны были покинуть Петроградъ и уѣхать внутрь Россіи".

Понятно, на какую подготовленную почву попало черезъ нѣсколько дней въ этихъ же окопахъ уже русское извѣстіе

о дѣйствительныхъ Петербургскихъ безпорядкахъ 3—5 іюля, изображавшихся въ извѣстной и очень распространенной на фронтѣ *русской* печати, какъ возстаніе пролетаріата противъ продавшагося капиталистамъ Англіи и Франціи Правительства „измѣнника Керенскаго".

Такая же атака въ лобъ и съ тыла на русскую солдатскую массу шла на всемъ фронтѣ отъ Карпатъ до Риги...

Прорывъ у Тарнополя создалъ полную растерянность среди командпаго состава, а между тѣмъ нужно было сдѣлать все, чтобы въ кратчайшій срокъ возстановить фронтъ. Въ это время и состоялось назначеніе командовавшаго 8 арміей ген. Корнилова Главнокомандующимъ Юго - Западнымъ фронтомъ.

Этимъ моментомъ начинается ниже изложеніе моего показанія; самое же начало его, какъ не заключающее въ себѣ ничего существеннаго, опущено.

Ген. Гуторъ, о которомъ идетъ рѣчь въ самомъ началѣ показанія, былъ съ мая мѣсяца Главнокомандующимъ Юго-Западнымъ фронтомъ. Остальными фронтами командовали: Сѣвернымъ—ген. Клембовскій, Западнымъ—ген. Деникинъ, Румынскимъ — ген. Щербачевъ; Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ въ это время А. Брусиловъ при начальникѣ Штаба ген. Лукомскомъ].

Керенскій... „Назначеніе ген. Корнилова Главнокомандующимъ на Юго-Западномъ фронтѣ случилось такъ. Ген. Гуторъ растерялся... и Корниловъ былъ, по моему, единственный человѣкъ, который тутъ же на фронтѣ могъ его смѣнить. Казалось тогда, что опасная сторона его характера, зарывчатость въ случаѣ успѣха, при начавшемся уже отступленіи не представляла угрозы. Вѣдь моментъ, когда могла проявиться эта его опасная сторона, былъ такъ далекъ! А во время отхода можно было ждать послѣдствій только его положительныхъ качествъ—рѣшимости, умѣнія сорганизовать, проявить инціативу и независимость рѣшенія. Вотъ почему онъ былъ назначенъ на Юго-Западный фронтъ. Совершенно никого не было, кромѣ него. Мнѣ лично эти соображенія казались исчерпывающими".

[Рѣшимость активно пользоваться огромными правами боевого начальника,—смѣлость дѣйствовать, не боясь отвѣт-

ственности, не прячась за чужую спину—это были въ то время самыя нужныя качества; качества, которыя, къ сожалѣнію, мнѣ почти не приходилось встрѣчать среди высшаго командного состава нашей арміи. Нужно помнить, что вся активная борьба съ развaломъ въ арміи, со шкурниками и мѣшечниками, съ пораженцами и германофилами, борьба включительно до примѣненія вооруженной силы, почти цѣликомъ лежала на плечахъ Комиссаровъ, Военнаго Министра и на армейскихъ Комитетахъ. Почти весь высшій командный составъ въ періодъ напряженнѣйшей работы возстановленія боеспособности фронтовъ (май—іюль) былъ „въ нѣтяхъ". А между тѣмъ дѣйствительное возрожденіе арміи не могло быть завершено при отсутствіи авторитетныхъ въ глазахъ всей армейской массы вождей. Поэтому понятно, я думаю, почему всякая индивидуальность, всякій человѣкъ дѣйствія и почина встрѣчалъ всемѣрную поддержку со стороны Военнаго Министра и продвигался впередъ внѣ очереди. Понятно поэтому и то, почему ген. Корниловъ, несмотря на своеобразныя „ультимативныя" формы проявленія своей активности, быстро и рѣшительно былъ выдвинутъ мною впередъ.

Если же вспомнить всю военно-политическую обстановку начала іюля 1917 года, то сдѣлается очевиднымъ, что *существо* „требованій" ген. Корнилова было вовсе не Америкой, имъ открытой, а являлось только своеобразной формулировкой тѣхъ мѣръ, которыя уже отчасти проводились, отчасти проектировались Временнымъ Правительствомъ, и что это существо отвѣчало настроеніямъ отвѣтственныхъ демократическихъ и либеральныхъ круговъ.

Въ самомъ дѣлѣ—3—6 іюля. Россія была потрясена и ошеломлена скомбинированнымъ ударомъ—большевистской попыткой „прорвать внутренній фронтъ" въ Петербургѣ и дѣйствительнымъ прорывомъ фронта 11-й арміи нѣмцами у Тарнополя. Попытка большевиковъ была ликвидирована почти мгновенно. Задержать нѣмецкое вторженіе было въ сто кратъ труднѣе. Нужно было принимать быстрыя и героическія мѣры, и это было легко сдѣлать потому, что въ оцѣнкѣ событій и въ средствахъ борьбы съ двойнымъ врагомъ Россія проявила тогда удивительное единодушіе.

—„Корпусный съѣздъ Комитетовъ частей № корпуса (телеграфно сообщалось мнѣ) считаетъ недопустимымъ дальнѣйшее пребываніе въ нашихъ рядахъ провокаторовъ—измѣнниковъ и лицъ, призывающихъ къ неповиновенію и неисполненію боевыхъ приказовъ. Мы требуемъ отъ всѣхъ полковыхъ комитетовъ немедленнаго ареста всѣхъ этихъ лицъ и препровожденія ихъ въ армейскіе комитеты для преданія суду. Мы требуемъ отъ всѣхъ товарищей нашего корпуса задержанія всѣхъ этихъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу даннаго полка и являющихся въ окопы и расположеніе послѣдняго, и препровожденія задержанныхъ для выясненія ихъ личности и дѣятельности въ полковые комитеты“.

Исп. Комитетъ юго-западнаго фронта и армейскій комитетъ 11-й арміи въ общей телеграммѣ отъ 8 іюля, сообщая мнѣ о создавшемся послѣ 6 іюля положеніи, заявляли, что „члены армейскаго фронтоваго комитета и комиссары единодушно признаютъ, что положеніе требуетъ *самыхъ крайнихъ мѣръ* и усилій, такъ какъ нельзя останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы спасти революцію отъ гибели. Сегодня Главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ и командующимъ 11 арміи съ *согласія комиссаровъ и комитетовъ*, отданы приказы о стрѣльбѣ по бѣгущимъ. Пусть вся страна узнаетъ всю правду! Пусть она содрогнется и найдетъ въ себѣ рѣшимость обрушиться на всѣхъ, кто малодушіемъ губитъ и продаетъ Россію и революцію“.

II-го іюля Ц. И. К. С. Р. и С. Д. и Исп. Ком. Сов. Кр. Деп. обратились съ воззваніемъ „ко всему населенію“. крестьянамъ, ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ, ко всѣмъ совѣтамъ и комитетамъ, къ арміи. Въ этомъ послѣднемъ воззваніи Ц. И. К. говорилъ: „Мы признали Временное Правительство правительствомъ спасенія революціи. Мы признали за нимъ неограниченныя полномочія и *неограниченную власть*. Его приказы да будутъ законами для всѣхъ. Кто ослушается приказовъ Временнаго Правительства въ бою, тотъ измѣнникъ. А *пощады измѣнникамъ* и трусамъ *не будетъ*! Знайте, лишь упорной борьбой вы завоюете миръ для Россіи и для всѣхъ народовъ. Отступая, Вы лишитесь и земли, и воли. Вы лишитесь и мира. Побѣдившіе импе-

ріалисты Германіи заставятъ васъ снова и снова воевать въ защиту своихъ интересовъ. Пусть не будетъ среди васъ ни предателей, ни трусовъ! Лишь одинъ путь открытъ для васъ—путь *впередъ*".

13-іюля „Извѣстія Сов. Солд. и Раб. Деп." въ статьѣ „Передъ грозной опасностью" писали:—„И работа отвѣтственныхъ демагоговъ уже принесла кровавые плоды на поляхъ сраженій. Рознь и смута проникли въ ряды арміи... И мощь арміи ея боеспособность исчезла, какъ призракъ... Армія распалась, и отдѣльныя, разрозненныя части ея обратились въ бѣгство передъ врагомъ... Наши арміи отступаютъ,—хуже того—бѣгутъ въ безумномъ паническомъ страхѣ. Вмѣстѣ съ мучительнымъ страхомъ за судьбу Россіи, за революцію мы испытываемъ чувство стыда. Полки, храбро сражавшіеся изъ-подъ палки при царизмѣ, превратились въ толпы жалкихъ трусовъ, когда надъ ними взвилось знамя революціи, знамя свободы--это ли не позоръ"?!

Какъ бы въ отвѣтъ на охватившій демократическіе центры тревожный подъемъ, комиссары армій юго-западнаго фронта во главѣ съ Б. В. Савинковымъ, телеграфировали:... „По долгу совѣсти заявляемъ о томъ, что сдѣлать надлежитъ. Выбора не дано: смертная казнь тѣмъ, кто отказывается рисковать своей жизнью для родины, за землю и волю". Въ это время на фронтѣ въ Исп. Ком. юго-западнаго фронта лежалъ уже мой отвѣтъ на его вышеприведенную телеграмму: „съ полнымъ одобреніемъ отношусь къ истинно революціонному и совершенно вѣрному въ столь грозную минуту рѣшенію Исп. Ком. Юго-Западнаго Фронта".

На фонѣ этого, охватившаго всю страну великаго подъема патріотизма, совершенно естественно было содержаніе телеграммы командующаго II-й арміей (ген. Балуева). „Ознакомившись съ настроеніемъ войскъ, я въ ужасѣ отъ того позора и гибели, которые грозятъ Россіи и революціи. Армія бѣжитъ. Весь командный и офицерскій составъ безсиленъ что-нибудь сдѣлать, за исключеніемъ подвига самопожертвованія. Параграфъ 14-й деклараціи (право разстрѣла на мѣстѣ) почти не примѣнимъ, ибо начальникъ одинъ и противъ него сотни и тысячи вооруженной и думающей только о бѣгствѣ толпы... Какъ преданный сынъ Россіи,

положившій всю свою жизнь на служеніе Родинѣ, я считаю себя обязаннымъ заявить Правительству, что демократія Россіи и революціи гибнутъ. (Дальше генералъ предлагаетъ рядъ мѣръ и, заканчивая этотъ рядъ смертной казнью, говоритъ: „Нахожу отмѣну послѣдней въ дѣйствующей арміи неправильной: Если правительство посылаетъ на смерть отъ пуль врага, то почему оно даетъ возможность избѣжать этой смерти предателямъ и измѣнникамъ“?...

Единство тогдашнихъ настроеній ярко подчеркиваетъ слѣдующее мѣсто телеграммы ген. Б. „Литература должна быть допущена въ войска только та, которую признаетъ возможнымъ допустить С. С. и Р. Д. и комитеты фронтовъ и армій“.

Неудивительно поэтому, что, переживая общую со всѣми великую боль, и ген. Корниловъ, выражая общее всѣмъ настроеніе и только по свойственной ему эксцентричности заканчивалъ свою нашумѣвшую телеграмму о смертной казни отъ 11-го іюля слѣдующимъ: „Довольно. Я заявляю, что, если Правительство не утвердитъ предлагаемыхъ мною мѣръ и тѣмъ лишитъ меня единственнаго средства спасти армію и использовать ее по дѣйствительному назначенію защиты родины и свободы, то я, генералъ Корниловъ, самовольно слагаю съ себя полномочія Главнокомандующаго“. Такова была воля къ спасенію всей страны. Да по другому и быть не могло! Временное Правительство не ошиблось въ своей увѣренности, что встрѣтитъ общую поддержку, когда еще въ *самый* моментъ удара потребовало отъ всѣхъ рѣшительныхъ дѣйствій. 6-го іюля начался прорывъ 11-й арміи, и 6-го же іюля былъ изданъ законъ о преданіи суду, какъ за государственную измѣну, всѣхъ виновныхъ въ призывѣ во время войны офицеровъ и солдатъ къ неисполненію „законовъ и приказовъ“. Въ ночь съ 7-го на 8-е іюля ген. Корниловъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ. 8-го же іюля утромъ мною былъ отданъ слѣдующій приказъ № 28. „Изъ донесеній, полученныхъ мною о событіяхъ, происходящихъ на юго-западномъ фронтѣ, и въ частности о горестныхъ событіяхъ въ 11-й арміи, я считаю своимъ долгомъ вновь отмѣтить неизмѣнно доблестное поведеніе лицъ командного и офицерскаго со-

става, свидѣтельствующее о преданности ихъ свободѣ, революціи и беззавѣтной любви къ родинѣ. Приказываю возстановить въ войскахъ дисциплину, проявляя революціонную власть въ полной мѣрѣ, не останавливаясь для спасенія арміи *передъ примѣненіемъ вооруженной силы*. Разложеніе арміи недопустимо. Необходимо теперь же изъять изъ войсковыхъ частей всѣ преступные элементы, ведущіе путемъ печати и агитаціи проповѣдь неповиновенія властямъ и неисполненія боевыхъ приказовъ и т. д.".

12 іюля Временнымъ Правительствомъ *единогласно* (отъ В. Н. Львова до В. М. Чернова) была временно возстановлена смертная казнь на фронтѣ и введены тамъ же военно-революціонные суды. 13 іюля Военный Министръ и Министръ Внутреннихъ дѣлъ получили право закрывать газеты и журналы „призывающіе къ неповиновенію распоряженіямъ военныхъ властей, къ неисполненію воинскаго долга и содержащіе призывы къ насилію и побуждающіе къ гражданской войнѣ." 15 іюля возстановляется военная цензура. „Затѣмъ мнѣ предоставляется право закрывать собранія, распускать съѣзды и т. д. и т. д. Цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ и мѣропріятій въ порядкѣ управленія былъ проведенъ Правительствомъ въ жизнь *менѣе* чѣмъ въ 2 недѣли.

Конечно, повторяю, это было возможно лишь благодаря чрезвычайному единодушію всѣхъ слоевъ русскаго общества и единству пониманія условій момента въ руководящихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ въ особенности же въ кругахъ демократическихъ, Начиналось время чрезвычайнаго отрезвленія народныхъ массъ, быстраго роста въ нихъ государственнаго сознанія и чувства отвѣтственности, время небывалаго паденія въ массахъ вліянія анархо-большевизма. Задача Правительства тогда, въ іюлѣ, заключалась въ томъ, чтобы углубить эти настроенія, закрѣпить единство общенаціональнаго фронта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Правительство должно было зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы естественная реакція противъ максимализма слѣва не превратилась въ максимализмъ справа...]

Я помню, Брусиловъ (кстати, какъ и всѣ командующіе и военные авторитеты, съ большой опаской относившіеся

къ нѣсколько наивной стремительности ген. Корнилова) отнесся къ проекту назначенія Корнилова на мѣсто Гутора сначала отрицательно, и мнѣ пришлось оказать нѣкоторое давленіе, чтобы онъ, Брусиловъ, не колебался. И вотъ именно такъ, какъ говорю вамъ сейчасъ, мотивировалъ я и А. А. Брусилову необходимость назначенія Корнилова.

Предсѣдатель[1]). Затѣмъ совѣщаніе 16 іюля въ ставкѣ. Какіе были высказаны на этомъ совѣщаніи взгляды и не послужило ли оно причиной для намѣтившейся затѣмъ замѣны Брусилова Корниловымъ?

Керенскій. Совѣщаніе 16 іюля несомнѣнно сыграло извѣстную роль въ назначеніи Корнилова. Нужно сказать, что это совѣщаніе произвело на меня и на всѣхъ, кто тамъ былъ со мной вмѣстѣ (Терещенко, Барановскій и др.) удручающее впечатлѣніе, *совершенно удручающее*. Я созвалъ тогда это совѣщаніе по собственной иніціативѣ и просилъ Брусилова пригласить на него всѣ авторитеты, которые могли быть на лицо... Вы знаете составъ? Не надо повторять?

Предсѣдатель. Нѣтъ.

[Составъ совѣщанія 16 іюля въ ставкѣ: Министръ-Предсѣдатель, Военный и Морской Министръ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, состоящій въ распоряженіи Временнаго Правительства ген. Алексѣевъ, Верховный Главнокомандующій Брусиловъ, его начальникъ Штаба ген. Лукомскій, Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ ген. Клембовскій, Гл. Ком. Зап. фр. ген. Деникинъ, его начальникъ Штаба ген. Марковъ, бывш. Ком. Сѣв. фр. Рузскій, Нач. Инж. ген. Величко, ком. Юго-Западн. фронта Савинковъ, члены каб. Воен. Министра и штаба Верх. Главнокомандующаго.

Цѣль совѣщанія была чисто военная — стратегическая. Временному Правительству, и въ частности Военному Министру, было чрезвычайно важно составить себѣ всестороннее и объективное представленіе о дѣйствительномъ положеніи нашего фронта, о стратегическихъ послѣдствіяхъ прорыва: намѣтить основныя черты дальнѣйшей военной

---

[1]) Слѣдственная Комиссія допрашивала меня въ слѣд. составѣ: Предсѣдатель—главн. воен. морской прокуроръ Шабловскій: члены по назначенію—Колоколовъ, Украинцевъ, Раупахъ: члены по выборамъ — Члены Ц. И. К. С. Р. и С. Д. Крахманъ и Либеръ.

политики и т. д. Въ послѣднемъ особенно заинтересованъ былъ Министръ Ин. Дѣлъ, который поэтому и пріѣхалъ вмѣстѣ со мною. Намъ хотѣлось выслушать мнѣніе людей съ трехлѣтнимъ опытомъ этой войны, людей съ печальной школой разгрома 1915 года, неудачъ 1916 г. Мои наблюденія, подготовки и выполненія наступленія 1917 г. будили во мнѣ тревогу, рождали острыя сомнѣнія. И мнѣ хотѣлось, чтобы ближайшія задачи обороны, хотя бы въ общихъ чертахъ были бы намѣчены собраніемъ изъ наиболѣе опытныхъ бывшихъ, настоящихъ и, можетъ быть, будущихъ вождей. Эта тревога не могла, конечно, не возбудить во мнѣ нѣкоторыхъ сомнѣній въ цѣлесообразности дальнѣйшаго пребыванія ген. Брусилова на посту Главковерха.

Увы! Вождей на этомъ совѣщаніи не оказалось, не оказалось даже просто военныхъ спеціалистовъ, стоящихъ на уровнѣ требованій современной войны. Не оказалось, убѣжденъ я, не потому, что не могли, а потому что не захотѣли ими быть. Невозможность свести счеты затуманила головы! Всѣ несчастія, катастрофы, позоръ, ужасъ первыхъ трехъ лѣтъ войны не существовали больше для нихъ! Въ прошломъ все было прекрасно. Причина всѣхъ причинъ, источникъ іюльскаго „разгрома" только и исключительно революція и ея вліяніе на русскаго солдата. Ну, а Сольдау, Варшава, Ковно, Перемышль, Санъ, Ковель, Митава и т. д., и т. д.?!—Этого не было, вовсе не было... Вино ненависти къ новому затуманило старыя мудрыя головы. Россія и Временное Правительство остались безъ совѣта и помощи вождей. Но зато здѣсь ген. Деникинымъ впервые была формулирована та программа „реванша", та „музыка будущаго" военной реакціи, которая вдохновляла потомъ многихъ и многихъ участниковъ Корниловскаго движенія. А нѣкоторые пункты изъ программы Деникина уже и раньше предъявлялись Временному Правительству, какъ требованія. Такъ въ самомъ началѣ Тарнопольскаго прорыва Главн. Ком. Союза Оф. Арм. и Фл. въ телеграммѣ адресованной Временному Правительству, телеграммѣ вообще очень знаменательной, между прочимъ, говоритъ: „Мы настаиваемъ на возстановленіи полной власти, авторитета (?) и дисциплинарныхъ правъ начальниковъ всѣхъ степеней."[1]

Керенскій. Какъ разъ Корнилова на этомъ совѣщаніи не было. Ему была послана изъ ставки такая телеграмма, по которой можно было думать, что его и не хотѣли приглашать. Я не могу точно воспроизвести фразы, но смыслъ былъ такой: въ виду трудной обстановки Юго-западнаго фронта вы пріѣхать не можете.

[Ген. Корниловъ такъ говоритъ объ этой депешѣ въ своемъ показаніи: „Я получилъ телеграмму Главковерха за № 5067, что ввиду положенія на юго-западномъ фронтѣ мой пріѣздъ въ Ставку не признается возможнымъ и что мнѣ предлагается представить свои соображенія".]

На совѣщаніи среди совершенно удручающихъ мнѣній, предложеній, высказанныхъ всѣми присутствующими генералами, нѣкоторымъ просвѣтомъ была телеграмма Корнилова. Тамъ было столько же тяжелаго, но сверхъ того въ ней было *нѣкоторое болѣе объективное* отношеніе къ солдатской массѣ и къ командному составу. Нужно сказать, что всѣ генералы, въ особенности Алексѣевъ, Рузскій и Деникинъ, проявили отсутствіе всякаго стратегическаго и политическаго горизонта. Все несчастіе, по ихъ мнѣнію, сводилось исключительно къ состоянію солдатской массы. Такъ одинъ изъ нихъ говорилъ, напримѣръ, что главная реформа, нужная для того, чтобы солдаты не бѣжали, это—немедленное возстановленіе отданія чести.

[Это былъ не Деникинъ.]

Въ этомъ родѣ сужденія высказывались! И на этомъ фонѣ мнѣніе ген. Корнилова, что переживаемыя несчастья заключаются не только въ деморализаціи солдатской массы, но и въ коренныхъ недостаткахъ командованія, которые были всегда; что поэтому сейчасъ необходимо одновременно съ мѣрами репрессій и самыя рѣшительныя мѣры къ оздоровленію команднаго состава,—это мнѣніе, какъ будто указывало на то, что человѣкъ немного шире и глубже смотритъ на положеніе вещей. По стилю этой телеграммы для меня стало ясно потомъ, что *не имъ* составлялась эта телеграмма. Однако, когда Корниловъ былъ назначенъ Верх. Главнокомандующимъ, всѣ его назначенія исходили изъ *обратнаго* принципа. Онъ немедленно сталъ продвигать и возстановлять въ должностяхъ людей наиболѣе старыхъ традицій.

Хотя бы вотъ разгромъ командного состава юго-зап. фронта, который начался, какъ только ген. Корниловъ перевелъ туда генераловъ Деникина и Маркова. Тамъ началось генеральное уничтоженіе всѣхъ командующихъ, сочувственно относившихся къ войсковымъ организаціямъ. Мнѣ пришлось выдерживать большую борьбу съ Корниловымъ. Такъ, онъ выдвигалъ во что бы то ни стало на командный постъ ген. Лечицкаго, который совершенно въ новыхъ условіяхъ не былъ пріемлемъ. Однимъ словомъ, практика его была настолько противоположна содержанію его же телеграммы, оглашенной въ совѣщаніи 16 іюля, что мнѣ кажется—эта телеграмма была составлена Савинковымъ или Филоненко, я не могу утверждать которымъ, но однимъ изъ нихъ.

[Постоянное стремленіе ген. Корнилова къ назначенію на командныя должности сторонниковъ до-революціонной системы управленія арміей, соединенное съ пассивнымъ отношеніемъ къ совершенно нетерпимымъ эксцессамъ нѣкоторыхъ начальниковъ по отношенію къ солдату, безразличное, по меньшей мѣрѣ, его отношеніе къ компаніи противъ войсковыхъ организацій, поднятой нѣкоторыми командующими и Штабами — все это приводило меня въ полное отчаяніе и вызывало во мнѣ очень тяжелыя недоумѣнія, пока я не понялъ, что у ген. Корнилова *двѣ* программы— одна для докладовъ Врем. Правительству и мнѣ, другая для жизни. Такъ, въ одной изъ его докладныхъ записокъ, предназначенной Врем. Правительству объ армейскихъ организаціяхъ, говорится слѣдующее: „должно казаться страннымъ и удивительнымъ, насколько эти молодыя выборныя учрежденія мало уклонились отъ правильнаго пути и насколько часто они оказывались на высотѣ положенія, кровью запечатлѣвая свою доблестную воинскую дѣятельность... Комитеты обезпечиваютъ своимъ существованіемъ, символизирующимъ въ глазахъ массы бытіе революціи, спокойное отношеніе къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя необходимы для спасенія арміи и страны на фронтѣ и въ тылу“. А въ жизни лучшій по организованности юго-западный фронтъ сталъ быстро разрушаться благодаря новому курсу ген. Деникина и Маркова, которыхъ одинаково рьяно стали поддерживать „строевикъ“ ген. Селивачевъ и только

что бывшій „демократомъ“ ген. Эрдели. Между тѣмъ заслуги Исп. Ком. и Комиссаровъ юго-зап. фронта по поднятію боеспособности арміи, а затѣмъ въ борьбѣ съ анархіей во время прорыва прямо *неоцѣнимы*.

Къ сожалѣнію, я долженъ подтвердить правильность слѣдующей характеристики Деникинскаго курса, сдѣланной въ резолюціи И. К. юго-зап. фронта. „Съ момента вступленія ген. Деникина на постъ Главн. Команд. юго-зап. фронтомъ сразу выразилось явно отрицательное отношеніе Штаба къ выборнымъ войсковымъ организаціямъ... Обнаружилось также неодинаковое отношеніе къ командному составу. Лица, нарушающія завоеванныя революціей права, пользуются одобреніемъ, а лица, находящія необходимымъ согласованную работу съ выборными организаціями, подвергаются опалѣ“. И не только стремились нарушать право! Пытались явочно возстановить тѣлесныя наказанія и прибѣгать къ мордобитію! Кстати ген. Алексѣевъ въ извѣстномъ письмѣ къ П. Н. Милюкову объясняетъ враждебное отношеніе И. К. юго-зап. фронта къ Деникину и Маркову тѣмъ, что „Комитетъ имѣлъ счеты съ Ден. и Мар., поставившими предѣлъ запусканію лапы Комитета въ казенный денежный мѣшокъ“. Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать полную вздорность такого обвиненія. И. К. юго-зап. фронта былъ одной изъ самыхъ серьезныхъ самоотверженныхъ патріотическихъ войсковыхъ организацій, безстрашно поднявшей послѣ 6 іюля свой голосъ противъ шкурниковъ и всѣмъ своимъ авторитетомъ поддержавшей власть въ ея борьбѣ съ солдатско-большевистской чернью.]

Предсѣдатель. Вотъ здѣсь, между прочимъ по поводу этого совѣщанія... Деникинъ участвовалъ?

Керенскій. Да!

Предсѣдатель. Онъ ссылался на то, что его взгляды на необходимыя въ ближайшее время реформы въ арміи, вызвали ваше одобреніе.

Керенскій. Нѣтъ. Деникинъ хорошій и мужественный человѣкъ. Видите, когда я пріѣхалъ на это совѣщаніе (оно вѣдь было не въ моментъ успѣха, а во время пораженій!), я сразу увидалъ, что все, что накопилось въ генералахъ противъ меня и противъ новаго строя, готово сейчасъ вы-

рваться наружу. Но Алексѣевъ, Брусиловъ и Рузскій, какъ болѣе искушенные въ разныхъ тонкостяхъ, очень сдерживались, но такъ и кипѣли. А Деникинъ велъ себя, какъ прямой и простой солдатъ, онъ выступилъ съ рѣчью такой по содержанію, какой ни при одномъ Правительствѣ въ глаза Главѣ Правительства ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы сказать. Да, при старомъ режимѣ такую рѣчь едва ли стали бы слушать. Тутъ были личные нападки на меня... И вотъ, чтобы подчеркнуть, что я совершенно иначе отношусь къ такимъ выступленіямъ и цѣню свободное мнѣніе, а также, чтобы избѣжать скандала (остальные генералы не знали, куда дѣваться), я, когда Деникинъ кончилъ, всталъ, протянулъ ему руку и сказалъ: „Благодарю Васъ, генералъ, за то, что Вы имѣете смѣлость откровенно высказывать свои сужденія". Это была моя оцѣнка лично его поступка, а не содержанія его рѣчи. Затѣмъ я возражалъ противъ точки зрѣнія Деникина и защищалъ свою. Но Деникинъ только наиболѣе ярко изложилъ ту точку зрѣнія, которую *про себя* раздѣляли остальные. Немедленное уничтоженіе выборныхъ организацій, уничтоженіе всѣхъ правъ декларацій, возстановленіе полноты власти и дисциплинарныхъ правъ командного состава, возстановленіе отданія чести—вотъ программа ген. Деникина.

[Однимъ словомъ, немедленное возстановленіе стараго порядка въ арміи]. Однако, даже присутствующіе здѣсь его единомышленники признали, что въ такой мѣрѣ—немедленно—сдѣлать это невозможно.

[Самъ ген. Деникинъ въ телеграммѣ своей № 145 отъ 27 августа на имя Врем. Правительства, по поводу увольненія ген. Корнилова, такъ говоритъ о своей рѣчи на Совѣщаніи 16 іюля въ Ставкѣ: „16 іюля на Совѣщаніи съ членами Врем. Правительства я заявилъ, что цѣлымъ рядомъ военныхъ мѣропріятій оно разрушило, растлило армію и втоптало въ грязь наши боевыя знамена". Онъ настолько убѣжденъ былъ, что ни одно Правительство не потерпѣло бы такой критики и прямого нападенія со стороны подчиненныхъ, что „оставленіе свое на посту Главнокомандующаго... понялъ тогда, какъ сознаніе Вр. Правительствомъ своего тяжелаго грѣха"... Онъ такъ и не понялъ, что Пра-

вительство, дѣйствительно подчиняющее свою дѣятельность праву и правдѣ, можетъ и должно спокойно выслушивать всякое честное и свободное мнѣніе.

Иронія судьбы! — [Ген. Деникинъ, арестованный на юго-зап. фронтѣ, какъ соучастникъ Корнилова, былъ спасенъ отъ ярости обезумѣвшей солдатской массы только усиліями членовъ И. К. Юго-зап. фронта и Комиссаровъ Врем. Правительства. Съ какимъ волненіемъ, помню я, мы читали съ незабвеннымъ Н. Н. Духонинымъ рапортъ о томъ, какъ горсть храбрецовъ среди тысячъ жаждавшихъ крови солдатъ, провели черезъ весь городъ ген. Деникина, Маркова и остальныхъ арестованныхъ, посадили ихъ въ поѣздъ и, силой очистивъ путь, вывезли благополучно изъ Бердичева. Какой гнусной клеветой звучитъ въ томъ же письмѣ къ Милюкову заявленіе ген. Алексѣева о томъ, „что страсти, доведенныя до ненависти, грубой толпы и солдатъ въ Бердичевѣ, созданы искусственно нечистой, дрянненькой личностью г-на N, и развращеннымъ составомъ Комитета, проявляющимъ демагогическія стремленія“ и что, „если у низменныхъ дѣятелей Бердичева, играющихъ на грубыхъ страстяхъ черни, сорвется ихъ игра—судъ въ Бердичевѣ и казнь—то въ ихъ распоряженіи самосудъ оскорбленной демократіи“. Судьба Н. Н. Духонина показала съ потрясающей наглядностью, что при руководителяхъ, *дѣйствительно* играющихъ на страстяхъ черни, гибель обреченныхъ неизбѣжна].

Предсѣдатель. Не это ли Совѣщаніе послужило основаніемъ замѣны ген. Брусилова—Корниловымъ?

Керенскій. — Въ извѣстной мѣрѣ—*да*. У насъ вообще выборъ былъ чрезвычайно маленькій. Ген. Брусиловъ, по моему, оставаться не могъ. Онъ тоже совершенно *растерялся*; не зналъ, что же дальше ему дѣлать, видимо, совершенно потерялъ возможность продолжать тотъ курсъ, съ бо́льшимъ уклономъ на солдатскую массу, чѣмъ на командный составъ. А положеніе было таково, что событія могли развернуться съ катастрофической быстротой, если бы не было твердой руки уже *по всему фронту*. Предполагалось, что ударъ германскій будетъ развиваться дальше. Съ другой стороны я долженъ былъ считаться съ тѣмъ, что назначеніе человѣка съ программой Деникина вызвало бы сразу генеральный

взрывъ во всей солдатской массѣ. По этимъ соображеніямъ и пришлось остановиться.

Предсѣдатель. И не было ли какого-нибудь намека, м. б. политическаго соображенія какого-нибудь въ смыслѣ, такъ сказать, реакціонности Брусилова или его склонности даже къ контръ-революціоннымъ стремленіямъ? Или такихъ данныхъ не было и только оставалась растерянность, неувѣренность?

Керенскій. Я и раньше, до разгрома уже замѣчалъ, что, собственно говоря, *Ставка не имѣетъ плана*, что все тамъ не твердо и больше идутъ за событіями, а не руководятъ ими. Я помню, напримѣръ, Брусилова въ моментъ, когда выяснилось, что не тотъ темпъ развитія наступленія, который долженъ былъ быть. Я видѣлъ, что онъ ужасно не разбирался въ обстановкѣ всѣхъ фронтовъ. Но никакихъ данныхъ къ тому, чтобы сказать—Брусиловъ—контръ-революціонеръ, *не было*. Я только считалъ, что при этомъ отсутствіи оріентировки, при этомъ его колебаніи, онъ не можетъ дальше руководить арміей. На этомъ совѣщаніи онъ не противопоставилъ ничего своего этимъ разговаривающимъ генераламъ [пассивно поддаваясь общему настроенію].

Получилось положеніе, при которомъ, если бы мы остались съ Брусиловымъ, мы бы шли навстрѣчу событіямъ въ полной неизвѣстности. Мы не могли бы сказать, пойдемъ ли завтра по тому или другому пути, что будетъ съ арміей, не пойдемъ ли сразу по всѣмъ направленіямъ и т. д.

[Планъ наступательной операціи 18-го года состоялъ въ общихъ чертахъ въ томъ, что всѣ фронты одинъ за другимъ въ извѣстной послѣдовательности наносятъ удары противнику, съ такимъ разсчетомъ, чтобы противникъ не успѣвалъ во время сосредоточивать свои силы на мѣсто удара. Такимъ образомъ общее наступленіе должно было развиваться довольно быстро, между тѣмъ на практикѣ всѣ сроки были сразу нарушены и необходимая связь между операціями отдѣльныхъ фронтовъ быстро утеривалась. А слѣдовательно, исчезалъ и смыслъ этихъ операцій. Какъ только это сдѣлалось болѣе или менѣе очевиднымъ, я еще передъ 6-мъ іюля предлагалъ ген. Брусилову прекратить общее наступленіе. Однако сочувствія не встрѣтилъ. На

фронтахъ продолжались отдѣльныя операціи, но живой духъ, разумъ этихъ дѣйствій исчезъ! Осталась одна инерція движенія, только усиливающая разруху и распылявшая армію! Помню, что указанія ген. Корнилова, въ телеграммѣ отъ 11/VII на необходимость „немедленнаго прекращенія наступленія на всѣхъ фронтахъ“ имѣла большое значеніе въ его назначеніи Главковерхомъ.]

Предсѣдатель. Не велся ли разговоръ въ вагонѣ съ Савинковымъ и Филоненко по поводу Совѣщанія, чѣмъ и вызванъ нашъ предыдущій вопросъ?

Керенскій. Я не знаю какой разговоръ! Разговоры были разные.

Предсѣдатель. О намѣчавшейся замѣнѣ Брусилова Корниловымъ.

Керенскій. Долженъ сказать, что Савинкова отъ Филоненко нужно отличать. Савинковъ пріѣхалъ, насколько я помню, на это Совѣщаніе со мной... Ахъ, нѣтъ — онъ пріѣхалъ съ юго-западнаго фронта, [только вызванный мною]. Онъ былъ тогда еще комиссаромъ. Сначала я даже не зналъ, что Филоненко въ Ставкѣ. Вообще я зналъ работу Савинкова на юго-западномъ фронтѣ. Съ нимъ я разговаривалъ. А Филоненко очень мало мнѣ извѣстная личность. Я его почти впервые здѣсь въ Ставкѣ увидѣлъ. Послѣ Совѣщанія 16 іюля вообще разговоръ былъ въ вагонѣ. Я не помню, присутствовалъ ли Филоненко, но думаю, что *такъ* разговаривать, какъ Савинковъ, онъ не могъ.

Предсѣдатель. И, можетъ быть, по поводу нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Правительствѣ велась бесѣда въ связи съ этимъ Совѣщаніемъ? Какой тогда намѣчался составъ Правительства или нѣкоторыя измѣненія въ составѣ Правительства?

Керенскій. Не помню совершенно, что было тогда въ вагонѣ. Тогда я уже былъ Министромъ Предсѣдателемъ, значитъ... Я не помню, кончился ли тогда этотъ кризисъ или не кончился. Какъ будто это было въ то время, когда не былъ еще пополненъ составъ Временнаго Правительства. Не могу сказать. Не помню. Если не былъ пополненъ составъ—разговоръ былъ. Тогда кризисъ длился очень долго, кажется, чуть ли не мѣсяцъ, и кончился моимъ выходомъ

въ отставку. Только этимъ я заставилъ общественные круги въ концѣ-концовъ сговориться. Вообще я долженъ сказать— если ссылаются на какой-нибудь разговоръ со мной — что разговоры вокругъ меня идутъ свободно. Я никогда не препятствую никому не только Комиссару фронта, но даже и подпоручику, высказывать свое мнѣніе, совѣтовать и т. д. Но это рѣдко имѣетъ какое-нибудь значеніе или вліяніе на послѣдующія событія.

[Во время самого допроса эти вопросы о разговорахъ въ вагонѣ казались мнѣ мало относящимися къ дѣлу и едва ли нужными. Теперь „на досугѣ", ознакомившись съ показаніями по дѣлу Корнилова, я вижу то употребленіе, которое пытались извлечь изъ подобныхъ разговоровъ и считаю нужнымъ на этомъ подробнѣе остановиться.

Теперь я понялъ, что Слѣдственная Комиссія выясняла себѣ вопросъ о „безотвѣтственныхъ вліяніяхъ" на Министра Предсѣдателя. Вотъ относящіяся сюда мѣста тѣхъ показаній по дѣлу ген. Корнилова, съ кот. я могъ познакомиться. Самъ ген. Корниловъ говоритъ, что онъ „открыто", заявилъ Савинкову, что онъ находитъ „Керенскаго человѣкомъ слабохарактернымъ, легко поддающимся чужому вліянію". Савинковъ разсказываетъ: „По дорогѣ въ вагонѣ я узналъ отъ А. Ф. Керенскаго, что я вызванъ имъ съ юго-западнаго фронта въ виду формированія новаго Кабинета: въ вагонѣ же намѣчался новый составъ этого Кабинета, построеннаго на принципѣ утвержденія сильной революціонной власти... Однако намѣченная А. Ф. Керенскимъ *въ вагонѣ* комбинація, по пріѣздѣ въ Петербургъ не осуществилась. Вопросъ о твердой революціонной власти остался открытымъ, но ген. Корниловъ былъ назначенъ Главковерхомъ, Филоненко Комиссарверхомъ и я—Упрвоеннымином". „По пути, говоритъ Филоненко, при энергичной поддержкѣ М. И. Терещенко, *мы* нѣсколько разъ докладывали Министру-Предсѣдателю о необходимости образованія сильной власти и въ частности обсуждался вопросъ о Маломъ „Военномъ Кабинетѣ" въ составѣ Временнаго Правительства... За эту мысль, находившую полное сочувствіе А. Ф. Керенскаго, горячо высказался М. И. Терещенко"... Наконецъ, въ дополнительномъ показаніи Савинкова есть особый пунктъ 4-й „О безотвѣтствен-

ныхъ совѣтникахъ“, гдѣ прямо говорится слѣдующее: „Мнѣ пришлось убѣдиться, что Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, съ вѣдома А. Ф. Керенскаго *вмѣшиваются* въ дѣла Военнаго Вѣдомства“. Но вѣдь Некрасовъ и Терещенко были полноправными членами Врем. Правительства и по собственному праву, безъ всякаго моего „вѣдома“, могли „вмѣшиваться“ въ управленіе любого вѣдомства. „И не только могли, но и должны были, т. к. Врем. Правительство несло солидарную коллегіальную отвѣтственность. Но, кромѣ того, Н. В. Некрасовъ былъ тогда моимъ замѣстителемъ, М. И. Терещенко Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Вопросы военные обоихъ непосредственно и близко касались. И я съ ними гораздо чаще, чѣмъ съ другими Министрами совѣтовался, именно, по вопросамъ военно-политическимъ. Только очень наивный, въ вопросахъ государственнаго управленія, человѣкъ, можетъ въ данномъ случаѣ говорить о безотвѣтственныхъ вліяніяхъ. „Кромѣ того, мнѣ пришлось убѣдиться, продолжаетъ Савинковъ, что А. Ф. Керенскому, по дѣламъ государственнымъ подаютъ свои совѣты лица, *не* принадлежащія къ составу Временнаго Правительства. Такъ по вопросу о формированіи министерства высказывался полковникъ Барановскій и флагъ-капитанъ Муравьевъ, а также, насколько мнѣ извѣстно, Гоцъ и Зензиновъ, а по вопросу объ „ультиматумѣ“—В. Н. Львовъ, господа Балавинскій и Вырубовъ“.

Балавинскій и Вырубовъ, какъ это видно будетъ дальше, оказали мнѣ существенную помощь вечеромъ 26 августа и больше ничего. О томъ, въ какихъ условіяхъ высказывались полк. Барановскій и флагъ-капитанъ Муравьевъ, я скажу ниже. Что же касается указанія на вліянія Гоца и Зензинова, то я бы могъ очень расширить тотъ списокъ безотвѣтственныхъ совѣтниковъ, добавивъ сюда представителей и другихъ политическихъ партій (к.-д., н.-с., с.-д. и т. д.), съ которыми при *каждомъ пополненіи состава* Врем. Правительства я *всегда совѣщался*. Я думаю, что нельзя составить сколько-нибудь серьезно Кабинета, не выяснивъ сначала желанія и устремленія всѣхъ партій, которыя затѣмъ должны будутъ поддерживать образуемое Правительство.

Но вотъ, когда вопросъ касался не политическаго соглашенія для составленія коалиціоннаго Правительства, а

когда дѣло шло о вопросѣ, разрѣшаемомъ въ порядкѣ управленія, то здѣсь самые влiятельные изъ „безотвѣтственныхъ совѣтниковъ" оказывались безсильными, даже „Гоцъ и Зензиновъ". Такъ, они оба отъ имени партiи с.-р. рѣшительно возражали противъ назначенія Б. В. Савинкова Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ, а онъ все-таки былъ назначенъ.

„Кромѣ того, полк. Барановскій, продолжаетъ свои разоблаченія Б. В. Савинковъ, высказывался неоднократно по вопросу о назначеніи и смѣщеніи лицъ высшаго командна го состава".

Но полковникъ Барановскій былъ начальникомъ моего Военнаго Кабинета, обязанный давать мнѣ точныя справки и заключенія по всѣмъ доходившимъ до меня военнымъ вопросамъ! Мнѣнія его о личномъ составѣ вѣдомства никогда, однако, не имѣли рѣшающаго значенія; онъ только помогалъ мнѣ разбираться въ этомъ вопросѣ. Въ число „безотвѣтственныхъ совѣтниковъ" Савинковъ включаетъ даже моихъ 18-лѣтнихъ адъютантовъ. Ну,—тутъ ужъ я пасую и опровергнуть сіе обвиненіе не въ силахъ!

Я нарочно сдѣлалъ всѣ эти подробныя выписки для того, чтобы на примѣрѣ показать, какъ пишется исторія и какъ создаются легенды. События 3—4 іюля въ Петербургѣ, прорывъ фронта, кризисъ власти, осложненія съ національностями, экономическія затрудненія, продовольственная разруха—со всѣмъ этимъ должно было справляться Временное Правительство, да еще въ сокращенномъ составѣ (к.-д. какъ разъ ушли). Все это, въ особенности, падало на меня—почти круглыя сутки приходилось разрываться между дѣлами Верховнаго управленія, вопросами внутренней политики, докладами по Военному и Морскому Министерствамъ, да еще непрерывно ѣздить то на фронтъ, то въ Ставку! Въ такое время, вагонъ это отдыхъ, передышка, когда можно немного распуститься, перестать быть М. Предсѣдателемъ, спокойно сидѣть, молчать и слушать. Когда можно дать окружающимъ вволю наговориться на всѣ темы, т. к. вѣдь и мои ближайшіе сотрудники внѣ вагона несли каторжный трудъ. И вотъ такая вагонная передышка попадаетъ въ исторію! Случайные участники обычной вагонной бесѣды

на злобы дня превращаютъ ее въ политическое событіе, ставя себя, конечно, въ центрѣ („Мы докладывали“ и т. д.). А затѣмъ, когда въ дѣятельности Временнаго Правительства изъ того, что „мы докладывали“ ничего не осуществляется, то, конечно, виновниками оказываются другіе совѣтники, позже воспользовавшіеся „слабохарактерностью“ Премьера!

Чтобы управлять, нужно умѣть молчать, слушать, а другимъ давать выговариваться—это даетъ возможность по отдѣльнымъ штрихамъ глубже проникать иногда въ неосознанныя еще настроенія и устремленія общественныхъ круговъ. Конечно, и въ вагонѣ приходилось и дѣломъ заниматься. Такъ и на этотъ разъ я внимательно выслушалъ всѣ соображенія Савинкова по военнымъ вопросамъ и его характеристику ген. Корнилова, т. к. оба они предназначались къ болѣе отвѣтственной, чѣмъ раньше, Государственной Дѣятельности].

Предсѣдатель. Каково было отношеніе Ваше, г. Министръ, и Врем. Правительства къ предложеніямъ Корнилова по укрѣпленію дисциплины въ арміи и возстановленію порядка, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу? Къ его программѣ, требованіямъ и т. д., которые онъ предъявлялъ съ момента его назначенія Главковерхомъ?

Керенскій. Видите,—тутъ надо брать двѣ стороны: сущность его пожеланій и формы, въ которыхъ онъ хотѣлъ ихъ проводить въ жизнь. Существо его мѣропріятій въ извѣстной мѣрѣ уже вырабатывалось Военнымъ Министерствомъ и должно было планомѣрно проводиться въ жизнь; напр.: урегулированіе отношеній между комитетами, комиссарами и начальствомъ, урегулированіе правъ и обязанностей, дисциплины въ арміи, между прочимъ, возстановленіе и укрѣпленіе соотвѣтствующаго положенія офицерскаго состава и т. д. Все это у насъ *уже* разрабатывалось. Прибавилось только одно: проекты превратились въ *требованія*, которыя предъявлялись Врем. Правительству ген. Корниловымъ. Это было очень подчеркнуто. Кромѣ того, особенно выдвигалась репрессивная сторона въ видѣ смертной казни, революціонныхъ судовъ въ тылу и т. д.: часть Врем. Правительства высказывалась за то, чтобы незамедлительно

примѣнить цѣликомъ „требованія“ ген. Корнилова Я же и другая, большая часть Правительства, находили, что Корниловскія требованія могутъ быть только матеріаломъ, какъ и предложенія другихъ начальниковъ, хотя бы и очень высокихъ, предложенія подлежащія свободному обсужденію Врем. Правительства, и что мы не можемъ измѣнять нашей принципіальной линіи, т. е. должны проводить нужныя мѣры постепенно и только то, что пріемлемо безъ всякихъ излишнихъ потрясеній въ арміи и странѣ. Это по существу. Что касается формы, то тутъ рѣшительно мы, Врем. Правительство, должны были самымъ категорическимъ образомъ протестовать противъ ультимативной манеры обращенія къ власти и съ этой манерой бороться во имя охраненія правъ Верховной власти Врем. Правительства и вообще престижъ Правительственной власти. Вѣдь первый ультиматумъ былъ предъявленъ ген. Корниловымъ *сейчасъ же*, какъ только онъ былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ и еще не выѣзжалъ изъ Бендеръ. Я ему послалъ, какъ принято въ такихъ случаяхъ, телеграмму, гдѣ поздравлялъ его съ назначеніемъ и выражалъ надежду, что подъ его командованіемъ..... однимъ словомъ, какъ всегда. Мнѣ казалось, что человѣкъ безъ всякой задней мысли дѣйствительно хочетъ и будетъ работать. Въ отвѣтъ на эту телеграмму я получилъ сразу съ мѣста въ карьеръ первый ультиматумъ. Вы знаете эту исторію о Черемисовѣ? Тогда во Врем. Правительствѣ я говорилъ, что нужно немедленно уволить Корнилова, что мы должны, если хотимъ возстановить дисциплину въ арміи, показать примѣръ наверху. Это мое предложеніе не прошло, а Корниловъ понялъ эту снисходительность власти, какъ ясное доказательство ея *безсилія*.

[Ген. Корниловъ въ первыя же сутки пребыванія своего на посту Главковерха ухитрился послать мнѣ, собственно говоря, даже двѣ ультимативныя телеграммы, но мое отношеніе къ нимъ было совершенно разное. Первую телеграмму я просто принялъ къ свѣдѣнію. Содержаніе ея оффиціально Правительству не докладывалъ, хотя эта телеграмма заключала въ себѣ ни больше ни меньше, какъ „условія“ ген. Корнилова, на которыхъ онъ *согласенъ* оста-

ваться на посту Главковерха. Вотъ эта первая ультимативная телеграмма: „Постановленіе Врем. Правительства о назначеніи меня Верховнымъ Главнокомандующимъ я исполняю, какъ солдатъ, обязанный являть примѣръ воинской дисциплины, *но уже какъ* Верховный Главнокомандующій и гражданинъ свободной Россіи заявляю, что я остаюсь на этой должности лишь до того времени, пока буду сознавать, что приношу пользу родинѣ и установленію существующаго строя. Въ виду изложеннаго докладываю, что я принимаю назначеніе при условіяхъ: 1) *отвѣтственности передъ собственной совѣстью и всѣмъ народомъ*, 2) *полное невмѣшательство* въ мои оперативныя распоряженія и потому *въ назначенія* высшаго командного состава, 3) распространеніе принятыхъ на фронтѣ за послѣднее время мѣръ и на тѣ мѣстности тыла, гдѣ расположены пополненія для арміи, 4) принятіе моего предложенія, переданнаго телеграфно Верховному Главнокомандующему къ Совѣщанію въ Ставкѣ 16 іюля“......

Теперь на фонѣ разыгравшихся потомъ событій эти „кондиціи“ (составленныя Завойко) дѣлаютъ впечатлѣніе далеко не такое наивное, какъ 20 іюля 1917 г. Тогда, если бы отнестись къ нимъ серьезно, оффиціальное обсужденіе этого ультиматума ген. Корнилова, дѣйствовавшаго „уже какъ Верховный Гланокомандующій“, съ неизбѣжностью должно было повлечь за собою только одно,—(см. Пункты 1-й и 2-й условій)—немедленное устраненіе ген. Корнилова отъ должности съ преданіемъ суду по законамъ военнаго времени. А между тѣмъ во всемъ этомъ документѣ чувствовалась такая элементарная неграмотность въ вопросахъ государственныхъ, что просто рука не подымалась на этого мужественнаго солдата, подписавшаго документъ, явно подсунутый ему „случайными людьми“. Вѣдь тогда я вполнѣ еще присоединился бы къ мнѣнію, высказанному впослѣдствіи кн. Г. Н. Трубецкимъ:[1]) „Общее мое впечатлѣніе, писалъ князь о Корниловѣ, таково: онъ прежде всего солдатъ и въ сложныхъ политическихъ вопросахъ разбирается мало и въ этомъ отношеніи въ немъ ярко выразилось то,

---

[1]) Начальникъ Дипломатической Канцеляріи при Ставкѣ.

что было свойственно и всему командному составу"... Я помню, что, прочтя эти условія Главковерха, я сейчасъ же показалъ телеграмму Савинкову и Барановскому. Оба они сказали, что на это не стоитъ обращать вниманія, а Савинковъ добавилъ, что въ этомъ выступленіи онъ видитъ опять вліяніе вредныхъ авантюристовъ, ютящихся около генерала и, что послѣ соотвѣтствующаго разъясненія Корниловъ пойметъ свою ошибку.

Если къ этому же вспомнить, что тогда „всѣ и вся" обращались къ Временному Правительству только съ „требованіями", что это была единственная принятая форма общенія съ властью, форма вполнѣ понятная послѣ долгаго рабства у людей опьяненныхъ свободой, форма, которой пользовались и уличный митингъ и Совѣщаніе членовъ Государственной Думы, органы „революціонной демократіи" и главный Комитетъ Союза Офицеровъ,—если все это вспомнить, то будетъ понятно, почему къ условіямъ Корнилова я отнесся только, какъ къ *словесности*. А если еще учесть то, исключительно трудное положеніе на фронтѣ, которое требовало къ себѣ чрезвычайно бережнаго отношенія, требовало не „политики", а военнаго искусства, то. я думаю, всякій безпристрастный человѣкъ пойметъ, что ничего другого я и не могъ сдѣлать съ этой телеграммой Корнилова, какъ только оставить ее у себя на столѣ!

Совсѣмъ другого рода было уже дѣло о генералѣ Черемисовѣ. На этотъ разъ передо мной была уже не словесность, а совершенно опредѣленное *дѣйствіе*, на которое, по моему мнѣнію, должна была послѣдовать немедленная реакція со стороны верховной власти.

Самъ ген. Корниловъ такъ излагаетъ въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи этотъ свой черемисовскій „конфликтъ" съ Врем. Правительствомъ.

„*19 іюля* постановленіемъ Врем. Правительства, я былъ назначенъ на постъ Верховнаго Главнокомандующаго. Въ отвѣтной телеграммѣ я изложилъ тѣ условія, при которыхъ я считаю возможнымъ принять этотъ постъ." (Вспомните— „уже какъ"). Однимъ изъ нихъ являлось полное невмѣшательство Врем. Правительства... и въ назначеніе Высшаго Командного Состава. Въ отвѣтъ на эту телеграмму я полу-

чилъ телеграмму отъ Военнаго Министра, что за мной признается право назначенія моихъ помощниковъ, а на слѣдующій день изъ агентскихъ телеграммъ узналъ, что безъ моего представленія и безъ моего вѣдома Главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ назначенъ ген. Черемисовъ. Я вынужденъ былъ обратиться къ Военному Министру съ телеграфной просьбой отмѣнить сдѣланное назначеніе, предупредивъ, что я иначе *не признаю возможнымъ* принять на себя Верховнаго Командованія. 20 іюля я послалъ къ Савинкову телеграмму о томъ, что до полученія категорическаго отвѣта на мои телеграммы я въ Ставку *не* выѣду".

Во-первыхъ, одновременное назначеніе генераловъ Корнилова и Черемисова послѣдовало Указами Прав. Сенату отъ *18 іюля*, т. е. *до* посылки Корниловымъ своихъ условій, а слѣдовательно мой отвѣтъ на телеграмму ген. Корнилова отъ 19 іюля къ тому, что произошло 18 іюля отношенія имѣть не могъ.

Во-вторыхъ, въ моей отвѣтной телеграммѣ никакого согласія на „*полное* невмѣшательство" не было, а только говорилось о томъ, что ген. Корниловъ, какъ Верх. Главнокомандующій имѣетъ право дѣлать назначенія, этой должности присвоенное, и никто этого права не оспариваетъ. Дѣло въ томъ, что по положенію о Верховномъ Главнокомандующемъ, выработанномъ еще въ расчетѣ на Вел. Кн. Николая Николаевича, ему, Главковерху, было предоставлено право допускать къ исполненію той или другой должности съ представленіемъ post factum этихъ лицъ на утвержденіе Верховной власти. Положеніе это сохранилось и послѣ революціи съ тѣмъ, что права Верховной власти перешли къ Врем. Правительству. На практикѣ, какъ до, такъ и послѣ революціи, взаимоотношеніе Верховной власти и Ставки въ вопросѣ назначенія высшаго командная состава сводились къ предварительному соглашенію. Я не помню случая, чтобы Врем. Правительство назначило кого-либо въ армію помимо Ставки или не утвердило бы въ должности лицо, уже фактически ею назначенное. Но съ другой стороны долженъ засвидѣтельствовать, что и ген. Алексѣевъ и ген. Брусиловъ никогда не пользовались въ серьезныхъ случаяхъ своимъ правомъ допущенія, не запросивъ сначала

въ частномъ порядкѣ мнѣніе министровъ—Предсѣдателя и Военнаго. Конечно, попытка ген. Корнилова толковать расширительно права Верховнаго Главнокомандующаго до полной независимости его отъ Правительства—не удалась. И при Корниловѣ Врем. Правительство въ полной мѣрѣ пользовалось своимъ правомъ контроля и окончательнаго утвержденія высшаго команднаго состава, совершенно рѣшительно вмѣшиваясь въ дѣйствія Ставки, когда находило это нужнымъ. Въ-третьихъ, и это самое главное, несмотря на мою отвѣтную телеграмму, ген. Корниловъ не только продолжалъ требовать смѣщенія ген. Черемисова подъ угрозой оставленія своей должности во время военныхъ дѣйствій, во время наступленія врага. Принявъ должность Верховнаго Главнокомандующаго 19 іюля, Корниловъ до 24 іюля, т. е. въ теченіе пяти дней, не приступалъ самовольно къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Это было уже далеко не словесность, а весьма серьезное нарушеніе воинскаго долга, грозившее тяжелыми для страны послѣдствіями.

Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что не настоялъ до конца на немедленномъ тогда же смѣщеніи Корнилова, но... но тогда было такое страшное время, на фронтѣ такъ настоятельна была потребность въ волевой личности. Да къ тому же при создавшемся положеніи сохраненіе ген. Черемисова на посту Главкоюза могло бы принести только вредъ. При оцѣнкѣ этого „конфликта" нужно помнить, что ген. Черемисовъ, въ должности Командира одного изъ Корпусовъ 8-й арміи, наносилъ ударъ подъ Галичемъ и много содѣйствовалъ новымъ лаврамъ ген. Корнилова. При посѣщеніи моемъ 8-й арміи, наканунѣ начала Галичской операціи, я ничего, кромѣ хорошаго отъ ген. Корнилова о Черемисовѣ не слыхалъ, а на меня лично ген. Черемисовъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, умѣвшаго командовать войсками въ новыхъ по-революціонныхъ условіяхъ. Въ глазахъ всякаго незаинтересованнаго человѣка ген. Черемисовъ казался естественнымъ замѣстителемъ ген. Корнилова. И спѣшно, назначая обоихъ 18 іюля, я и не думалъ, что создаю „конфликтъ".

Съ тѣхъ поръ еженедѣльно я получалъ отъ ген. Корнилова какой-нибудь ультиматумъ. Повторяю, съ этими

ультиматумами, съ этой манерой обращаться съ Верховной Властью *я борьбу велъ самую рѣшительную, боролся съ перваго дня до послѣдняго.*

Борьба эта тѣмъ болѣе была трудна, что я не могъ и не хотѣлъ прибѣгать къ тому излюбленному тогда и справа и слѣва средству, которое называется *демагогией.* Стоитъ перечитать нѣкоторыя газеты того времени, чтобы увидѣть, какъ планомѣрно черезъ спеціальныхъ корреспондентовъ, интервью, декларативныя телеграммы (появлявшіяся въ газетахъ раньше, тѣмъ на столѣ Министра Предсѣдателя) вела Ставка демагогическую компанію и какой все это находило отзвукъ у демагоговъ слѣва. Наблюдая эти разыгравшіяся страсти, Правительство всячески старалось смягчить общественную атмосферу, поддержать въ демократіи авторитетъ Ставки, какъ высшаго военнаго центра, ввести въ рамки ген. Корнилова, *такъ,* чтобы не усилить рознь въ арміи. За всѣ эти долгія напряженныя недѣли борьбы нельзя найти ни одного случая выступленія кого-либо изъ Правительства противъ Ставки. Напротивъ, воспользовавшись пріѣздомъ 3 августа ген. Корнилова въ Петербургъ, я въ засѣданіи Временнаго Правительства нарочно устроилъ маленькое чествованіе генерала, опубликованное затѣмъ во всѣхъ газетахъ. На Московскомъ Совѣщаніи и передъ нимъ Правительство принимало, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, всѣ мѣры, чтобы не дать Корнилову „сорвать" самого себя... Борьба Правительства съ Корниловымъ выразилась, такъ сказать, въ пассивной оборонѣ и выражалась въ томъ, что ему и его сторонникамъ не удавалось сдѣлать *ни шагу дальше* тѣхъ предѣловъ, которые ставились Временнымъ Правительствомъ. И всѣ попытки провести въ жизнь свои требованія, пользуясь Врем. Правительствомъ, какъ *средствомъ*, кончились полной неудачей. Врем. Правительство исполняло волю всего народа, какъ она выражалась въ соглашеніи тѣхъ политическихъ организацій, которыя посылали своихъ представителей въ составъ Врем. Правительства и заставить его уклониться отъ этой общенародной программы и дѣйствовать въ интересахъ только части народа можно было, только сбросивъ его, что не удалось 27 августа и случилось 25 октября].

Предсѣдатель. Всегда Корниловъ направлялъ эти требованія о реформѣ въ арміи и въ тылу Вамъ, или онѣ шли черезъ Савинкова, и всегда ли Вы были ознакомлены съ ними?

Керенскій. Нѣтъ, и я долженъ сказать, что самымъ критическимъ въ этомъ отношеніи временемъ былъ моментъ возможнаго срыва Московскаго Совѣщанія наканунѣ его открытія (10—11 августа), когда безъ моего вѣдома былъ вызванъ Корниловъ въ Петербургъ, хотя Корниловъ отказался [(въ виду тяжелаго положенія у Риги)] ѣхать сюда. Военное Министерство настаивало, т. е. настаивали Савинковъ и Филоненко на его пріѣздѣ. Когда (около 12-ти часовъ ночи въ канунъ пріѣзда Главковерха въ Петербургъ), я узналъ объ ихъ настаиваніяхъ, я послалъ Корнилову въ путь телеграмму приблизительно такую: Врем. Правительство Васъ не вызывало, не настаивало на Вашемъ пріѣздѣ и не беретъ за него никакой на себя отвѣтственности, въ виду стратегической обстановки. Корниловъ все-таки пріѣхалъ и мнѣ была имъ предложена [для внесенія въ тотъ же день въ вечернемъ засѣданіи Врем. Правительства] записка, якобы, выработанная по соглашенію между Военнымъ Министромъ и Главковерхомъ. Но *я ее не видѣлъ до того момента*, какъ она была мнѣ показана Верховнымъ Главнокомандующимъ. Корниловъ ее тоже не видѣлъ до пріѣзда въ Петербургъ, но думалъ, что я ее знаю. Вотъ онъ сидѣлъ на этомъ маленькомъ стулѣ, а я на томъ креслѣ и мнѣ какъ будто удалось доказать ему, что какъ бы ни относиться къ содержанію данной записки, по самой формѣ, невозможно, чтобы отъ имени Военнаго Министра исходилъ документъ, содержаніе коего мнѣ—Военному Министру не извѣстно, [и что поэтому до моего подробнаго ознакомленія съ ней, она не можетъ обсуждаться во Врем. Правительствѣ].

Корниловъ съ этимъ согласился, и взялъ эту записку и уѣхалъ. Однако вечеромъ вернулся, съ совершенно измѣнившимся настроеніемъ и заявилъ, что вполнѣ присоединяется къ Савинкову съ Филоненко и докладъ уже подписалъ.

Предсѣдатель. Такъ что эта записка не отъ него исходила, а, вѣроятно, писалъ ее Савинковъ?

Керенскій. Составлена она, кажется, Филоненко.

[Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, въ этомъ мѣстѣ моего показанія рѣчь идетъ о, такъ называемой, 2-й запискѣ ген. Корнилова. Эта записка должна была быть внесена во Врем. Пр-во вмѣсто первой записки Главковерха, которую онъ предполагалъ докладывать Правительству 3-го августа, но докладъ которой былъ отложенъ впредь до согласованія ея содержанія съ мнѣніемъ Военнаго Министра. Такимъ образомъ само происхожденіе этой второй записки указываетъ, что предварительное мое, если не полное согласіе съ ней по существу, то во всякомъ случаѣ мое знаніе ея содержанія, было непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ внесенія ея на обсужденіе Врем. Правительства. Да и изъ показанія ген. Корнилова видно, что его рѣшеніе въ 6 часовъ вечера 10 августа подписать записку Савинкова и Филоненко было вызвано тѣмъ, что Савинковъ, заявляя, „что докладъ дѣйствительно не былъ представленъ А. Фед. Керенскому въ законченномъ видѣ“, сказалъ, однако, что онъ докладывался ему (Керенскому) „по частямъ, по мѣрѣ подготовленія и во всякомъ случаѣ содержаніе доклада Министру-Предсѣдателю извѣстно“. Въ дѣйствительности мнѣ былъ извѣстенъ только первый пунктъ „О введеніи военно-революціонныхъ судовъ въ тылу“. Однако, самъ Савинковъ въ своемъ показаніи замѣняетъ точное слово—„содержаніе“ неопредѣленнымъ терминомъ — „сущность“. „Эта докладная записка, говоритъ Савинковъ, помимо законопроектовъ о комитетахъ и Комиссарахъ, содержала въ себѣ еще и законопроекты: 1) о введеніи военно-революціонныхъ судовъ въ тылу, 2) о возвращеніи дисциплинарной власти начальникамъ, 3) о милитаризаціи жел. дор. и 4) о милитаризаціи предпріятій, работающихъ на оборону. О томъ, что такая докладная записка изготовляется Военнымъ вѣдомствомъ, А. Ф. Керенскій нѣсколько разъ поставленъ былъ мною изъ извѣстность, при чемъ я нѣсколько разъ излагалъ ему сущность ея, подчеркивая особенно законопроектъ о военно-революціонныхъ судахъ, которому придавалъ рѣшающее значеніе. А. Ф. Керенскій не высказывалъ своего отношенія къ предлагаемымъ мною мѣрамъ до 8-го августа, когда въ домѣ Военнаго Министерства онъ мнѣ категорически заявилъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ и ни при

какихъ обстоятельствахъ такой докладной записки *не* подпишетъ. Послѣ этого его заявленія я сказалъ, что въ такомъ случаѣ докладную записку во Врем. Правительство представитъ ген. Корниловъ, и я подалъ въ отставку“].

Уже это показаніе довольно красочно рисуетъ отношеніе Управляющаго Военнымъ Министерствомъ къ Военному Министру, но незамѣнимымъ комментаріемъ къ осторожнымъ словамъ Савинкова является телеграфная бесѣда Филоненко съ Комиссаромъ Юго-западнаго фронта Гобечіа отъ 27-го августа. „Вы знаете наше правило, говорилъ Филоненко, всегда дѣйствовать съ вѣдома не только нашихъ союзниковъ, но и нашихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ противниковъ. Поэтому мы заранѣе поставили въ извѣстность Предсѣдателя Совѣта Министровъ о томъ, что я пишу докладъ, что Б. В. находится со мной въ постоянномъ контактѣ, и что ген. Корниловъ вполнѣ раздѣляетъ нашъ взглядъ на положеніе вещей... Министръ Предсѣдатель не нашелъ возможнымъ докладъ поставить на обсужденіе Врем. Правительства. Тогда мы предупредили его, что во Врем. Правительствѣ докладъ все-таки будетъ внесенъ тѣмъ лицомъ, которое на это имѣетъ право, т. е. Главковерхомъ. Къ сожалѣнію, Министръ-Предсѣдатель не оцѣнилъ того искренняго и открытаго образа дѣйствій, который мы приняли... Я, прощаясь (Филоненко вечеромъ 10 августа уѣзжалъ въ Ставку), завѣрилъ Б. В., что въ этой *исключительной политической борьбѣ* онъ, конечно, имѣетъ право быть поддержанъ своими единомышленниками“.

Итакъ политическая борьба, ради которой считалось возможнымъ вытребовать ген. Корнилова, несмотря на то, что „измѣнившаяся стратегическая обстановка требовала его присутствія въ Ставкѣ“, какъ, по словамъ Савинкова, заявилъ ему самъ Корниловъ 9 августа по юзу, (это были критическіе дни Риги). Савинковъ, понимая всю серьезность этого своего поступка, увѣрилъ ген. Корнилова, по словамъ послѣдняго, что „Приглашеніе въ Петербургъ сдѣлано съ вѣдома Временнаго Правительства“. Въ своемъ же собственномъ показаніи Савинковъ говоритъ слѣдующее: „Я вызвалъ ген. Корнилова въ Петроградъ въ полномъ убѣжденіи, что дѣйствую въ полномъ согласіи съ А. Ф. Ке-

ренскимъ, ибо: 1) 3-го августа ген. Корниловъ предупредилъ, что пріѣдетъ въ Петроградъ для обсужденія докладной записки, и заявленіе его не встрѣтило возраженій со стороны А. Ф. Керенскаго, 2) 7-го августа ген. Корниловъ телеграфировалъ о томъ же А. Ф. Керенскому и возраженій не встрѣтилъ и 3) я доложилъ 8-го августа А. Ф. Керенскому и возраженій не встрѣтилъ. То обстоятельство, что 9-го А. Ф. Керенскій послалъ ген. Корнилову телеграмму (не заставшую уже ген. Корнилова въ Ставкѣ), съ указаніемъ, что пріѣздъ его въ Петроградъ не необходимъ, мнѣ извѣстно не было". Столь точно доказавъ обоснованность 3-го—7—8 августа—своего „убѣжденія" въ томъ, что дѣйствуетъ въ полномъ согласіи со мной, Савинковъ забылъ, что самъ-то онъ только 9 августа узналъ объ отказѣ ген. Корнилова пріѣхать въ Петербургъ. А. то, что Савинкову не была извѣстна моя телеграмма вдогонку за Корниловымъ, объясняется очень просто: она была послана поздно вечеромъ послѣ того, когда я случайно узналъ о самовольномъ повторномъ вызовѣ Корнилова и, къ сожалѣнію, узналъ не отъ самого Савинкова лично].

Раупахъ. Это 10-го было?

Керенскій. Все это было 10-го, а 11-го августа утромъ ко мнѣ явился Кокошкинъ съ заявленіемъ о томъ, что сейчасъ же выйдетъ въ отставку, если не будетъ сегодня же принята программа ген. Корнилова. Съ большимъ напряженіемъ, но мнѣ удалось эту исторію потушить.

[Надо только вспомнить то исключительное напряженіе политическихъ страстей, подъ давленіемъ которыхъ собиралось и открывалось Московское Совѣщаніе, чтобы понять, какое ошеломляющее впечатлѣніе утреннее появленіе Кокошкина съ отставкой произвело на меня, бывшаго въ самомъ центрѣ этого давленія. Утреннее свиданіе съ Ф. Ф. Кокошкинымъ 11 августа было однимъ изъ самыхъ бурныхъ моихъ политическихъ столкновеній, но сейчасъ мнѣ радостно вспомнить то страстное горѣніе глубокой любви къ родинѣ, которое чувствовалось въ тайникахъ души моего противника, любовь, которая такъ скоро сожгла Ф. Ф. на мученическомъ кострѣ; любовь, которая тогда дала намъ возможность въ концѣ концовъ заговорить внѣпартійно и

надпартійно братскимъ языкомъ сыновей одной матери — Россіи"...].

Выходъ группы министровъ изъ Врем. Правительства (т. к. за Кокошкинымъ, вѣроятно послѣдовали бы остальные министры к.-д.) наканунѣ открытія Всероссійскаго Совѣщанія по основаніямъ, которыя были у Кокошкина, т. е. изъ-за Корниловскихъ „требованій", сдѣлало бы дальнѣйшее сохраненіе національнаго равновѣсія невозможнымъ. Правительство, однако, слишкомъ хорошо знало о положеніи страны, чтобы рисковать гибельнымъ опытомъ „однородной власти" и должно было устранить всякій поводъ, которымъ большевики справа могли бы воспользоваться для подготовлявшейся попытки на Московскомъ Совѣщаніи создать, такъ называемую, „сильную власть" и во всякомъ случаѣ отклонить Правительственный курсъ направо. Конечно, такая попытка сама по себѣ только жестоко оконфузила бы своихъ участниковъ. Опасность ея могла быть только въ томъ, что она отбросила бы руководящіе демократическіе круги, въ это время честно и искренно шедшихъ въ ногу съ Правительствомъ, влѣво. Вѣдь, я думаю, Московское Совѣщаніе доказало, что мечта о томъ, что народныя массы въ то время могли бы быть отброшены отъ Временнаго Правительства вправо была вреднѣйшей утопіей, т. к. подобные мечтатели, безсильные что-либо сдѣлать, только раздражали и усиливали недовѣріе къ верхамъ низовъ. Тогда, на Московскомъ Совѣщаніи, правые утописты были благополучно поставлены на свое мѣсто, но никакая дѣйствительность не могла ихъ отрезвить и они продолжали шумѣть настолько, чтобы быть въ рукахъ лѣвыхъ демагоговъ удобнымъ орудіемъ для раздраженія звѣря въ массахъ, который и вырвался, наконецъ, на свободу!...].

Потомъ, послѣ Московскаго Совѣщанія, я предложилъ и уговорилъ Савинкова не выходить въ отставку. Когда въ Москвѣ, какъ казалось, всѣмъ стало яснымъ, что борьба съ Врем. Правительств. на такой почвѣ невозможна, я рѣшилъ, что дальше не стоитъ развивать всѣ послѣдствія [изъ этой исторіи съ запиской и вызовомъ Корнилова].

Конечно, рѣшеніе это, можетъ быть, покажется неправильнымъ, [но я не видѣлъ въ дѣйствіяхъ Савинкова злого

умысла, а видѣлъ только чрезмѣрное проявленіе его боевого темперамента. Во всякомъ случаѣ его уходъ не предотвратилъ бы Корниловской попытки, т. к. я убѣжденъ, что событія 27—29 августа подготовлялись за спиной Савинкова. Изъ дальнѣйшаго, я думаю, будетъ видно, что этотъ мой выводъ правиленъ].

Председатель. Были ли донесенія Вамъ Филоненко о заговорѣ въ ставкѣ и на чемъ основывались они; въ частности по поводу Лукомскаго и Тихменева?

Керенскій. Я читалъ въ газетахъ, что нѣкоторыми свидѣтелями какое-то большое значеніе придается тому, что, якобы мнѣ были донесенія о заговорѣ чуть ли не подъ руководствомъ Лукомскаго, и я не обратилъ на это вниманія... На самомъ дѣлѣ обстоятельства были совершенно иныя. Разговоръ о Лукомскомъ былъ, но вотъ въ какой обстановкѣ. Когда Филоненко былъ назначенъ Комиссаромъ при Верховномъ Главнокомандующемъ, то дня черезъ два послѣ этого мнѣ говоритъ Савинковъ, что Филоненко что-то „раскрылъ“ и что онъ настаиваетъ на „немедленномъ увольненіи“ Лукомскаго. Я отвѣтилъ—какъ это онъ узналъ, вѣдь онъ только что пріѣхалъ въ Ставку. Тутъ Филоненко пріѣхалъ сюда и заявилъ мнѣ, что „я не довѣряю ген. Лукомскому и настаиваю на его немедленномъ увольненіи“. Я отвѣтилъ на это, что не могу этого сдѣлать, потому что уволить начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго *безъ основанія и безъ данныхъ* совершенно невозможно, что мое положеніе будетъ совершенно нелѣпымъ—скажутъ, что это произволъ въ совершенно недопустимой формѣ: сегодня почему-то увольняетъ одного, завтра уволитъ другого. Ген. Лукомскій до сихъ поръ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и ни въ чемъ не замѣченъ,—если Вы представите данныя, тогда разговоръ будетъ другой.

Шабловскій. А данныхъ онъ не представилъ?

Керенскій. Данныхъ онъ не представилъ, онъ только сказалъ: я заявляю, что я совершенно не довѣряю Лукомскому и настаиваю на его немедленномъ увольненіи. М. И. Терещенко, который какъ разъ въ это время былъ въ Ставкѣ, пріѣхавъ, говорилъ мнѣ, что настроеніе тамъ чрезвычайно тяжелое, потому Филоненко ведетъ самую настойчивую ком-

панію противъ Лукомскаго. Послѣ этого никакихъ новыхъ сообщеній о Лукомскомъ не было,—больше того—до меня доходили свѣдѣнія, что взаимоотношенія тамъ наладились.

Шабловскій. Въ связи съ этимъ указаніемъ Филоненко на отсутствіе данныхъ, подтверждавшихъ желаніе его видѣть Лукомскаго уволеннымъ, не было ли дано Вами разъясненіе Филоненко, что ему, какъ Комиссару при Верховномъ Главнокомандующемъ, надлежитъ съ Начальникомъ Штаба поддерживать хорошія отношенія.

Керенскій. Я сказалъ такъ: я вообще считаю такое поведеніе нежелательнымъ, что безъ достаточныхъ основаній не слѣдуетъ дѣлать мнѣ подобныя заявленія и, что я настаиваю на томъ, чтобы отношенія съ Начальникомъ Штаба были хорошія, корректныя.

Предсѣдатель. И что пока Лукомскаго Вы не подозрѣваете въ контръ-революціонности?

Керенскій. Да. Потому что никакихъ данныхъ къ тому не было. [Ген. Лукомскій былъ назначенъ Наштаверхомъ одновременно съ назначеніемъ Главковерхомъ А. А. Брусилова. Сравнительно молодой, энергичный, очень умный, опытный спеціалистъ съ большой административной и боевой практикой, ген. Лукомскій образцово несъ свои обязанности Начальника Штаба въ очень тяжелое время войны. умѣя тактично очертить кругъ своихъ обязанностей и не вмѣшиваясь ни въ какую политику, поэтому для меня послѣдовавшее потомъ присоединеніе ген. Лукомскаго къ ген. Корнилову было крайне неожиданно и непонятно. Теперь, когда я ознакомился подробнѣе со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Ставкѣ передъ 27 августа, и когда мнѣ выяснилась роль самого Филоненко въ Ставкѣ, я понялъ, почему въ послѣдній моментъ Лукомскій оказался съ Корниловымъ. Тогда же въ концѣ іюля, походъ противъ Лукомскаго можно было объяснить (да это, видимо, такъ и было), только стремленіемъ устранить изъ Ставки человѣка, въ которомъ не были увѣрены. Вотъ характерное мѣсто изъ показанія кн. Трубецкого, подтверждающее мои догадки. „Долженъ сказать, что еще 24 августа, зайдя послѣ разговора съ Корниловымъ къ ген. Лукомскому, я указалъ ему на окружающихъ генерала Корнилова лицъ, высказавъ опасенія на возможность

вреднаго съ ихъ стороны на него вліянія. Ген. Лукомскій, вполнѣ раздѣляя мои на этотъ счетъ взгляды, замѣтилъ, что онъ былъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ политическихъ разговоровъ послѣдняго времени... и что онъ поставилъ Корнилову *вопросъ о довѣріи*, послѣ чего и былъ ознакомленъ въ общихъ чертахъ съ политическими вопросами момента". Въ другомъ мѣстѣ Трубецкой разсказываетъ, какъ 27 августа въ его присутствіи Лукомскій просилъ Корнилова „предоставить ему возможность хотя нѣсколько минутъ переговорить съ нимъ наединѣ"(!).

Я не думаю, чтобы попытка въ іюлѣ удалить ген Лукомскаго была сдѣлана безъ вѣдома ген. Корнилова, т. к. его желаніе перемѣнить Начальника Штаба мнѣ было извѣстно и только на Московскомъ Совѣщаніи ген. Корниловъ сказалъ мнѣ, что онъ столковался съ ген. Лукомскимъ].

Предсѣдатель. Въ частности, г. Министръ, по поводу Тихменева, не требовалось ли того же самаго на томъ основаніи, что онъ является чуть ли не главой заговора, и не было ли это чѣмъ-нибудь обоснованно?

Керенскій. Долженъ признаться, что исторія съ Тихменевымъ, какъ сквозь сонъ прошла для меня. Я слышалъ, что была послана телеграмма съ вызовомъ Тихменева въ Военное Министерство, что потомъ онъ былъ возвращенъ съ пути назадъ, и что все это было сдѣлано на основаніи той телеграммы Филоненко къ Савинкову, фраза изъ которой потомъ еще была найдена у Корнилова при арестѣ на блокъ-нотѣ „о конѣ блѣдномъ". Эта исторія до меня оффиціально не доходила, весь этотъ переполохъ былъ основанъ на томъ, что почти сейчасъ же по пріѣздѣ въ Ставку, Филоненко послалъ Савинкову условную телеграмму о томъ, что Тихменевъ ведетъ противъ Корнилова („Мирта") войска („коня блѣднаго"). Потомъ Филоненко объяснилъ эту телеграмму тѣмъ, что какъ разъ въ то время было передвиженіе 3 корпуса съ юга къ Ставкѣ...

Шабловскій. Не поручался ли тогда, въ частности, за Тихменева полковникъ Барановскій, говоря, что относительно Тихменева до настоящаго времени никакихъ подозрѣній не возникало, и что это и послужило реабилитаціей Тихменева?

Керенскій. Насчетъ Лукомскаго разговоръ былъ,—а Тихменевская исторія до меня не доходила. Только кто-то разсказывалъ, какъ курьезъ, что телеграмма получена такого мистическаго содержанія. Можетъ быть, я путаю, но, кажется, было такъ.

[Ген. Тихменевъ былъ начальникомъ военныхъ сообщеній при Ставкѣ, а слѣдовательно, распоряженія о перевозкѣ войскъ посылались изъ Ставки за подписью этого генерала. Но Тихменевъ могъ дѣлать такія распоряженія, только получивъ соотвѣтствующій приказъ Штаба. Такимъ образомъ роль Начальника военныхъ сообщеній чисто техническая и служебная. Случай съ ген. Тихменевымъ совершенно ничтожный, почти комическій, затронутъ былъ Слѣдственной Комиссіей, видимо, въ связи съ той версіей, которую усиленно развивалъ Филоненко и нѣкоторые другіе: заговоръ то былъ, но только нити шли изъ Штаба, а Керенскій, успокаиваемый Барановскимъ, закрылъ на это глаза... Въ дѣйствительности недоразумѣніе съ Тихменевымъ случилось потому, что во время пріѣзда въ Ставку ген. Корнилова туда же шелъ третій корпусъ, который былъ вызванъ послѣ событій 3—5 іюля, для расквартированія въ районѣ Ставки. Дѣло въ томъ, что, получивъ ложное сообщеніе о побѣдѣ большевиковъ въ Петербургѣ, Могилевскіе ихъ совѣтскіе товарищи пытались произвести такой опытъ со Ставкой и являлись уже къ генералу Брусилову съ предложеніемъ о таковомъ подчиненіи имъ. Въ разговорѣ по этому поводу выяснилось, что Ставка, собственно говоря, совершенно беззащитна противъ всякаго озорства. А вѣдь внести, хотя бы только временную путаницу въ дѣловой механизмъ Ставки—предпріятіе слишкомъ соблазнительное не только для русскихъ большевиковъ!... Поэтому мы съ Брусиловымъ и рѣшили усилить охрану въ Ставкѣ. Вотъ и все].

Предсѣдатель. Затѣмъ, пріѣздъ Корнилова 3 августа. Причина, цѣли и все, что имѣло здѣсь мѣсто. И Корниловъ и Савинковъ высказываются по этому поводу очень подробно.

Керенскій. 3-го августа. Корниловъ пріѣзжалъ для...

Раупахъ. Для изложенія стратегическаго положенія вещей...

Керенскій. Да, Да...

Предсѣдатель. Они ссылаются на записку, которую Савинковъ написалъ Корнилову и передалъ черезъ Министра Терещенко. Въ связи съ этимъ Корниловъ даетъ обширное показаніе, говоритъ, что тутъ произошелъ переломъ въ его представленіи...

Керенскій. Въ его показаніи говорится, что я сказалъ... Не говорите тутъ всего.

Шабловскій. Да, а Савинковъ ему записку далъ... Корниловъ былъ вызванъ Правительствомъ или явился, какъ 10-го по вызову Савинкова?

Керенскій. Не могу сказать по чьей инціативѣ. Правительство ли его вызывало, или онъ заявилъ желаніе представить докладъ. У насъ былъ такой порядокъ: Верховный Главнокомандующій пріѣзжалъ, чтобы непосредственно дѣлать общій обзоръ военнаго положенія и обсуждать совмѣстно съ Врем. Правительствомъ самые основные вопросы фронта. Во всякомъ случаѣ пріѣздъ Корнилова 3-го августа былъ совершенно лойяльный. По чьей инціативѣ, все равно. Онъ пріѣхалъ, и днемъ было назначено спеціальное засѣданіе Врем. Правительства, на которомъ Корниловъ и сдѣлалъ докладъ. Да, этому докладу предшествовало вотъ что. Корниловъ пріѣхалъ съ докладной запиской, (не имъ, конечно, лично написанной, а кѣмъ-нибудь въ Ставкѣ, не знаю кѣмъ), съ запиской такого содержанія, что я считалъ невозможнымъ огласить ее во Врем. Правительствѣ. Тамъ былъ изложенъ цѣлый рядъ мѣръ въ огромномъ большинствѣ вполнѣ пріемлемыхъ, но въ такой редакціи и съ такой аргументаціей, что оглашеніе ея привело бы къ обратнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ былъ бы взрывъ и при опубликованіи ея *сохранить Корнилова Главнокомандующимъ было бы невозможнымъ.* Тогда я попросилъ Управляющаго Военнымъ Министерствомъ устроить такъ, чтобы эта записка не читалась во Врем. Правительствѣ. Было рѣшено, что записка эта будетъ переработана вмѣстѣ съ Военнымъ Министромъ, вмѣстѣ со мною такъ, чтобы сдѣлать ее пріемлемою для Ставки, для общественнаго мнѣнія и для меня, а генералъ Корниловъ въ этотъ день сдѣлаетъ только докладъ о стратегическомъ положеніи Арміи и о возможныхъ военныхъ событіяхъ. Кстати, не знаю, — знаете ли вы, что во второй

запискѣ, представленной 10 августа, появилось два совершенно новыхъ отдѣла — фабрично-заводскій и путей сообщенія.

Шабловскій. А 3-го не было?

Керенскій. Не было. И оба эти отдѣла совершенно Щедринскаго содержанія! Они не были, какъ оказалось, извѣстны Корнилову до пріѣзда его въ Петроградъ 10 августа. Въ этотъ день мы, т.-е. Некрасовъ, Терещенко и я, настоятельно просили Корнилова, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ этихъ отдѣловъ не касался на Московскомъ Совѣщаніи. Причемъ говорили ему, что, если онъ эти отдѣлы огласитъ, то будетъ просто большой скандалъ. Дѣйствительно если бы кто-нибудь хотѣлъ Корнилова „провалить“ на Московскомъ Совѣщаніи, ему нужно было бы сдѣлать одно — допустить оглашеніе этой записки и особенно обоихъ—путейскаго и фабрично-заводскаго—отдѣловъ. Тогда все было бы кончено совершенно!

[Я хорошо помню, какъ Некрасовъ и Терещенко осторожно, чтобы не обидѣть какъ-нибудь генерала, всячески старались объяснить ему, ссылаясь на свой опытъ въ Государственной Думѣ, Военно-Промышленномъ Комитетѣ и другихъ общественныхъ организаціяхъ, что всѣ его мѣропріятія по оздоровленію тыла (милитаризація желѣзныхъ дорогъ и заводовъ) уже выдвигались въ свое время Министрами стараго режима и тогда же были забракованы не только общественнымъ мнѣніемъ, но и знающими бюрократами и спеціалистами, что нельзя, напримѣръ, за техническія погрѣшности машиниста карать смертной казнью или прикрѣплять рабочихъ къ заводу угрозой репрессій и т. д., что выступленіе ген. Корнилова съ такимъ взятымъ изъ бюрократическаго архива проектомъ едва ли усилитъ его авторитетъ и т. д. Все было напрасно. Слишкомъ въ вопросахъ государственныхъ и экономическихъ наивный генералъ, съ плеча подмахнувшій эту стилизованную подъ Угрюмъ-Бурчеева ученическую письменную работу, не вѣрилъ ни одному слову обоихъ министровъ и былъ убѣжденъ, что Врем. Правительство подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не хочетъ, чтобы вся Россія узнала о новой программѣ спасенія страны. Между прочимъ, ген. Корниловъ такъ былъ увѣ-

ренъ въ исключительной значительности содержанія этой записки, что въ рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи даже авторство ея приписалъ себѣ. „Мой докладъ представленъ (Врем. Прав.) и на этомъ докладѣ безъ всякихъ оговорокъ подписались управляющій Военнымъ Министерствомъ Савинковъ и Комиссаръ при Верх. Главнокомандующемъ Филоненко".] (Возгласъ „б р а в о".)

А 3-го августа все случилось такъ, какъ было рѣшено. Ген. Корниловъ сдѣлалъ въ засѣданіи Врем. Правительства докладъ стратегическій, заявивъ, что о мѣропріятіяхъ по оздоровленію арміи онъ доложитъ въ слѣдующій пріѣздъ. Что же касается показанія Корнилова въ связи съ запиской, полученной имъ въ засѣданіи 3-го августа отъ Савинкова, то я не знаю, что Савинковъ писалъ ген. Корнилову. Я не хочу судить теперь, искренно или не искренно толкуетъ Корниловъ мои слова въ связи съ этой запиской, но разговоръ мы имѣли съ нимъ совершенно иного содержанія. Онъ очень долго докладывалъ. И по вопросу о предполагаемой тогда наступательной операціи на юго-зап. фронтѣ и о цѣломъ рядѣ другихъ мѣръ онъ *уже* сказалъ, а затѣмъ началъ говорить о разныхъ техническихъ подробностяхъ, деталяхъ. Тогда я наклонился къ нему и сказалъ: Генералъ, здѣсь эти подробности совершенно не нужны. Вотъ и все.

Ш а б л о в с к і й... Такъ общая часть военно-стратегическаго положенія была обрисована?

К е р е н с к і й. Больше того—онъ даже сказалъ, повторяю я, о готовящемся на юго-з. фронтѣ наступленіи. Только когда я увидѣлъ, что все существенное изложено, я сказалъ: „генералъ, здѣсь эти подробности не нужны." Больше ничего. Нужно сказать, что я всегда (члены Врем. Пр-ства могутъ подтвердить) стремлюсь къ возможной краткости засѣданій Врем. Пр-ства и совершенно безпощадно рѣжу и Министровъ и не Министровъ, когда вижу, что суть дѣла уже изложена...

К р о х м а л ь. Мысли о необходимости конспираціи не было?

К е р е н с к і й. У меня не было. Просто, если бы это былъ членъ Временнаго Правительства или человѣкъ мнѣ

близкій, я бы сказалъ: Иванъ Ивановичъ, довольно, это уже ясно. Я не хотѣлъ его...

Крохмаль. Обидѣть...

Керенскій. Поставить въ неловкое положеніе и сказалъ: „Генералъ, эти подробности здѣсь совершенно не нужны.“

Шабловскій. А записка Савинкова какого содержанія?

Керенскій. Этого я не знаю. Записка Корнилову?

Шабловскій. Да. Корнилову пришла записка отъ Савинкова, и въ своихъ показаніяхъ теперь онъ подчеркиваетъ эту записку.

Керенскій. Я думаю, не было ли этого потомъ,— и не записки, а разговора. Я сидѣлъ рядомъ съ Корниловымъ и замѣтилъ бы, если бы ему была передана записка. Даже если бы это и было сдѣлано за моей спиной, я бы замѣтилъ, какъ Корниловъ протянулъ бы руку.

Шабловскій. Этотъ эпизодъ не въ Вашей памяти....

Керенскій. Да, я не помню.

[Чтобы стало ясно, судьбу *какой* записки и *почему* такъ старательно выясняла Слѣдственная Комиссія, привожу извѣстныя мнѣ по этому поводу показанія Корнилова и Савинкова. Говоря о засѣданіи Временнаго Правительства 3 августа, ген. Корниловъ добавляетъ: „я считаю долгомъ отмѣтить, что, когда я коснулся вопроса о томъ, на какомъ фронтѣ можно было бы перейти при наличіи нѣкоторыхъ условій въ наступленіе, Министръ-Предсѣдатель, сидѣвшій со мной рядомъ, наклонившись ко мнѣ, шопотомъ предупредилъ, что въ этомъ вопросѣ нужно быть осторожнымъ. Немного спустя мнѣ была передана записка Савинкова съ такимъ же предупрежденіемъ. Я былъ страшно пораженъ и возмущенъ тѣмъ, что въ Совѣтѣ Министровъ Россійскаго Государства Верховный Главнокомандующій не можетъ безъ опаски касаться такихъ вопросовъ, о которыхъ онъ въ интересахъ обороны страны считаетъ необходимымъ поставить Правительство въ извѣстность. По окончаніи засѣданія изъ нѣкоторыхъ словъ Савинкова мнѣ стало ясно, что предупрежденіе имѣло въ виду Министра........“ Объ этомъ же эпизодѣ Савинковъ говоритъ такъ: „во время засѣданія

Врем. Правительства я послалъ А. Ф. Керенскому записку приблизительно слѣдующаго содержанія: увѣренъ ли Министръ-Предсѣдатель, что сообщаемыя ген. Корниловымъ государственныя и союзныя тайны не станутъ извѣстны противнику въ товарищескомъ порядкѣ. Кромѣ того, по окончаніи засѣданія я сказалъ ген. Корнилову, что я, къ сожалѣнію, не увѣренъ, что все сказанное во Врем. Правительствѣ останется тайной. Я, разумѣется, не имѣлъ въ виду обвинять кого-либо изъ Министровъ въ сношеніяхъ съ противникомъ, но я зналъ, что нѣкоторые члены Врем. Правительства находятся въ постоянномъ и товарищескомъ общеніи съ членами Ц. И. К. С. Р. и С. Д., среди коихъ, по свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, имѣлись лица, заподозрѣнныя въ сношеніяхъ съ противникомъ. Помимо этого, мнѣ было извѣстно, что на засѣданіи Ц. И. К. С. Р. и С. Д. былъ однажды приглашенъ офицеръ австрійской службы (Отто Бауеръ). Изъ сопоставленія этихъ двухъ показаній, какъ будто выходитъ, что Корниловъ отъ Савинкова записки не получалъ. Что я получилъ записку отъ Савинкова, которую тутъ же и изорвалъ—это я помню]. Савинковъ былъ очень настороженъ, какъ близко соприкасавшійся съ контръ-развѣдкой и учитывалъ всѣ агентурныя свѣдѣнія. Такъ въ другомъ мѣстѣ своего показанія онъ говоритъ: господинъ Завойко подозрѣвался въ участіи въ заговорѣ и въ то же время на него мною было обращено вниманіе (контръ-развѣдкой) въ виду его добрыхъ отношеній съ г. Кюрцемъ, высланнымъ въ г. Рыбинскъ по подозрѣнію въ германскомъ шпіонствѣ....

Такова исторія съ запиской на засѣданіи 3 августа. А слѣдственная Комиссія заинтересовалась этой исторіей, и я подробно ее излагалъ потому, что вся эта исторія послужила для ген. Корнилова достаточнымъ основаніемъ для гнуснаго заявленія: „Врем. Правительство.... дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами Германскаго Генеральнаго Штаба“—заявленія, помѣщеннаго въ первомъ знаменитомъ манифестѣ Корнилова къ „русскимъ людямъ“ (составленномъ, къ слову сказать, пріятелемъ Кюрца—Завойко).

Предсѣдатель. Не ѣздилъ ли 3—4 августа въ Ставку генералъ, полковникъ тогда, Барановскій и чѣмъ была вызвана эта поѣздка? Мы имѣемъ въ виду выяснить,

когда начинаются болѣе опредѣленные доклады относительно возможнаго заговора въ Ставкѣ.

Керенскій. Это давнишняя исторія. Гораздо раньше поѣздки Барановскаго.

Шабловскій. Раньше 3—4 августа?

Керенскій. Вы знаете, что на Московскомъ Совѣщаніи была попытка.....

Шабловскій. Это было уже позднѣе, а 3—4 августа....

Керенскій. Почему ѣздилъ Барановскій? Можетъ быть, тогда шелъ вопросъ о введеніи военнаго положенія въ связи съ Ригой....

Крохмаль. Нѣтъ, Рига была взята послѣ Московскаго Совѣщанія.

Раупахъ. Барановскій 23 августа ѣздилъ....

Керенскій. Да, онъ тогда ѣздилъ, когда нужно было разрѣшить вопросъ о раздѣленіи....

Либеръ. Это другая поѣздка, она извѣстна о выдѣленіи территоріи Петроградской....

Шабловскій. Это вмѣстѣ съ Савинковымъ они ѣздили 23—24 августа, а 3—4 была поѣздка по поводу тогда уже создавшихся отношеній Ставки къ Врем. Правительству. Что, собственно, не возникало тогда вопроса о замѣнѣ Верховнаго Главнокомандующаго?

Крохмаль. Вѣдь 3 августа Корниловъ былъ здѣсь. Чтобы напомнить, поѣздка Барановскаго была послѣ этого....

Украинцевъ. Полковникъ Барановскій долженъ былъ поѣхать въ Кіевъ къ больной матери или отцу, а по дорогѣ заѣхалъ въ Ставку.

Керенскій. Да, онъ ѣздилъ въ Кіевъ къ больному отцу. Я хочу быть точнымъ и боюсь сказать опредѣленно— я ли просилъ его или онъ самъ заѣхалъ въ Ставку; допустимъ, что я просилъ его заѣхать. Вопросъ могъ итти тогда *о выясненіи позиціи союза офицеровъ.* Нужно сказать, что давно (съ 3—5 іюля), (вѣроятно, Вы это видѣли по документамъ), Союзъ офицеровъ занялъ довольно агрессивную позицію по отношенію къ Врем. Правительству и посылалъ телеграммы большевистскаго „справа“ содержанія: требуемъ того, требуемъ другого, протестуемъ и т. д. Когда я пріѣзжалъ туда, то Новосильцевъ всегда довольно оппозиціонно меня встрѣ-

чалъ. Вѣдь много бываетъ въ отношеніяхъ, особенно въ отношеніяхъ политическихъ и общественныхъ вещей, которыхъ нечѣмъ документировать, но которыя ощущаются. И напряженность атмосферы въ Ставкѣ и, въ частности, среди Главнаго Ком. Союза офицеровъ давно чувствовалась. А, вѣроятно, за мѣсяцъ, если не больше, до всѣхъ этихъ событій, такъ въ концѣ іюля, *я уже получилъ* точныя свѣдѣнія объ офицерскомъ заговорѣ, который готовился и который имѣлъ опорные пункты въ Петербургѣ и въ Ставкѣ.

Шабловскій. Въ концѣ іюля....

Керенскій. Да, даже м. б. раньше, можно свѣрить съ тѣмъ, когда былъ изданъ законъ о правѣ внѣслужебныхъ арестовъ и высылки за границу.

Либеръ. Кажется, 9 іюля.

Керенскій. Нѣтъ, позже. Недѣли за двѣ до изданія этого закона я лично все думалъ, какъ организовать борьбу съ заговорщиками. Въ концѣ-концовъ законопроектъ, который еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я, Министръ-Юстиціи, вносилъ чисто теоретически, теперь понадобился практически. Конечно, я держалъ Врем. Правительство въ курсѣ этого новаго явленія — (волны заговоровъ). Тогда происходили аресты великихъ князей, но оказалось, мы сознательно были направлены на ложный путь. Барановскій же заѣхалъ въ Ставку, для того, чтобы оріентироваться въ настроеніяхъ и выяснить, въ чемъ тамъ, въ Союзѣ офицеровъ—дѣло. Другой разъ, когда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Савинковымъ, то, вернувшись, онъ, между прочимъ, говорилъ: „сейчасъ атмосфера въ Ставкѣ убійственная; Васъ тамъ совершенно не выносятъ“.

[Я считаю нужнымъ рѣзко подчеркнуть, что поѣздка полк. Барановскаго въ Ставку ничего общаго съ задачами политическаго розыска не имѣла и имѣть не могла. Заговорщичество это была контрабанда въ Союзѣ офицеровъ, которая и обслѣдовалась въ особомъ порядкѣ. Главный Комитетъ Союза офицеровъ выдѣлялъ изъ своей среды активныхъ заговорщиковъ; его же члены были агентами конспираціи на мѣстахъ; они же давали и легальнымъ выступленіямъ Союза нужный имъ тонъ. Полк. Бараковскій интересовался Союзомъ офицеровъ, именно, какъ легальной

общественной организацiей; при томъ организацiей по задачамъ своимъ весьма полезной и нужной, однако проявлявшей въ дѣятельности своего Главнаго Комитета черты все болѣе и болѣе меня, какъ Министра-Предсѣдателя и Военнаго Министра, безпокоившiя.

По идеѣ своей и по уставу Союзъ офицеровъ былъ профессiональной, безпартiйной организацiей. „Союзъ офицеровъ армiи и флота—говорится на первой страницѣ Устава Союза,—есть Союзъ профессiональный... Союзъ не имѣетъ никакой политической платформы и не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ цѣлей. Каждому члену Союза представляется право политическаго самоопредѣленiя. Члены обязуются не вносить политической нетерпимости въ служебныя отношенiя и бытъ Армiи и Флота". Совершенно правильное опредѣленiе характера всякаго профессiональнаго Союза. Конечно, требовать полной аполитичности отъ какого-либо профессiональнаго Союза въ Россiи лѣтомъ 1917 г. было бы просто смѣшно, но боевымъ „нетерпимымъ" политическимъ Учрежденiемъ профессiональный Союзъ, а тѣмъ болѣе его правленiе становиться никогда не должны и не могутъ. Между тѣмъ Главный Комитетъ Союза офицеровъ нарушилъ эту азбуку профессiональной организацiи и свой собственный уставъ кореннымъ образомъ. Правда, 25 iюля прошлаго года Вѣстникъ Главнаго Комитета Союза Офицеровъ Армiи и Флота заканчивалъ свою руководящую передовую такъ: „Этой статьей мы отвѣчаемъ на бывшiя и будущiя обвиненiя Союза, приписываемой ему политической дѣятельностью, дабы указать тѣмъ, кто захочетъ тянуть насъ къ политикѣ, что Союзъ этимъ путемъ не пойдетъ. Его задача гораздо шире и дѣятельность плодотворнѣе, ибо онъ стремится къ тому, чтобы каждому офицеру русскихъ революцiонныхъ Армiй и Флота дать возможность въ наилучшихъ условiяхъ исполнить свой долгъ, съ твердой вѣрой, что въ лицѣ Союза онъ найдетъ полную и организованную поддержку въ его стремленiи къ благу и величiю родины". Но въ понятiе „наилучшихъ условiй" для „исполненiя долга" Главн. Ком. ввелъ цѣлую политическую программу и отъ имени *всего* офицерства обращался съ очень опредѣленными и рѣзкими требованiями, выступалъ съ острыми политическими заявле-

ніями. Чтобы убѣдиться, какъ своеобразно понималъ свой профессіонализмъ Главн. Комитетъ Союза Офицеровъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько номеровъ его Вѣстника и вспомнить, что Главн. Комитетъ занималъ далеко не нейтральную, а часто просто „нетерпимую позицію" въ отношеніи самого Вр. Правительства.

Больше, чѣмъ кто-нибудь, я, какъ Военный Министръ, и мои ближайшіе сотрудники знали весь ужасъ моральнаго, служебнаго и политическаго положенія офицерства; лучше, чѣмъ кто-нибудь, мы понимали, что внѣ политики офицеры русской Арміи, послѣ революціи попавъ въ „козлы отпущенія" за чужіе грѣхи, остаться не могли; менѣе, чѣмъ когонибудь нась могла удивить и тѣмъ болѣе возмутить самая рѣзкая оппозиція со стороны офицерства, т. к., не зная всей сложности новыхъ политическихъ условій жизни страны, оно могло, должно было и субъективно имѣло право не только сѣтовать, но и негодовать на Правительство. Оно вѣдь не знало той страшной силы давленія стихіи расплавленныхъ революціей народныхъ массъ (и массы солдатской въ частности), давленіе, которое испытывалъ весь государственный организмъ. Оно не понимало причины той кажущейся медленности, съ которой Правительство охлаждало эту стихію, не понимало, что всякій неосторожный толчокъ могъ дать только возможность этой стихіи снова прорваться и смыть все на своемъ пути, а въ первую голову, какъ разъ, офицерство, а съ нимъ всю русскую Армію!

Въ раскаленной атмосферѣ революціи, какъ въ знойной пустынѣ, многіе видѣли передъ собой миражи, въ стремленіи къ которымъ они погубили, къ сожалѣнію, не только себя. Увлеченіе миражемъ Гл. Ком. С. Офицеровъ было опасно потому, что Комитетъ говорилъ отъ имени всего офицерства, именовалъ себя „представителемъ офицерскаго корпуса",—свою политическую вѣру выдавалъ за религію всѣхъ офицеровъ, ставилъ свой штемпель на весь командный составъ. Это была слишкомъ опасная игра! Игра съ огнемъ у порохового погреба. А, если принять во вниманіе, что Гл. Ком. Союза пребывалъ въ Ставкѣ, прибѣгалъ въ своей работѣ къ содѣйствію оффиціальныхъ лицъ и Штабовъ, при Штабахъ фронтовъ и армій, назначалъ своихъ довѣренныхъ

(представителей), велъ черные списки политически разномыслящихъ съ нимъ офицеровъ, разсылалъ собственныя слѣдственныя комиссіи, обращался съ одобреніями и порицаніями и т. д.; если, говорю я, принять все это во вниманіе, то станетъ понятно, почему выступленіямъ Гл. Ком. Союза Оф-ровъ, съ одной стороны, стали придавать характеръ „высоко офиціозный", а съ другой отвѣтственность за дѣйствія, даже не всего Союза, а только его Гл. К-та возлагали на все офицерство въ цѣломъ и на каждаго офицера въ отдѣльности.

Привожу яркій примѣръ той спутанности отношеній между военной властью и Гл. К-томъ, которая наблюдалась прошлымъ лѣтомъ и потребовала вмѣшательства В. Министерства. „Распоряженіе Ваше,—телеграфировалъ Савинковъ Корнилову, — объ обязательномъ доставленіи (Штабами) Гл-му Ком-ту С. Оф-овъ при Ставкѣ списковъ офицеровъ-большевиковъ можетъ вызвать нежелательчыя недоразумѣнія, т. к. этимъ распоряженіемъ устанавливается нѣкоторый контроль Гл. Ком-та надъ партійными учрежденіями и дѣятельностью офицеровъ, каковой контроль совершенно не входитъ въ компетенцію Гл. Ком., а можетъ относиться только къ компетенціи Комиссаровъ и подлежащей судебной власти. Въ виду изложеннаго я полагалъ бы желательнымъ отмѣнить это Ваше распоряженіе". Штабами также разсылались нѣкоторыя боевыя резолюціи Ком-та, что на мѣстахъ понималось, какъ оффиціальное одобреніе курса Гл. Ком-та и усиливало напряженіе въ отношеніяхъ между команднымъ составомъ и армейской массой и т. д.

Я считалъ такое положеніе совершенно ненормальнымъ, недопустимымъ, чреватымъ весьма серьезными послѣдствіями. Для примѣра укажу на ту тревогу, которую вызывала дѣятельность Союза въ морской офицерской средѣ, больно ощущавшей на себѣ малѣйшія колебанія политической температуры массъ. „Въ виду могущихъ быть волненій въ обоихъ флотахъ противъ офицеровъ въ связи съ выступленіями Союза офицеровъ, прошу довести до свѣдѣнія флотовъ—телеграфировалъ мнѣ Начальникъ Морского Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ началѣ августа,—что, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, офицеры Балт. Флота не

имѣли никогда представителей въ Гл. Ком. С. Оф. при Ставкѣ, а Черноморскіе отозвали своего представителя".

Считая, однако, самую идею Союза здоровой и полезной, я и мои ближайшіе сотрудники, въ особенности ген. Барановскій хотѣли выясненіемъ общей обстановки, обмѣномъ мнѣній, разъясненіемъ возможныхъ послѣдствій и т. д. удержать Гл. Ком. отъ увлеченій, психологически понятныхъ, но *опасныхъ для офицерства въ цѣломъ* и что еще важнѣе *гибельныхъ для всей арміи*. Я, помню, давалъ даже порученіе вызвать лично ко мнѣ Тов. Предс. Гл. Ком. полк. Пронина для переговоровъ, къ сожалѣнію, почему-то не состоявшихся.

Къ концу іюля стали поступать указанія на прикосновенность вліятельной части Гл. Ком. (и вообще Ставочнаго офицерства) къ конспиративной организаціи. И вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Гл. Ком. сталъ еще острѣе. Нужно было найти какой-нибудь выходъ, пока еще не было поздно. Къ сожалѣнію, руководители Гл. Ком., и среди нихъ въ особенности бывшій членъ IV-й Гос. Думы полк. Новосильцевъ (к.-д.) продолжали все настойчивѣе вести опасную игру и послѣ Московскаго Совѣщанія, я рѣшилъ *выселить* Гл. Ком. изъ Ставки... Переживаемыя нынѣ кошмарныя событія въ полной мѣрѣ подтвердили, какъ жестоко расплатилось офицерство за дѣятельность отдѣльныхъ ничтожныхъ группъ фантастовъ и зарвавшихся игроковъ! А между тѣмъ, какъ я говорилъ, въ приказѣ своемъ отъ 22-го августа „цвѣтъ арміи—ея офицерство въ братскомъ единеніи съ солдатами переживало великую безкровную революцію, закрѣпляя работу тѣхъ, кто сбросилъ позорныя цѣпи рабства. Офицерство доказало, что оно плоть отъ плоти народа. Прошли первые дни ликованія—тяжелый долгъ заставлялъ каждаго не покидать своего поста, не бросать оружія, чтобы врагъ не отнялъ свободы... Офицерство оставалось на посту, лучшая его часть, не взирая ни на какіе навѣты, съ вѣрой въ разумъ народный, проявила высочайшій порывъ героизма, выводившій въ нѣкоторыхъ частяхъ изъ строя почти весь офицерскій составъ. Офицерство кровью своей на полѣ брани доказало вѣрность родинѣ и революціи... Исторія воздастъ должное этимъ героямъ-борцамъ"].

Шабловскій. Какія, собственно, были свѣдѣнія о

широтѣ заговора, о лицахъ или, можетъ быть, объ организацiяхъ, которыя могли быть замѣшаны въ этомъ заговорѣ? Или были только общiя указанiя, что что-то готовится?..

Керенскiй. Не только сообщенiя о томъ, что что-то готовится, но и конкретныя указанiя были. Вы знаете положенiе наше теперешнее. Безъ настоящихъ органовъ розыска,—мы совершенно, какъ слѣпые щенята: насъ можно обходить со всѣхъ сторонъ и мы ни черта не видимъ. Вообще накопился цѣлый клубокъ свѣдѣнiй и уже передъ Московскимъ Совѣщанiемъ я ожидалъ съ неизбѣжностью развивающихся событiй. Свѣдѣнiя эти поступили въ концѣ iюля и въ самомъ началѣ августа.

Шабловскiй. Это былъ военный заговоръ?

Керенскiй. Т. е. лица, на которыхъ указывали, были все военныя, но они имѣли связь съ нѣкоторыми штатскими элементами и имѣли большiя средства. Появился цѣлый рядъ и нынѣ процвѣтающихъ газетъ, которыя тогда начали травлю Врем. Правительства и лично меня. Это были все органы сторонниковъ „сильной власти". „Живое Слово", „Народная Газета", „Новая Русь", „Вечернее Время", и т. д. Я, конечно, не могу для слѣдствiя это сейчасъ доказать, но для меня ясна вся эта конструкцiя.

Шабловскiй. Подготовка путемъ печати мнѣнiя опредѣленныхъ группъ?

Керенскiй. Да...

Шабловскiй. Но были ли указанiя, какiя собственно ближайшiя цѣли?

Керенскiй. *Захватъ власти съ арестомъ Врем. Правительства. Подготовлялся типичный переворотъ, не массовое движенiе, а переворотъ.*

Шабловскiй. На что „они" могли опираться?

Керенскiй. Проходили вѣдь у васъ въ показанiи нѣкоторыя квартиры... Фамилiи Дессимитьера, вернувшагося Э... и т. д. „Они" имѣли связь со Ставкой. Тогда, собственно указанiй на Корнилова не было, но говорилось о части Ставочнаго офицерства. Первый источникъ былъ совершенно достовѣрный. Это были не агентурныя свѣдѣнiя, такъ сказать, доносчическiя, а отъ людей чрезвычайно порядочныхъ, которые честно и серьезно были взволнованы, которые хо-

тѣли предотвратить авантюры и дали мнѣ указанія, чтобы я заранѣе былъ оріентированъ въ возможныхъ событіяхъ. Затѣмъ свѣдѣнія были получены уже изъ менѣе достовѣрнаго источника, но они совершенно совпали съ первыми. Тогда мы начали вести „наблюденія“, насколько это было въ нашихъ средствахъ. Конечно, это очень трудно было дѣлать, вообще, а настроеніе въ Ставкѣ было такое, что всякое лицо, появлявшееся тамъ изъ центра, вызывало тѣмъ самымъ раздраженіе и подозрѣнія.

[Къ вопросу о заговорѣ необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Гдѣ начало заговорщической волны? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ,—ея источникъ 3—5 іюля и Тарнополь! Военный разгромъ создалъ на почвѣ оскорбленнаго національнаго самолюбія сочувствующую заговорамъ среду, а большевистское возстаніе вскрыло для непосвѣщенныхъ глубину распада демократіи, безсиліе революціи противъ анархіи и силу меньшинства, дѣйствующаго организованно и внезапно. Вѣдь тѣ, кому это было нужно, хорошо учли, что только кучка казаковъ и еще сохранявшихъ дисциплину солдатъ спасла отъ разгрома Таврическій Дворецъ (т. е. самый Ц. И. К. С. Р. и С. Д.). Дальнѣйшій рядъ ошибокъ, а въ особенности совершенно нелѣпый страхъ— страхъ почти паническій — передъ грядущей контръ-революціей, который сдѣлался положительно „модной“ болѣзнью демократіи послѣ 3—5 іюля, внушилъ той средѣ, изъ которой вышли будущіе авантюристы, мысль: боятся—значитъ чувствуютъ свою слабость!

Началось трагическое недоразумѣніе: одни потеряли вѣру въ свою дѣйствительную силу, другіе съ чужихъ словъ повѣрили въ свою призрачную! Первые паникой передъ грядущей контръ-революціей деморализовали свои ряды и тѣмъ возрождали въ массахъ вліяніе анархо-большевиковъ; вторые все смѣлѣли въ своихъ нападеніяхъ на „революціонную демократію“, чѣмъ озлобляли массу, къ радости тѣхъ же бунтарскихъ элементовъ. Впрочемъ въ правыхъ кругахъ полагали, что это имъ „выгодно“, а поэтому считали полезнымъ разжигать страсти въ массахъ. Вотъ, какъ напримѣръ, Суворинская „Народная Газета“ подтягивала въ іюлѣ гг. Бронштейнамъ-Троцкимъ:

„Въ первые же дни, когда на улицахъ Петрограда появились торжественные плакаты—Да здравствуетъ Демократическая Республика— мы сказали, что этому политическому скопчеству въ Россіи не бывать, ибо въ ней можетъ сложиться только великая народная Республика съ новымъ соціальнымъ строемъ—Великая Соціальная Республика". А вотъ своеобразный откликъ большевистскихъ лозунговъ, уже въ подлинно-черносотенной—„Грозѣ". „Рабочіе въ столицѣ и солдаты сдѣлали 18 іюня смотръ своимъ силамъ для выступленія противъ капиталистовъ въ цѣляхъ прекратить войну и замѣнить Министровъ изъ купцовъ и помѣщиковъ Министрами изъ своей среды. Въ противовѣсъ имъ выступали евреи въ поддержку капиталистовъ и за продолженіе войны. Рабочіе и солдаты бросились на евреевъ и избили ихъ, разорвавъ ихъ знамена".

На этой „іюльской" почвѣ, какъ грибы, стали расти „безпартійныя организаціи", а вскорѣ стали уже образовываться разные кружки и группы, практически приступившіе къ подготовкѣ переворота. Среди разныхъ подобныхъ начинаній выдѣлилось, наконецъ, серьезное ядро, широко поставившее свою работу. Появилась спеціальная пресса, началась пропаганда и вербовка членовъ, появились въ разныхъ мѣстахъ агенты и явочныя квартиры. Цѣнныя указанія, полученныя мною своевременно, дали намъ возможность кое-что видѣть, по крайней мѣрѣ взять на учетъ нѣкоторыя фигуры и отчасти выяснить задачи и цѣли. Съ несомнѣнностью выяснилось одно—цѣлью переворота не было возстановленіе низвергнутой династіи, а, слѣдовательно, гдѣ-то долженъ былъ подготовляться какой-то преемникъ Вр. Правительства, и во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ долженъ былъ серьезно обсуждаться. Со временемъ спеціальной цѣлью отдѣльныхъ заговорщическихъ группъ сдѣлалось стремленіе „устранить" меня, не останавливаясь передъ самымъ крайнимъ средствомъ. Мнѣ былъ извѣстенъ случай, когда уже былъ брошенъ жребій, кому исполнить „приговоръ" и только случай предотвратилъ дальнѣйшее... Взвѣсивъ всѣ стороны этого заговорщическаго движенія, я рѣшилъ, что внѣ-судебные аресты и высылка за-границу выдающихся конспираторовъ будетъ самой цѣ-

лесообразной мѣрой „предупрежденія и пресѣченія" въ данномъ случаѣ (между тѣмъ, какъ при массовомъ движеніи такая мѣра безцѣльна и даже вредна). Однако, органы розыска технически были такъ несовершенны, что мы не смогли своевременно ликвидировать руководящіе центры.

Все время отъ 3 іюля по 27 августа можно раздѣлить на три періода—сначала кустарная работа отдѣльныхъ кружковъ и объединеніе главныхъ изъ нихъ въ одно цѣлое, затѣмъ организація силъ и средствъ для попытки использовать Московское Совѣщаніе и, наконецъ, рѣшительная попытка насильственнаго захвата власти подъ видомъ борьбы съ большевиками. *Цѣль движенія—Военная Диктатура.*]

Шабловскій. Когда Корниловъ былъ 3-го, не вели ли Вы съ нимъ бесѣды, или не совѣщались ли просто по поводу того, какъ бы онъ смотрѣлъ на Вашъ личный уходъ отъ власти,—не было ли такого собесѣдованія, совѣщанія или просто разговоровъ?

Керенскій. Я читалъ про это и удивлялся. Гдѣ-то были напечатаны его показанія, въ которыхъ было сказано, что „Керенскій со мной совѣщался или спросилъ меня, не пора ли ему уходить"—въ такомъ родѣ что-то.

Шабловскій. У него нѣсколько иначе это изложено...

Керенскій. На самомъ дѣлѣ я—это было въ этомъ самомъ кабинетѣ—всячески доказывалъ ему, что существующая коалиціонная власть единственно возможная комбинація власти и, что всякій другой путь *гибеленъ.* Я ему говорилъ: Ну, положимъ, я уйду, что же изъ этого выйдетъ. Вотъ, что я говорилъ...

Шабловскій. Такъ, что это было собесѣдованіе...

Керенскій. Совѣщанія никакого не было. Все, что Корниловъ и другіе говорятъ о томъ, что ему, Корнилову, придавалось Врем. Правит. политическое значеніе, совершенная чепуха. Единственно, что дѣлали я и другіе члены Вр. Правительства, кто могъ,—это стремились удержать Корнилова отъ политическихъ выступленій, которые просто ему были не по разуму; онъ совершенно ничего не понималъ въ политикѣ и не разбирался въ политическихъ отношеніяхъ.

Предсѣдатель. Такъ что этотъ разговоръ, если имѣлъ мѣсто, то имѣлъ значеніе разсужденія, а не совѣщанія?

Керенскій. Я говорилъ: чего же собственно вы хотите? Вы окажетесь въ безвоздушномъ пространствѣ: дороги остановятся, телеграфы не будутъ дѣйствовать. Въ такомъ духѣ былъ разговоръ.

[Я помню еще, какъ на мой вопросъ о диктатурѣ Корниловъ въ раздумьѣ отвѣтилъ—„что же, можетъ быть, и на это придется рѣшиться"... И дальше „Вашъ путь неизбѣжно приведетъ къ новому избіенію офицерства?!"—„Я это предусматриваю, но зато оставшіеся въ живыхъ возьмутъ, наконецъ, солдатъ въ руки", рѣшительно отвѣтилъ Корниловъ].

Вообще вѣдь мое отношеніе къ Корнилову и ко всему этому предпріятію отлично извѣстно Вр. Пр-ву и должно быть извѣстно всюду. Мнѣ приходилось все время вести напряженнѣйшую борьбу *за сохраненіе единства власти* и за предотвращеніе авантюръ. Я думаю, что это былъ единственный методъ, которымъ я пользовался—*наблюдать и быть готовымъ.* Я увѣренъ, что это былъ единственно возможный путь, потому что дѣйствовать (т. е. оффиціально предъявлять обвиненія и т. д.) по негласнымъ свѣдѣніямъ и просто дружескимъ сообщеніямъ, которыя мы имѣли, я не могъ. Я бы показался тогда общественному мнѣнію человѣкомъ, страдающимъ маніей преслѣдованія. Ничего бы изъ этого не вышло! Но я все время былъ на стражѣ и слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ этихъ кругахъ.

Предсѣдатель. Затѣмъ это обстоятельство вызова Корнилова,—объ этомъ, г. Министръ, Вы изложили раньше въ Вашемъ показаніи, что Вы, Вр. Пр., не вызывали Корнилова, что Вы стали передъ фактомъ и, узнавъ о пріѣздѣ генерала, старались только предупредить и посылали депешу, но разошлись и затѣмъ онъ сюда прибылъ и въ этотъ пріѣздъ онъ уже представилъ...

Керенскій. Прибылъ и вошелъ ко мнѣ съ пулеметами,—вотъ насколько было съ его стороны отношеніе дружеское.

Украинцевъ. Какъ съ пулеметами?...

Керенскій. Впереди ѣхалъ автомобиль съ пулеме-

томъ и сзади автомобиль съ пулеметомъ. Текинцы внесли два мѣшка съ пулеметами и положили въ вестибюлѣ.

Предсѣдатель. Т. е. какъ текинцы вошли съ пулеметами?

Керенскій. Да....

Предсѣдатель. И оставили?

Керенскій. Нѣтъ, затѣмъ взяли, когда стали уѣзжать. Опять впереди автомобиль съ пулеметами и сзади автомобиль съ пулеметами. Такъ и уѣхали.

[3-го августа Корниловъ пріѣзжалъ еще въ Петербургъ безъ пулеметовъ. Слѣдующее сообщеніе „Русскаго Слова" даетъ нѣкоторое представленіе о той насыщенной атмосферѣ, которая царила въ Ставкѣ передъ Московскимъ Совѣщаніемъ и поѣздкой въ Петербургъ на 10 августа. „Настроеніе въ Ставкѣ, въ связи съ отъѣздомъ ген. Корнилова, было весьма нервное, особенно усилившееся въ связи съ неопредѣленными слухами, шедшими изъ Петрограда о готовящемся будто бы покушеніи на Верх. Главнокоманд. Этимъ объясняется, что во время поѣздки ген. Корнилова были приняты мѣры предосторожности... Ближе къ Петрограду тревожное настроеніе охраны усилилось, хотя никакихъ видимыхъ причинъ къ этому не было"].

Ахъ, да, я еще забылъ, что мнѣ сообщено было о цѣломъ такомъ салонѣ... политическомъ что-ли, гдѣ спеціально велась компанія за Корнилова и противъ меня и гдѣ шла всяческая агитація и подготовка общественнаго мнѣнія. Но т. к. этотъ салонъ дамскій, то, Богъ съ нимъ, фамилій называть не буду, это не важно.

Предсѣдатель. Вотъ тогда Вы въ своемъ прежнемъ показаніи показали, что 3-го августа эта записка взята имъ обратно и потомъ онъ уже представилъ ее самъ или черезъ Савинкова—въ обработанномъ видѣ, гдѣ появились новые пункты относительно фабричной и заводской производительности.

Керенскій. Нѣтъ, онъ мнѣ ее привезъ 10-го готовой. Насколько я помню, дѣло было такъ: Савинковъ и Филоненко ѣздили встрѣчать Корнилова на вокзалъ и тамъ вручили ему записку. По моему, это было такъ, но я могу на этомъ и не настаивать. Мнѣ кажется, что я вѣрно гово-

рю. Во всякомъ случаѣ Корниловъ съ этой запиской пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Въ концѣ этой записки было мѣсто для его подписи, а ниже уже подписался Савинковъ, а совсѣмъ внизу стояла подпись Филоненко.

Предсѣдатель. И вотъ эти пункты о желѣзныхъ дорогахъ и о фабрикахъ и заводахъ. Съ этой новой запиской Корниловъ явился тогда одинъ или въ сопровожденіи Савинкова?

Керенскій. Нѣтъ, онъ совершенно одинъ пріѣхалъ. Передъ этимъ Савинковъ настаивалъ на томъ, чтобы Корниловымъ былъ сдѣланъ докладъ во что бы то ни стало Вр. Пр-ву.

Предсѣдатель. Когда? 10 августа, когда Вы его вызывали?

Керенскій. Во Врем. Правит. передъ этимъ я сказалъ, что въ то время, какъ мы цѣликомъ заняты подготовкой къ Московскому выступленію, Вр. Пр. совершенно не время и не мѣсто докладу, который еще нужно подробно обсудить. Тогда они, Савинковъ и Филоненко, все-таки вызвали его и все-таки то, что я сказалъ, случилось: Доклада 10 августа во Врем. Пр-ствѣ не было. Докладъ былъ здѣсь въ кабинетѣ вечеромъ. Я вызывалъ Терещенко, Некрасова, и Корниловъ эту записку намъ изложилъ здѣсь.

Предсѣдатель. Вы изволили свой взглядъ высказать уже днемъ. Онъ Васъ не ознакомилъ съ этой запиской ранѣе?

Керенскій. Нѣтъ, я днемъ перелисталъ, увидѣлъ фабрично-заводскій и желѣзнодорожный отдѣлы, увидѣлъ, что совершенно новые вопросы; кромѣ того, какъ я уже сказалъ Вамъ, совершенно нелѣпыя вещи тамъ написаны были.

Предсѣдатель. И тогда Вы заявили Ваше отрицательное отношеніе?

Керенскій. Я говорилъ, что и формальная сторона была совершенно неправильна. Кто же такой, говорилъ я, Управляющій Воен. Мин?. Вѣдь это должностное лицо, состоящее при мнѣ—Министрѣ, [ближайшій мой сотрудникъ и мой представитель].

Управляющій Воен. Мин. не имѣетъ права выступать

противъ своего министра, а тѣмъ болѣе подписывать документы.—Корниловъ согласился, что это вообще вещь невозможная. Онъ согласился съ тѣмъ, разъ этой записки я не видѣлъ, а онъ пріѣхалъ съ этой запиской, полагая, что она мнѣ извѣстна—то нельзя настаивать на немедленномъ докладѣ ея во Врем. Пр-ствѣ. Онъ понялъ также, что Савинковъ поступилъ не дисциплинарно. Вечеромъ, когда Корниловъ намъ докладывалъ—пришелъ Савинковъ. Мнѣ доложили: Упр. Военнымъ Министерствомъ. Я не принялъ. Савинковъ не присутствовалъ на докладѣ Корнилова, такъ какъ я считалъ, что онъ уже тогда былъ въ отставкѣ. Для меня это было ясно.

[Попытка Савинкова присутствовать на докладѣ ген. Корнилова 10 августа явно была сдѣлана въ разсчетѣ на мою „мягкость", на то, что я не рѣшусь при постороннихъ отказать въ пріемѣ. Дѣло въ томъ, что, по словамъ самого Савинкова, онъ послѣ категорическаго моего отказа 8 августа подписать проектъ 2-й докладной записки, подалъ въ отставку, заявивъ, что „въ такомъ случаѣ докладную записку во Врем. Правительство представитъ ген. Корниловъ.... Отставка моя не была принята, продолжаетъ Савинковъ. Я продолжалъ заниматься текущими дѣлами, но на доклады къ А. Ф. Керенскому не являлся". (Конечно, самовольно, добавляю я). Въ разговорѣ съ Корниловымъ 10 авг. Савинковъ признавалъ такое свое поведенie дисциплинарнымъ преступленіемъ, но находилъ, что оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ явный ущербъ государству, ибо спѣшныхъ докладовъ за это время не было. Съ другой же стороны мое дисциплинарное преступленіе было единственнымъ доступнымъ для меня средствомъ побудить Министра-Предсѣдателя обратить серьезное вниманіе на докладную записку, которой я придаю исключительное значеніе". Какъ въ этомъ сказывается весь Савинковъ!...

Прошенію Савинкова отъ 8 августа я дѣйствительно не далъ оффиціальнаго движенія, надѣясь, что онъ образумится и „угрозы" своей генер. Корниловымъ не приведетъ въ исполненіе. Когда же ген. Корниловъ дѣйствительно пріѣхалъ и сталъ выполнять задачу Савинкова, я призналъ дальнѣйшее пребываніе послѣдняго на службѣ недопусти-

мымъ и отставку Савинкова подписалъ. При чемъ я, чтобы не ставить въ этотъ день Савинкова въ неловкое положеніе, предупредилъ его черезъ М. И. Терещенко, чтобы онъ ко мнѣ въ этотъ день не являлся (...„Терещенко мнѣ заявилъ—говоритъ Савинковъ по этому поводу, что я во Дворецъ не приглашенъ"). Какимъ же образомъ въ такой обстановкѣ Савинковъ могъ разсчитывать на пріемъ и рѣшиться пріѣхать вечеромъ ко мнѣ?!]

Предсѣдатель. Т. е. тогда было принято такъ, что безтактность Корнилова произошла благодаря Савинкову. Готовилась записка къ докладу Вр. Правительства, о которой Вы не были освѣдомлены.

Раупахъ. А Савинковъ устно не дѣлалъ Вамъ доклада о содержаніи записки?

Керенскій. Бывало такъ—онъ начиналъ говорить о введеніи смертной казни въ тылу,—я всегда возражалъ и обыкновенно на этомъ кончалась у насъ бесѣда.—„Разъ вы, говорилъ Савинковъ, съ основнымъ пунктомъ не согласны—остальное все несущественно". А все остальное, за исключеніемъ, конечно, желѣзнодорожнаго и фабрично-заводскаго отдѣловъ, и ранѣе въ Военномъ Министерствѣ—разрабатывалось. Это совершенное заблужденіе, въ которое впадаетъ каждый вновь назначенный человѣкъ самъ и которое поддерживаетъ въ обществѣ конечно невольно,—(будто до него ничего не дѣлалось), будто онъ впервые приступаетъ къ реформамъ. Савинковъ впервые, Корниловъ впервые, теперь Верховскій—впервые и т. д. На самомъ дѣлѣ, всѣ матеріалы моими сотрудниками давно были собраны полностью и систематически разрабатывались въ рядъ мѣръ, которыя всѣ шли къ опредѣленной цѣли. [Возстановить правильную организацію и боеспособность арміи].

Съ самаго начала, какъ я сдѣлался Военнымъ Министромъ, выяснилось (собственно говоря, на это потребовалось очень мало времени), въ какомъ безвыходномъ положеніи бросилъ Воен. Министерство Гучковъ со своими нелѣпыми реформами. Сразу опредѣлилось, какая громадная работа требуется для того, чтобы попытаться все это исправить и провести реформу планомѣрно и цѣлесообразно. Корниловъ

же захотѣлъ дѣйствовать срыву, способомъ, который могъ только потрясти Государство.

[Въ связи съ вопросомъ объ исторіи реформъ въ Военномъ Министерствѣ не могу не напомнить словъ, которыя я сказалъ на Московскомъ Совѣщаніи: „Господа, то, что теперь многіе ставятъ на счетъ революціи это—была сила стихіи, а не игра сознательной воли злыхъ силъ революціи: это видно изъ того, что все, чѣмъ возмущаются нынѣшніе возродители арміи, все проведено до меня, *помимо* меня и *ихъ* руками.

И дѣйствительно!: положеніе о выборныхъ войсковыхъ организаціяхъ и комитетахъ утверждено Гучковымъ и опубликовано въ знаменитомъ приказѣ № 213. Пресловутая комиссія ген. Поливанова (быв. Военнаго Мин.), разработавшая декларацію правъ солдата и вообще дорого стоившая арміи, существовала при Гучковѣ и сейчасъ же мною была сведена на нѣтъ. А комиссія Саввича (правый октябристъ 4-й Гос. Думы), чего стоила Морскому Вѣдомству!? В. И. Лебедевъ (с.-р.) хоть немного вернулъ ее къ дѣйствительности и къ разсудку! Военный Совѣтъ ухитрился къ маю сократить даже содержаніе офицеровъ. А безъ вѣдома Времен. Пр-ства насажденныя національныя войска!? Сколько мнѣ пришлось испытать потомъ, борясь съ неизбѣжными послѣдствіями этого нововведенія! А непонятная никому перетасовка командного состава на фронтѣ и т. д. и т. д.

Я подписалъ полученную по наслѣдству и совершенно готовую „декларацію правъ солдата“. Отказаться ее подписать, когда она уже была извѣстна въ самыхъ глухихъ уголкахъ фронта и уже фактически дѣйствовала, было бы политикой страуса. Я взялъ на себя формальную отвѣтственность за нее, но категорически потребовалъ, чтобы въ ней не подразумѣвалось, совершенно ясно и открыто говорилось о правѣ начальника въ боевой обстановкѣ дѣйствовать противъ неповинующихся силой оружія. Таково происхожденіе окончательной редакціи знаменитаго § 14, который и явился основнымъ поводомъ для начавшейся большевистской травли меня въ Арміи. Именно теперь я объ этомъ говорю—пусть еще новое преступленіе противъ народа будетъ предъявлено мнѣ современными властителями, такъ

свято преклоняющимися передъ неприкосновенностью чужой жизни!..

Да, когда я былъ военнымъ Министромъ, мнѣ приходилось все время урѣзывать и сокращать разныя проведенныя при Гучковѣ „вольности". И мои ближайшіе сотрудники, навѣрное, помнятъ, какъ иногда я говорилъ имъ,—вотъ странно, что мнѣ, „неистовому" революціонеру, приходится итти противъ начинаній октябриста „государственника". Навѣрное, помнятъ, какъ, подписывая очередное ограниченіе или воспрещеніе, я, смѣясь, просилъ:—дайте мнѣ что-нибудь пріятное для „товарищей" подписать, а то плохо мнѣ будетъ! Ахъ, меньше всего я хочу въ чемъ-нибудь обвинять Гучкова и еще меньше хочу себя оправдывать. Исторія скажетъ свое слово и всѣхъ насъ поставитъ на свои мѣста! Я хочу только, чтобы сейчасъ *больше знали* и помнили. Я хочу еще разъ, какъ на Московскомъ Совѣщаніи, засвидѣтельствовать одно, что со времени моего вступленія въ Военное Министерство *ни одна мѣра*, которая могла бы разрушить силу арміи или авторитетъ Командпаго состава *не* прошла. Съ самаго начала мной велась систематическая планомѣрная работа по пересмотру кодификаціи и введеніи въ рамки всѣхъ новыхъ въ арміи институтовъ. И больше всего я считаю нужнымъ сказать отсюда всей Арміи снизу до верху и сверху до низу: вся Армія, независимо отъ чина и положенія, должна являть собой образецъ дисциплинированности и подчиненія младшаго старшимъ, всѣхъ—власти верховной.

[„Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ съ самаго верха Арміи былъ показанъ примѣръ *не*подчиненія „старшему", Власти Верховной. Было подтверждено право каждаго съ оружіемъ въ рукахъ добиваться *своей* правды. Корниловское движеніе сыграло для арміи *ту же роль*, что „переворотъ 25 октября для всей Россіи—оно толкнуло Армію на путь окончательной гибели."]

Предсѣдатель. Въ этомъ Совѣщаніи 10 августа принимали участіе кромѣ Васъ...

Керенскій. Тутъ были Терещенко, Некрасовъ и самъ Корниловъ.

Предсѣдатель. Вы на этомъ Совѣщаніи высказывали свое мнѣніе по поводу записки или Вамъ не пришлось?

Керенскій. Нѣтъ, кажется, было только двое говорившихъ—Некрасовъ и Терещенко, а я молчалъ.

Предсѣдатель. Вы уже днемъ сказали Ваше мнѣніе.

Керенскій. Мы всѣ говорили одно: въ военной части большинство изложеннаго правильно и пріемлемо, по формѣ—невозможно.

Предсѣдатель. Вотъ еще одинъ вопросъ, въ этой запискѣ говорилось что-либо объ упраздненіи комитетовъ и Совѣтовъ въ Арміи?

Керенскій. Во второй запискѣ—нѣтъ. Положеніе какъ будто бы мѣнялось настолько, что когда на другой день, наканунѣ Московскаго Совѣщанія во Врем. Правительствѣ обсуждалась военная часть правительственнаго выступленія, удалось поставить вопросъ о мѣрахъ въ арміи такъ, что *Врем. Правительство приняло существо* первой записки Корнилова *въ моемъ изложеніи.* На Московскомъ Совѣщаніи мнѣ и пришлось излагать записку Корнилова въ моей формулировкѣ.

[Вспоминаю это засѣданіе Врем. Правительства наканунѣ Московскаго Совѣщанія. Оно было вообще очень нервное и напряженное. Только что утромъ Кокошкинъ сдѣлалъ заявленіе объ отставкѣ, а засѣданіе происходило буквально за нѣсколько часовъ до отъѣзда въ Москву. Когда зашелъ вопросъ о томъ, что будетъ сказано по вопросу объ Арміи отъ имени всего Правительства, то прежде всего было предложено заслушать докладную записку Верх. Главнокоманд. По оглашеніи записки (той первой, болѣе боевой по силѣ, но болѣе пріемлемой по существу, безъ двухъ Щедринскихъ отдѣловъ), началось ея очень острое обсужденіе. Тогда я предложилъ свою формулировку программныхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію, могли бы удовлетворить требованія дѣла, дѣйствительнымъ намѣреніемъ самого Вр. Правит. и вмѣстѣ съ тѣмъ быть пріемлемыми и для Ставки и для широкаго общественнаго мнѣнія. Моя формулировка согласила мнѣнія Министровъ (за исключеніемъ пункта о смертной казни въ тылу).

Вотъ существо принятыхъ Правительствомъ 11 августа

положеній о реформѣ въ Арміи, какъ они были изложены на Московскомъ Совѣщаніи: „Опытъ этихъ мѣсяцевъ показалъ, что все то, что создано было случайно, иногда судорожно, иногда недостаточно продуманно, нынѣ подлежитъ пересмотру. Должны быть введены въ рамки, какъ права, такъ и обязанности каждаго несущаго службу въ русской арміи... Съ начала была случайная, на спѣхъ, постройка. Этотъ спѣхъ былъ нуженъ, иначе вся эта огромная масса матеріала послѣ паденія деспотической военной власти распылилась бы. Она была задержана въ этомъ своемъ стремленіи. Теперь черновая работа превращается въ бѣловую. Все будетъ поставлено на свое мѣсто, каждый будетъ знать свои права и обязанности... И комиссаръ, и комитеты, и дисциплинарные суды будутъ сохранены. Но все получитъ тѣ формы, которыя нужны нынѣ для арміи... И мы, люди Арміи и въ Арміи бывшіе, мы знаемъ, гдѣ предѣлъ возможнаго и гдѣ начинается невозможное и авантюра. И тамъ, гдѣ есть этотъ предѣлъ, Временное Правительство скажетъ:— дальше ни шагу“... Далѣе шло уже приведенное мною мѣсто о дисциплинѣ.

Для того, чтобы дать понять, *чѣмъ* отличалось заявленіе Врем. Прав. отъ „требованій“ ген. Корнилова, привожу изъ его рѣчи на томъ же Московскомъ Совѣщаніи выдержку о комитетахъ и комиссарахъ: „Я не являюсь противникомъ комитетовъ, я съ ними работалъ, какъ Командующій 8-й Арміей и какъ Главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ. *Но я требую,* чтобы дѣятельность ихъ протекала въ кругѣ интересовъ хозяйственнаго и внутренняго быта Арміи въ предѣлахъ, которые должны быть точно указаны закономъ, безъ всякаго вмѣшательства въ область вопросовъ оперативныхъ, боевыхъ и выборовъ начальниковъ. Я признаю Комиссаріатъ, какъ мѣру, необходимую въ настоящее время, но гарантія дѣйствительности этой мѣры—это личный составъ комиссаріата изъ людей, демократизмъ политическаго мышленія которыхъ соотвѣтствуетъ также энергіи и отсутствію страха отвѣтственности“. Если принять во вниманіе, что и во время Московскаго Совѣщанія Комитеты „права“ вмѣшиваться въ область вопросовъ оперативныхъ и т. д.“ по закону *не* имѣли и сравнить это мѣсто Корнилова съ моей

краткой формулой о тѣхъ же комитетахъ и комиссарахъ, то видно будетъ, что разница была только въ *тонѣ* и въ очень *личной* постановкѣ вопроса у Корнилова.

Вотъ, что по поводу Московскаго Совѣщанія отъ имени Савинкова было напечатано 18 августа въ „Извѣстіяхъ Ц. И. К. С. Р. и С. Д.“ Могу Вамъ заявить, что я остаюсь во главѣ Управленія Военнаго Вѣдомства... и по указанію А. Ф. Керенскаго могу снова работать въ полномъ единеніи съ нимъ по проведенію въ жизнь той программы, которую онъ намѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи и которую я, а также и Верховный Главнокомандующій Корниловъ вполнѣ раздѣляемъ... Было бы заблужденіемъ думать и появлявшіяся на этотъ счетъ въ печати свѣдѣнія *абсолютно невѣрны*, что я предлагалъ урѣзать войсковыя организаціи. Ни я, ни генералъ Корниловъ ничего подобнаго не предлагали. Какъ и А. Ф. Керенскій, такъ и мы стояли за сохраненіе и укрѣпленіе войсковыхъ организацій, съ тѣмъ, однако, чтобы онѣ не имѣли права измѣнять боевыхъ приказаній и вмѣшиваться въ дѣло назначенія и перемѣщенія командного состава“...

Насколько жизненно была систематически подготовлена Военнымъ Министерствомъ и настойчиво проводимая въ жизнь новая организація Арміи, будетъ видно изъ слѣдующаго сопоставленія. 28-го іюля Савинковъ отъ имени Военнаго Министерства такъ формулировалъ это новое положеніе. „Съ организаціей Института Комиссаровъ за высшимъ командным составомъ остаются оперативно-боевыя обязанности, за воинскими организаціями все то, что входитъ въ предѣлы самоуправленія Арміи (хозяйство и бытъ), за Комиссарами—высшій надзоръ за обще-политической жизнью арміи“. На Московскомъ Совѣщаніи была оглашена декларація армейскихъ комитетовъ, гдѣ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность въ области оперативной и боевой дѣятельности, рѣшающее значеніе въ области строевой и боевой подготовки... Проводниками единой революціонной политики Временнаго Правительства, какъ представителя воли революціоннаго большинства страны, должны являться комиссары... Солдатскія организаціи, являясь ор-

ганами солдатскаго самоуправленія, должны получить въ законѣ полное закрѣпленіе ихъ правъ и обязанностей.“ Наконецъ, 30 марта 1918 г. опубликовано слѣдующее положеніе, принятое высшимъ Военнымъ Совѣтомъ г. г. народныхъ комиссаровъ.“ Солдатскіе комитеты сохраняютъ за собой *только* хозяйственныя функціи и лишаются права вмѣшиваться въ оперативно-строевую часть. Всѣ политическіе вопросы можетъ разрѣшать особо назначенный комиссаръ, который дѣйствуетъ въ контактѣ съ комитетомъ“. Очевидно, оперативно-строевая часть возвращается въ компетенцію командного состава, уже не выбираемаго.

Такъ черезъ кошмарный опытъ Крыленковскаго безумія жалкіе остатки арміи возвращаются къ контръ-революціонному строю корниловца Керенскаго!]

Предсѣдатель. На Московскомъ Совѣщаніи Вы излагали въ Вашей формулировкѣ записку Корнилова за исключеніемъ смертной казни въ тылу.

Керенскій. Да, пожалуй за исключеніемъ смертной казни въ тылу, такъ какъ на засѣданіи 11 августа Врем. Пр-ствомъ было рѣшено принципіально признать возможность примѣненія тѣхъ или иныхъ мѣръ до смертной казни въ тылу включительно, но проводить ихъ въ жизни лишь по обсужденіи въ законодательномъ порядкѣ отдѣльно каждой данной конкретной мѣры [сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста].

[„Пусть знаетъ каждый, говорилъ я, на Московскомъ Совѣщаніи о смертной казни въ тылу, что эта мѣра великое искушеніе, что эта мѣра великое испытаніе и пусть никто не осмѣлится по этому пункту ставить намъ какія-нибудь безусловныя требованія. Мы этого не допустимъ. Мы говоримъ только: если стихійныя разрушенія, развалъ, малодушіе и трусость, предательскія убійства, нападенія на мирныхъ жителей, сожженіе строеній, грабежи—если это будетъ продолжаться, несмотря на наше предупрежденіе—Пр-ство будетъ бороться такъ, какъ скажетъ это тотъ часъ. „Такимъ образомъ, на Московскомъ Совѣщаніи я говорилъ о смер. казни *условно* и говорилъ условно потому, что по этому вопросу внутри Вр. Пр-ства не только не было единомыслія „за,“ но было почти вѣрное большинство „противъ“ этой

мѣры борьбы съ явленіями развала и распада. Съ другой стороны, все Правительство единодушно признавало, что нельзя вопросъ о смертной казни дѣлать предметомъ острой политической борьбы, въ особенности внутри самого Пр-ства, тѣмъ болѣе, что послѣ частичнаго возстановленія смертной казни на фронтѣ споръ шелъ уже не о принципѣ, а лишь о цѣлесообразности. Я лично былъ рѣшительнымъ противникомъ введенія смертной казни въ тылу, потому что считалъ совершенно невозможнымъ привести въ исполненіе смертный приговоръ гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ Саратовѣ въ условіяхъ свободной политической жизни.

Убійство по судебному приговору по всѣмъ правиламъ оффиціальнаго смертнаго ритуала—большая „роскошь", доступная только государствамъ съ очень налаженнымъ административно-полицейскимъ аппаратомъ. Устраняя всякія гуманитарныя соображенія, *фактическая невыполнимость* смертнаго *судебнаго* приговора должна была быть рѣшающимъ доводомъ для всякаго практическаго государственнаго дѣятеля. Краткій, но печальный опытъ военно-революціонныхъ судовъ даже на фронтѣ весьма вѣско подтвердилъ это мое разсужденіе.

Я чувствую, какъ тѣ, кто будутъ читать эти строки въ современной Россіи будутъ раздражены этой „маниловщиной" и съ негодованіемъ спросятъ меня, но вѣдь существуютъ же „комиссарскіе" разстрѣлы, большевистскій терроръ?! Да, именно терроръ-казни, казни массовыя, но *безсудныя*, полицейскія убійства, но не судебный приговоръ, а въ этомъ-то и все дѣло! Именно большевистская реакція доказала, что въ Россіи теперь еще нельзя *убивать по суду*. Насколько я могу судить по доходящимъ ко мнѣ извѣстіямъ г. Бронштейнъ (Троцкій) все-таки не осмѣлился ввести свою гильотину, т.-е. возстановить смертную казнь, совершаемую въ торжественныхъ условіяхъ судебнаго приговора. Въ Россіи практикуется теперь „разстрѣлъ на мѣстѣ". Но это уже институтъ, стоящій внѣ всякой государственности, внѣ всякой даже варварской культуры. И для того, чтобы каждый шкурникъ съ фронта превратился въ привиллегированнаго убійцу, нужно было сначала до основанія разрушить государство... Но и сама по себѣ идея Корнилова-Филоненко

бороться съ забастовками, локаутами, разстройствомъ транспорта и другими подобными явленіями смертной казнью— идея сама по себѣ слишкомъ оригинальная, чтобы рѣшиться ее провести въ жизнь въ государствѣ мало-мальски культурномъ!]

Предсѣдатель. Не обсуждался ли на этомъ засѣданіи (Вр. Пр-ства 11 августа) вопросъ о выступленіи Корнилова на Московскомъ Совѣщаніи?

Керенскій. Да.

Предсѣдатель. Какъ отнеслись къ этому выступленію?

Керенскій. У насъ была точка зрѣнія совершенно опредѣленная. Мы имѣли опредѣленную задачу на Московскомъ Совѣщаніи. Наша линія, которую мы проводимъ всюду и вездѣ и которую часто, однако, по недоразумѣнію считаютъ признакомъ безсилія власти, состоитъ въ томъ, чтобы не форсировать никакихъ событій и не вызывать никакихъ взрывовъ. Въ данномъ случаѣ наша задача заключалась, между прочимъ, въ томъ, чтобы создать такую обстановку на Московскомъ Совѣщаніи, при которой выступленіе Корнилова, если бы оно состоялось, не *вызвало бы настроенія противъ него* въ широкихъ массахъ... Намъ просто казалось, что Корнилова было некѣмъ замѣнить въ то время. Исходя изъ этихъ соображеній, Правительство приняло планъ: Главковерхъ выступаетъ только съ такимъ же по содержанію докладомъ, какой онъ намъ дѣлалъ 3 августа, т.-е. съ докладомъ о положеніи на фронтѣ, о состояніи арміи, о стратегическомъ положеніи и т. д. Вр. Пр-ство вынесло категорическое постановленіе о рамкахъ выступленія ген. Корнилова и несмотря на это...

Предсѣдатель. Несмотря на это, несмотря на предупрежденіе онъ выступилъ по своему. А онъ былъ предупрежденъ еще здѣсь, въ Петроградѣ?

Керенскій. Кажется, онъ былъ предупрежденъ еще здѣсь.

[Теперь вспоминаю, что этого не могло быть, такъ какъ онъ уѣхалъ наканунѣ засѣданія Временнаго Правительства!].

Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, къ нему ѣздилъ наканунѣ его выступленія министръ Путей Сообщенія. Затѣмъ

я говорилъ по телефону и въ театрѣ вызывалъ его къ себѣ и повторилъ опять ему рѣшеніе Врем. Пр-ства и очень просилъ его поступить соотвѣтственно. Когда же онъ на эту мою просьбу отвѣтилъ, что будетъ говорить по своему, я заявилъ ему, чтобы онъ имѣлъ ввиду, что это будетъ съ его стороны поступкомъ недисциплинарнымъ.—„Вы же должны все-таки показывать примѣръ, а Вы нарушаете дисциплину". Въ это время онъ былъ въ такомъ настроеніи, что *былъ убѣжденъ въ совершенномъ безсиліи Правительства*, считалъ, что Пр-ство уже въ прошломъ, такъ сказать, и съ нимъ считаться не слѣдуетъ. Если молъ, мы, т. е. Пр-ство, говоримъ, что нужно или не нужно что-нибудь дѣлать, такъ только потому, что боимся его. Вотъ, мнѣ кажется, та психологія, которая тогда была у него и у близкихъ къ нему.

Либеръ. Разрѣшите задать вопросъ, Вамъ извѣстно было, что рѣчь, произнесенная Корниловымъ на Московскомъ Совѣщаніи, была составлена Филоненко, что во всякомъ случаѣ, онъ принималъ участіе въ составленіи ея?

Керенскій. Мнѣ объ этомъ неизвѣстно.

[Потомъ я прочелъ слѣдующее показаніе Филоненко, которое, конечно, остается на его совѣсти. „13-го вечеромъ я спросилъ у ген. Корнилова, подготовлена ли у него рѣчь, съ которой онъ намѣренъ выступить въ засѣданіи 14-го числа", и, узнавъ, что нѣтъ, предложилъ ему помочь выработать ея содержаніе. Помимо личнаго желанія оказать ген. Корнилову возможное содѣйствіе, я считалъ себя обязаннымъ такъ поступить въ силу той отвѣтственности, которая лежала на мнѣ за всѣ, политическаго характера, дѣйствія Главковерха. Свое содѣйствіе предложилъ также г. Завойко, встрѣтившій ген. Корнилова. Помощь г. Завойко выразилась въ томъ, что онъ подъ мою диктовку записалъ текстъ рѣчи, предварительно въ общихъ чертахъ, обсужденную мной съ ген. Корниловымъ. Эту рѣчь съ нѣкоторыми дополненіями чисто фактическаго характера ген. Корниловъ произнесъ на Совѣщаніи". Составляя эту рѣчь, Филоненко, видимо, былъ освѣдомленъ о директивахъ Пр-ства Главковерху, такъ какъ по существу эти директивы въ рѣчи были выполнены и всѣ острые углы, напр., смертная казнь въ тылу, были обойдены].

Я забылъ еще сказать, что, кажется, наканунѣ пріѣзда въ Москву, Корниловъ, уже зная, что Савинковъ въ отставкѣ, съ дороги прислалъ мнѣ телеграмму, настаивая на оставленіи Савинкова на службѣ. Затѣмъ я получилъ другую телеграмму, гдѣ онъ заявлялъ, что ему крайне необходимо на Московскомъ Совѣщаніи присутствіе Савинкова и Филоненко, которые могутъ поддержать его—не помню, какъ это было сказано—поддержать въ требованіяхъ или въ выступленіи. Однимъ словомъ, подобную телеграмму я получилъ. Будемъ считать редакцію менѣе одіозной, скажемъ—въ выступленіи, разъ я не помню хорошо. При этомъ тамъ была такая аттестація Савинкова: это человѣкъ извѣстный, пользующійся громаднымъ вліяніемъ у демократіи. Что-то въ этомъ родѣ тамъ было изложено.

[Давая показанія, я ошибался. Была только одна телеграмма о Савинковѣ. Вотъ она: „До меня дошли свѣдѣнія о томъ... Савинковъ подалъ въ отставку. Считаю долгомъ доложить свое мнѣніе, что оставленіе такимъ крупнымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Викторовичъ, рядовъ Вр. Пр-ства не можетъ не ослабить престижа Правительства въ странѣ и особенно въ такой серьезный моментъ. При моемъ выступленіи на Московскомъ Совѣщаніи 14 августа, я нахожу необходимымъ присутствіе и поддержку Савинковымъ моей точки зрѣнія, которая, вслѣдствіе громаднаго революціоннаго имени Бориса Викторовича и его авторитетности въ широкихъ демократическихъ кругахъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ большіе шансы на единодушное признаніе“...].

Раупахъ. Позвольте мнѣ вернуться къ вопросу о запискѣ. Этотъ проэктъ Корнилова былъ представленъ Врем. Пр-ству отъ Вашего имени, какъ Военнаго Министра, или же представленъ Главнокомандующимъ отъ своего имени?

Керенскій. Его представилъ Корниловъ отъ себя.

Раупахъ. Новый проэктъ, который обсуждался 10-го августа...

Керенскій. Мы просили (Некрасовъ, Терещенко и я 10 августа... вечеромъ) Корнилова, и онъ оставилъ для П-ва проэктъ въ первой редакціи 3 августа.

Раупахъ. Онъ считалъ нужнымъ внести...

Предсѣдатель. Г. Министръ-Предсѣдатель разъяснилъ намъ, что этотъ проэктъ былъ новый и подписанный...

Керенскій. Подпись Упр. Военн. Министерствомъ была на второмъ проэктѣ, но онъ не читался во Врем. Пр-ствѣ.

Предсѣдатель. Этотъ второй проэктъ не читали тогда?

Керенскій. Тогда онъ не фигурировалъ, этотъ второй проэктъ. Онъ тогда и исчезъ.

[Я помню, съ какимъ я удивленіемъ слушалъ на Московскомъ Совѣщаніи, какъ ген. Корниловъ говорилъ о своемъ представленномъ Врем. Пр-ству докладѣ, на которомъ безъ „всякихъ оговорокъ подписались“ Савинковъ и Филоненко. Меня удивило заявленіе, что за тройной подписью проэктъ „представленъ“ Врем. Пр-ству, тогда какъ, съ согласія ген. Корнилова я огласилъ въ засѣданіи Правительства 11 августа его первую записку. Только теперь, прочтя разговоръ по юзу Филоненко съ помощникомъ Комиссара Юго-Западнаго фронта Гобечіа, я узналъ, что „ген. Корниловъ послѣ обсужденія общаго положенія (10 августа) уѣхалъ на вокзалъ, имѣя докладъ съ собой, но здѣсь по настоянію Б. В. и моему, находившихъ, что столь важный вопросъ не можетъ разрѣшиться въ порядкѣ частныхъ бесѣдъ лицъ, хотя бы и высоко отвѣтственныхъ, генераломъ Корниловымъ было принято рѣшеніе представить докладъ въ конвертѣ Врем. Пр-ству, что и было исполнено“. Однако этотъ „конвертъ“ такъ до меня и не дошелъ. Этотъ случай показываетъ, какъ не самостоятеленъ въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ и выступленіяхъ ген. Корниловъ].

Возвращаясь къ Московскому Совѣщанію, долженъ сказать, что единственнымъ отступленіемъ, которое было сдѣлано, отъ условій въ рѣчи Корнилова—это было нѣкоторое общее разсужденіе о необходимыхъ мѣрахъ въ тылу, съ оговоркой, что онъ не входитъ сейчасъ въ обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя необходимо провести на жел. дорогахъ и въ промышленности.

Раупахъ. Отъ этого онъ уклонился?

Керенскій. У насъ было оговорено, что онъ не коснется, напримѣръ, желѣзныхъ дорогъ, а онъ коснулся.

Предсѣдатель. Ко времени Московскаго Совѣщанія

или раньше уже поступали свѣдѣнія о заговорѣ, не нарастали ли и не усиливались ли?

Керенскій. Все время.

Предсѣдатель. Не ставилась ли фамилія Корнилова въ связи съ заговоромъ.

Керенскій. Фамилія Корнилова уже потомъ всплыла, не задолго до развернувшихся событій. Тутъ появлялся еще одинъ офицеръ, котораго я послѣ передалъ въ контръразвѣдку. Немного онъ былъ шантажистомъ, но онъ очень часто бывалъ въ Совѣтѣ Казачьихъ Войскъ и, видимо, былъ вообще въ курсѣ. Офицеръ этотъ являлся предупреждать меня также, какъ и Львовъ, о томъ, что мнѣ грозитъ неминуемая гибель въ связи съ событіями, которыя въ ближайшіе дни произойдутъ, именно захватъ заговорщиками власти.

Раупахъ. Справа или...

Керенскій. Захватъ справа. Онъ, несомнѣнно, былъ въ курсѣ, этотъ офицеръ, но такъ для меня и оставалось не совсѣмъ ясно—приходилъ ли онъ ко мнѣ развѣдчикомъ сюда, или онъ хотѣлъ просто выдать и что-либо для себя заработать. Несомнѣнно для меня только одно—онъ былъ въ курсѣ дѣла.

Предсѣдатель. Но онъ не называлъ тогда Корнилова или кого-нибудь другого?

Керенскій. Корнилова не называлъ, но называлъ элементы близкіе къ нему: Завойко и другихъ близкихъ къ нему лицъ, кого я не помню. Затѣмъ, во время Московскаго Совѣщанія, какъ Вамъ извѣстно, былъ вызванъ Казачій полкъ въ Москву.

Предсѣдатель. 7-й Оренбургскій Казачій полкъ.

Керенскій. ...помимо Командующаго Московскимъ Округомъ. Въ это же время изъ Финляндіи приближался корпусъ кн. Долгорукаго къ Петрограду, корпусъ, который былъ остановленъ Командующимъ Войсками генераломъ Васильковскимъ. Среди юнкеровъ ходили разные слухи. Мы получили, напримѣръ, сообщеніе отъ Московскихъ юнкеровъ, что ихъ предупреждалъ одинъ офицеръ о томъ, что во время Московскаго Совѣщанія будетъ провозглашена Диктатура. Къ какимъ результатамъ пришло

разслѣдованіе этого случая, я не знаю. Я не знаю, для чего полкъ Казачій двигался.

Предсѣдатель. Корнилову неизвѣстно было. Нужно думать—для поддержанія какихъ-то требованій.

Керенскій. Вѣроятно.

Предсѣдатель. Точно не установлено, кѣмъ былъ вызванъ полкъ?

Керенскій. Извѣстно было, что помимо Командующаго Московскимъ Округомъ, помимо Врем. Правительства и Военнаго Министра былъ экстренно вызванъ полкъ. Мы ничего не знали, успѣли его остановить въ Можайскѣ.

Предсѣдатель. Вотъ тогда въ Москвѣ не возникалъ ли у Прав. въ связи съ тѣмъ, что Корниловъ не хотѣлъ подчиниться директивамъ Врем. Пр-ства, сомнѣнія относительно личности его, т. к. имѣлись слухи о заговорѣ, въ связи съ этимъ не ставило ли Врем. Пр-ство личность Корнилова подъ сомнѣніе?

Керенскій. Видите ли, нужно сказать, что часть Врем. Пр-ства была совершенно загипнотизирована тогда личностью Корнилова. Я это говорю, конечно, не въ томъ смыслѣ, что въ этой части Правительства было хоть какое-нибудь особое соприкосновеніе съ нимъ или сочувствіе его аллюрамъ, а просто нѣкоторымъ Министрамъ казалось, что этотъ человѣкъ внѣ политики, честный, смѣлый солдатъ, который можетъ и долженъ организовать Армію, [(но которому трудно найти вѣрный тонъ въ сложныхъ „штатскихъ" условіяхъ).]

А потому они смотрѣли на эту попытку, какъ на попытку съ негодными средствами. Это человѣкъ совершенно ничего не понимающій въ политикѣ, не умѣлый, но у каждаго, молъ, есть свое гражданское чувство... Я же это все *учелъ*, какъ и нѣкоторые другіе министры. Пріѣхавъ сюда, помню, я говорилъ близкимъ друзьямъ, а также и во Врем. Правительствѣ, что я очень доволенъ Московскимъ Совѣщаніемъ, т. к. то, что мнѣ нужно было, я совершенно, учелъ и *знаю, гдѣ, что и какъ*. Послѣ, когда Корниловское выступленіе совершилось, мнѣ одинъ изъ к.-д. сказалъ: „только теперь мы поняли занятую Вами вообще на Московскомъ

Совѣщаніи позицію, Вашъ тонъ, а тогда намъ казались непонятными Ваши угрозы въ правую сторону".

[Вотъ соотвѣтствующія мѣста изъ моей рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи: „...Но пусть еще болѣе остерегаются тѣ, кто думаетъ, что настало время, опираясь на штыки, низвергнуть революціонную власть (бурн. апплод. слѣва)... А другіе на своихъ собраніяхъ осмѣливаются произносить противъ Верховной власти Государства Россійскаго слова, за которыя они при старомъ режимѣ, какъ за оскорбленіе Величества оказались бы за предѣлами досягаемости... И нынѣ я съ такой же рѣшительностью (какъ 3—5 іюля) съ помощью *всего* Врем. Правительства поставлю предѣлъ стремленіямъ великое несчастіе русское... использовать во вредъ обще-національнымъ интересамъ. И какой бы и кто бы мнѣ ультиматумъ не предъявлялъ, я сумѣю подчинить его волѣ Верховн. власти... Но еще разъ говорю: всякая попытка большевизма наизнанку найдетъ предѣлъ во мнѣ".

Московское Совѣщаніе вообще чрезвычайно важный этапъ въ развитіи движенія за утвержденіе въ Россіи Военной Диктатуры. Это *прологъ* къ 27 августа. Здѣсь русская *республиканская реакція* окончательно осознаетъ себя. Здѣсь своеобразный русскій буланжизмъ окончательно выбираетъ себѣ вождя, здѣсь производится подсчетъ силъ, здѣсь объединяются тѣ общественные круги, которые идейно и матеріально питаютъ это движеніе. Здѣсь сильно увеличивается кругъ активныхъ конспиративныхъ работниковъ, здѣсь, наконецъ, впервые былъ представленъ Россіи ея будущій диктаторъ-Корниловъ. Подготовка и организація сочувствующихъ Военной Диктатурѣ круговъ были поставлены настолько солидно, что еще 30 августа ген. Корниловъ могъ серьезно думать о „поддержкѣ", заявляя Правительству, что только при исполненіи послѣднимъ извѣстныхъ условій— онъ „немедленно приметъ мѣры къ тому, чтобы успокоить тѣ круги, которые шли" за нимъ; настолько солидно, говорю я, что послѣ своего ареста ген. Корниловъ съ горечью говорилъ о томъ, какъ всѣ покинули его въ рѣшительную минуту, а ген. Алексѣевъ 12 сентября въ письмѣ къ Милюкову предупреждалъ, что „ген. Корниловъ вынужденъ будетъ широко развить передъ судомъ „всю подготовку",

всѣ переговоры съ *лицами и кругами*, ихъ *участіе*, чтобы показать русскому народу, съ кѣмъ онъ шелъ... и какъ въ тяжелую минуту онъ, покинутый всѣми, съ малымъ числомъ офицеровъ и т. д."

Не заглядывая даже за кулисы этой „подготовки" и переговоровъ, можно было передъ Московскимъ Совѣщаніемъ и на открытой сценѣ видѣть, какъ мобилизовались и сосредоточивались силы. Происходилъ цѣлый рядъ собраній влiятельныхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ организацій, которыя, какъ по командѣ, одна за другой выносили постановленіе о *несмѣняемости* ген. Корнилова. 6-го августа въ экстренномъ собраніи Сов. Союза Казачьихъ войскъ постановилъ: довести до свѣдѣнія Врем. Прав. и Военнаго Министра и распубликовать въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе, что: ...2. ген. Корниловъ *не можетъ быть смѣненъ*, какъ истинный народный вождь и, по мнѣнію большинства населенія, единственный генералъ, могущій возродить боевую мощь арміи и вывести страну изъ крайне тяжелаго положенія. 3. Сов. Союза Каз. войскъ, какъ представитель всего Россійскаго казачества, заявляетъ, что *смѣна* генерала Корнилова *неизбѣжно внушитъ* казачеству пагубную мысль о безполезности дальнѣйшихъ казачьихъ жертвъ, въ виду нежеланія власти спасти родину дѣйствительными мѣрами. 4. Сов. Союза Каз. Войскъ считаетъ нравственнымъ долгомъ заявить Врем. Правительству и народу, что онъ снимаетъ съ себя возложенную на него отвѣтственность за *поведеніе казачьихъ войскъ на фронтѣ и въ тылу* при смѣнѣ ген. Корнилова. 5. Сов. Союза Каз. Войскъ заявляетъ *громко и твердо* о полномъ и всемѣрномъ подчиненіи своему вождю—герою генералу Лавру Георгіевичу Корнилову".

7-го августа Главн. Ком. Союза Оф. Арміи и Флота разослалъ по телеграфу Военному Министру, Главнокомандующимъ Фронтами и командующимъ Арміями свое постановленіе о генералѣ Корниловѣ, весьма дипломатично составленное, заканчивающееся такъ: „Мы призываемъ всѣхъ честныхъ людей и все русское офицерство незамедлительно высказать ему полное довѣріе. Мы не допускаемъ возможности вмѣшательства въ его, утвержденныя Правительствомъ, дѣйствія, какихъ бы то ни было лицъ или учрежденій и

готовы *всемѣрно поддерживать* его законныя *требованія* до последней *капли крови!*“ Поздно ночью на 8-е августа тамъ же, въ Ставкѣ Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ, была вынесена слѣдующая резолюція: „Обсудивъ резолюціи Сов. Каз. Войскъ, Конференція Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ въ засѣданіи (экстренномъ) 7-го августа единогласно постановила всецѣло присоединиться къ резолюціи и *твердо* заявить Врем. Пр-ству, что если оно допуститъ восторжествовать клеветѣ и ген. Корниловъ будетъ смѣщенъ, Союзъ Георгіевскихъ Кавалеровъ немедленно отдастъ *боевой кличъ* всѣмъ Георгіевскимъ Кавалерамъ о выступленіи совмѣстно съ Казачествомъ“. Подобныя же резолюціи были вынесены Военной Лигой и т. п. организаціями.

Это движеніе за несмѣняемость Корнилова было „увѣнчано“ знаменательнымъ постановленіемъ Совѣщанія общественныхъ дѣятелей, которое происходило въ Москвѣ между 6—10 августа передъ Всероссійскимъ Совѣтомъ и на которомъ собрался весь свѣтъ прогрессивнаго блока IV Государственной Думы. „Совѣщаніе Общественныхъ дѣятелей, говорится въ телеграммѣ Родзянко къ Корнилову, привѣтствуетъ Васъ, Верховнаго Вождя русской Арміи. Совѣщаніе заявляетъ, что всякія покушенія на подрывъ Вашего авторитета въ Арміи и *Россіи* оно считаетъ преступнымъ и *присоединяетъ свой голосъ* къ голосу офицеровъ Георгіевскихъ Кавалеровъ и Казачества. Въ грозный часъ тяжкаго испытанія вся мыслящая Россія смотритъ на Васъ съ надеждой и вѣрой“... Вся эта компанія была вызвана, якобы, „возможной отставкой“, подъ давленіемъ Ц. И. К. С. Р. и С. Д. На самомъ дѣлѣ эта компанія была боевымъ кличемъ, соединявшимъ въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя общественныя группы, тяготѣвшія къ „сильной власти“. Совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, возглавляемое Родзянкой, было тѣмъ центромъ, гдѣ былъ произведенъ смотръ войскамъ, гдѣ были установлены идейныя цѣли развивающагося движенія, и гдѣ все окончательно было подготовлено къ штурму Врем. Пр ства на Всероссійскомъ Совѣщаніи. У руководителей движенія была такая увѣренность въ успѣхѣ, что нѣкоторые весьма реальные политики, рѣшились принять участіе въ составленіи такой резолюціи, о

которой уже черезъ три дня имъ не хотѣлось больше вспоминать.

Въ это же время происходили частныя поѣздки въ Ставку, какъ представителей различныхъ организацій, такъ и частныхъ лицъ, совѣщанія на нѣкоторыхъ Московскихъ квартирахъ и т. д.—Однимъ словомъ, кое-что подготовлялось болѣе реальное на случай, если увѣренность въ успѣхѣ движенія за „сильную власть“ оправдается на Всер. Совѣщаніи. При благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ готовились на немъ самомъ довести дѣло до конца. Отсюда попытка „подтянуть“ реальную помощь, подготовить психологію юнкеровъ. Уже передъ самымъ пріѣздомъ въ Москву ген. Корнилова по городу усиленно распространилась спеціальная брошюрка подъ заглавіемъ—не то „Корниловъ народный герой“, не то „Корниловъ—народный вождь“, написанная въ соотвѣтствующихъ тонахъ виднымъ членомъ одного изъ военныхъ Союзовъ. Наконецъ, состоялся по заранѣе выработанному торжественному церемоніалу (до Иверской включительно) въѣздъ ген. Корнилова въ Москву. Здѣсь, во все время пребыванія въ Салонъ-вагонѣ шелъ пріемъ совсѣмъ не военныхъ лицъ. Крупнѣйшіе финансисты В. и П. „докладывали“, по словамъ Московскихъ газетъ, о финансовомъ положеніи Россіи. Аладьинъ былъ съ „докладомъ“ объ общемъ международномъ положеніи. „Представлялся“ Пуришкевичъ. „Былъ принятъ“ П. Н. Милюковъ, пріѣзжалъ, конечно, Калединъ и т. д...

Однако Московское Совѣщаніе совершенно не оправдало надеждъ. Пришлось не только оставить всякую попытку опереться на Совѣщаніе для провозглашенія диктатуры, но даже и сжатый на предварительномъ Совѣщаніи общественныхъ дѣятелей кулакъ оказался разжатымъ для дружескаго рукопожатія. Затѣи обоихъ крайнихъ фланговъ были просто какъ-то сразу смыты общимъ настроеніемъ съѣхавшейся на Всероссійское Совѣщаніе провинціи, и объявленная большевиками всеобщая забастовка имѣла не большій успѣхъ, чѣмъ и поѣздка къ Иверской.

На Московскомъ Совѣщаніи такъ характерно выявилась та недооцѣнка одними и переоцѣнка другими своихъ силъ о которой я уже говорилъ. Передъ Московскими днями въ

средѣ самой демократіи многіе изъ заразившихся болѣзненнымъ страхомъ контръ-революціи съ опаской ждали Московскаго Совѣщанія, думая, что голосъ страны зазвучитъ въ унисонъ съ возродившимся тогда въ Москвѣ Прогрессивнымъ Блокомъ, и, заподазривая меня въ заигрываніи съ реакціей. (Тогда я еще не былъ признанный контръ-революціонеръ). Съ другой стороны и руководителямъ готоваго къ штурму власти блока „всей мыслящей Россіи", по выраженію Родзянко, пришлось самимъ подъ давленіемъ „своей" провинціи, передѣлать заготовленныя резолюціи. Подводя итоги Московскому Совѣщанію, „Извѣстія Ц. И. К. С. Р. и С. Д. съ нѣкоторымъ удивленіемъ устанавливали въ номерѣ отъ 16 августа, что „всѣ третье-іюньцы, которые уже приготовились какъ слѣдуетъ лягнуть мертваго льва, всѣ они испытали въ эти дни Московскаго Совѣщанія глубокое разочарованіе". Подчеркивая то единство, которое на Совѣщаніи проявили представители рабочихъ, крестьянъ, армейскія и флотскія массы, земства, города, кооперативы, желѣзнодорожники, учителя и т. д., „Извѣстія" справедливо говорили, что „демократія выходитъ изъ Московскаго Совѣщанія укрѣпленной"... Однако этотъ результатъ Московскаго Совѣщанія, который, казалось, уже во всякомъ случаѣ опрокинулъ всѣ разсчеты на возможность переворота справа, не только не успокоилъ активныхъ сторонниковъ диктатуры, но побудилъ ихъ еще рѣшительнѣе итти къ цѣли, но уже другимъ путемъ. Открытая борьба на широкой политической аренѣ съ Вр. Пр-ствомъ оказалась не по силамъ—тогда рѣшили взять его внезапно „короткимъ ударомъ"].

Предсѣдатель. Вотъ, послѣ Московскаго Совѣщанія не возникалъ ли вопросъ объ измѣненіи въ составѣ Врем. Пр-ства, не назывались ли какія-либо фамиліи?

Керенскій. Нѣтъ, были только разговоры, что необходимо воспользоваться создавшимся настроеніемъ послѣ эпизода, „Бубликовъ-Церетелли" и понемногу начать переговоры съ промышленниками о вхожденіи ихъ во Врем. Правительство. Тогда вопросъ сводился именно къ тому, чтобы вернуть къ участію въ Управленіи Государствомъ представителей цензовыхъ элементовъ не к.-д., а именно Коновалова и другихъ подлинныхъ цензовиковъ.

Предсѣдатель. Какія были у Васъ свѣдѣнія о выступленіи большевиковъ, отъ кого исходили эти свѣдѣнія, не были ли они провокаціонными?

Керенскій. Видите ли, почти черезъ каждую одну-двѣ недѣли появлялись свѣдѣнія о большевистскихъ выступленіяхъ: такъ *незадолго* до 27 августа въ засѣданіи Правительства кто-то изъ Министровъ задалъ вопросъ, извѣстенъ ли мнѣ, Министру Вн. Дѣлъ слухъ о готовящемся большевистскомъ выступленіи и насколько онъ серьезенъ. Тогда я и, кажется, Скобелевъ отвѣтили, что эти слухи не серьезны.

Предсѣдатель. Какія мѣры предпринимались Правительствомъ на случай ожидавшагося выступленія большевиковъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ?

Керенскій. Въ Кронштадтѣ?... никакихъ не предполагалось. Я долженъ сказать, что никакой роли выступленіе большевиковъ тогда не играло. У меня есть показаніе, которое я давалъ судебному слѣдователю о разговорѣ съ В. Львовымъ. Тамъ говорится о томъ, что Львовъ увѣрялъ меня, что большевистское выступленіе неминуемо, а я возражалъ, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, большевистское выступленіе не предполагается. Я даже сказалъ: вы такъ увѣренно говорите, какъ будто сами участвуете въ выступленіи.

[Теперь послѣ большевистской контръ-революціи, или, правильнѣе сказать, Всероссійской Пугачевщины, уничтожившей Государство русское и при замѣчательной способности нашей вовсе не помнить вчерашній день, многимъ и многимъ, читая это мѣсто моего показанія, подумается, что, стрѣляя по воробьямъ (Корниловцамъ) изъ пушекъ, Временное Пр-ство „прозѣвало“ настоящаго звѣря, а другіе скажутъ — вотъ предвидѣлъ же Корниловъ большевистское возстаніе, а Прав. ничего не видѣло или на лѣвый глазъ окривѣло! Такія разсужденія въ корнѣ ошибочны, т. к. во 1) *до* и *во* время Корниловскаго мятежа *не было* не только реальной угрозы, но даже и признаковъ большевистскаго возстанія, а во 2) *до* Корниловщины противъ—„большевистской опасности была огромная сила организованной демократіи въ лицѣ новыхъ мѣстныхъ самоуправленій, Совѣт-

скихъ и Армейскихъ организацій и т. д., сила, ограждавшая страну и власть отъ хаоса слѣва.

Корниловское движеніе подготовлялось какъ разъ во время напряженнѣйшей борьбы государственно мыслившей и патріотически настроенной демократіи съ ея анархо-большевистскими противогосударственными элементами. Еще 8 іюля Ц. И. К. С. Р. и С. Д. подчеркивалъ въ своей резолюціи „рѣзкій переломъ въ настроеніи широкихъ массъ, вызванный авантюристской попыткой вооруженнаго выступленія противъ Врем. Пр-ства... Попыткой, которую подготовляли анархо-большевистскіе элементы и дѣйствовавшія подъ ихъ флагомъ темныя силы“.....

„18 іюля тотъ Ц. И. К. С. Р. и С. Д. *единогласно* признаетъ, что „основной задачей момента является усиленная работа по возсозданію боеспособности арміи“. Я уже приводилъ выдержки изъ другихъ, проникнутыхъ здоровыми настроеніями, воззваній и резолюцій Ц. И. К. Да стоитъ перелистать „Извѣстія Ц. И. К.“ за іюль-августъ мѣсяцы, чтобы наглядно убѣдиться, съ какимъ напряженіемъ шла эта борьба государственниковъ съ анархіей, какъ все болѣе и болѣе классовые интересы въ сознаніи демократіи подчинялись нуждамъ обще-государственнымъ, какъ возрождалась тяга къ труду и порядку, какъ все глубже въ толщу народную проникало сознаніе о необходимости жертвъ во имя родины. Нужно вспомнить, какъ самоотверженно армейскія организаціи и комиссары боролись на фронтѣ со шкурничествомъ—большевизмомъ, какъ многіе искупали невольныя ошибки первыхъ дней революціи, кровью своей освящая эту борьбу съ трусами и предателями. Стоитъ пересмотрѣть сотни и сотни батальонныхъ, полковыхъ, дивизіонныхъ и т. д. постановленій этихъ мѣсяцевъ, чтобы убѣдиться, какъ быстро шелъ процессъ оздоровленія въ самой солдатской массѣ, въ это же время улучшалось положеніе командного состава. На мѣстахъ въ эти же мѣсяцы усиленно развивалась дѣятельность новыхъ органовъ самоуправленія *за счетъ* „Совдеповъ“ и разныхъ самочинныхъ комитетовъ. Сама руководящая Совѣтская пресса признавала это явленіе и считала его признакомъ здороваго развитія революціонной государственности. А главное, нельзя же забывать, что

тогда большевики всюду были въ меньшинствѣ и въ роли безотвѣтственной оппозиціи. Жалкая попытка большевистской „общей забастовки“ въ дни Московскаго Совѣщанія, лишеніе большевиковъ по постановленію бюро Ц. И. К. С. Р. и С. Д. права самостоятельно выступать на самомъ Совѣщаніи, а въ то же самое время смѣлый шагъ съ протянутой рукой навстрѣчу буржуазіи—все это не фантазія, а та подлинная дѣйствительность, въ которой мы жили передъ 27 августа и которая давала мнѣ возможность на предложеніе подождать съ объявленіемъ военнаго положенія до прихода 3-го Коннаго Корпуса отвѣтить—„для этого онъ мнѣ вовсе не нуженъ“.

Однимъ словомъ, реальное соотношеніе силъ было таково, что всякая попытка повторить 3—5 іюля была заранѣе обречена на *полный провалъ*. Тѣмъ болѣе совершенно ничтожна была реальная опасность для существовавшаго тогда порядка вещей отъ всякой попытки справа. *Правый большевизмъ никогда не былъ опасенъ самъ по себѣ*. Это былъ не пороховой погребъ, взрывъ котораго разрушаетъ все кругомъ до основанія, а только спичка, которая могла попасть въ складъ взрывчатыхъ веществъ и тогда..... Послѣдствія 27 августа показали, *что* послѣдуетъ тогда.

Одинъ изъ виднѣйшихъ лидеровъ с.-р. извѣстный своей неискоренимой склонностью къ лѣвѣйшимъ изъ лѣвыхъ, на послѣднемъ съѣздѣ этой партіи въ ноябрѣ 1917 года по поводу Корниловскаго мятежа сказалъ: „взрывъ энергіи въ борьбѣ противъ опасности военнаго заговора и контръ-революціи на одну минуту возстановившій единство демократическаго революціоннаго фронта противъ продолжавшей занимать двусмысленную позицію единственно большой партіи цензовой Россіи—партіи народной свободы—этотъ взрывъ энтузіазма и подъемъ настроенія *упрочили* позицію соціалистической демократіи и *поколебавшуюся* было позицію Совѣтовъ. Совѣтамъ, *поправѣвшимъ* послѣ событій 3—5 іюля, послѣ дней прорыва единства демократическаго фронта этотъ поворотъ позволилъ выправить линію, вызвать новый ихъ *сдвигъ влѣво*. И не удивительно, товарищи, поэтому, что многіе—и я въ томъ числѣ—поздравляли другъ друга съ выступленіемъ Корнилова, какъ съ фактомъ, который это

поправѣніе страны доводитъ до абсурда, до его логическаго конца, до военнаго заговора и тѣмъ даетъ возможность загладить и поправить то, что было сдѣлано ошибками и безуміями слѣва, *пользуясь ошибками и преступленіями справа*".

Я не былъ въ числѣ тѣхъ многихъ, которые „поздравляли себя" съ возможностью обольшевистить Совѣты, но я долженъ признать, что дѣйствительно только 27 августа сдѣлало возможнымъ 25 октября. И въ этомъ подлинное великое преступленіе, неискупимый грѣхъ передъ родиной, наивныхъ фантастовъ, искусныхъ политиковъ и просто дерзкихъ авантюристовъ, взявшихся спасать Россію „Бѣлымъ Генераломъ"! Въ своемъ обращеніи „къ русскимъ людямъ" ген. Корниловъ, наперекоръ всякой очевидности, утверждалъ, что „Врем. Пр-ство *подъ вліяніемъ большевистскаго большинства совѣтовъ* дѣйствуетъ" и т. д. Былъ ли Корниловъ введенъ самъ въ заблужденіе или сознательно говорилъ неправду, это все равно, но тогда ничего подобнаго въ „поправѣвшихъ" совѣтахъ еще не было. Зато самъ Корниловъ оказался замѣчательнымъ пророкомъ. Почти слѣдомъ за этимъ его заявленіемъ Совѣты дѣйствительно были повсюду захвачены большевиками.

27 августа зажженная спичка дѣйствительно *попала въ пороховой погребъ*. 1-го сентября вносится въ Ц. И. К. С. Р. и С. Д. резолюція большевиковъ—программа переворота 25 октября. Вотъ наиболѣе характерныя изъ нея мѣста... „Рѣшительно должны быть прекращены всякія колебанія въ дѣлѣ организаціи власти, должна быть *пресѣчена въ корнѣ* политика *соглашательства... Нетерпимы* далѣе ни исключительныя полномочія Врем. Прав., ни его безотвѣтственность. *Единственный* выходъ въ созданіи изъ представителей революціоннаго пролетаріата и крестьянства власти, въ основу дѣятельности которой должно быть поставлено слѣдующее: немедленная отмѣна частной собственности, а помѣщичьей земли безъ выкупа и т. д., введеніе рабочаго контроля въ общегосударственномъ масштабѣ надъ производствомъ и распредѣленіемъ. Націонализація важнѣйшихъ отраслей промышленности...., безпощадное обложеніе крупныхъ капиталовъ и имуществъ и конфискація военныхъ прибылей. Объявленіе тайныхъ договоровъ недѣйствительными и немедленное предложеніе

всѣмъ народамъ воюющихъ государствъ всеобщаго демократическаго мира. Въ качествѣ немедленныхъ мѣръ должны быть декретированы: прекращеніе всякихъ репрессій, направленныхъ противъ рабочаго класса и его организацій (понимай большевиковъ), немедленная отмѣна смертной казни на фронтѣ и возстановленіе полной свободы агитаціи и всѣхъ демократическихъ организацій въ арміи... и т. д.".

Въ томъ же засѣданіи Ц. И. К. уже и Данъ протестуетъ противъ „безотвѣтственности Врем. Правит." и заявляетъ, что власть не должна предпринимать никакихъ репрессивныхъ актовъ (въ сторону рабочихъ), не обсудивъ предварительно вопроса съ „нашей комиссіей борьбы съ контръ-революціей". И тутъ же Ц. И. К. принимаетъ резолюцію протеста противъ закрытія 2-хъ большевистскихъ *травившихъ офицерство* газетъ.

Возникаетъ и быстро развивается красная гвардія, и къ 5-му сентября въ Москвѣ уже выработанъ ея уставъ.

6-го сентября меньшевистско-эсъ-эровскій президіумъ Петербургскаго С. Р. и С. Д. *слагаетъ свои полномочія* и черезъ нѣсколько дней на мѣстѣ Гоца, Скобелева и Церетели появляются Бронштейнъ (Троцкій), Розенфельдъ (Каменевъ) и т. д.

Всюду происходитъ вакханалія самочинныхъ арестовъ, возникаютъ самочинные комитеты борьбы съ контръ-революціей, которые открыто отказываются подчиниться моему приказу о прекращеніи своей дѣятельности послѣ подавленія Корниловскаго мятежа. Такъ наз. „междурайонное Совѣщаніе" въ С.-ПБ. 6-го сентября постановляетъ: обсудивъ приказъ Керенскаго... революціонныхъ организацій по борьбѣ съ контръ-революціей не распускать и довести объ этомъ до свѣдѣнія Ц. И. К. С. Р. и С. Д., и Ц. И. К. со своей стороны раздѣлилъ точку зрѣнія междурайоннаго совѣщанія.

7-го сентября впервые въ Москвѣ, въ Совѣтѣ Р. и С. Д. проваливается резолюція меньшевиковъ, резолюція съ выраженіемъ довѣрія и поддержки Врем. Прав-ства при условіи невхожденія въ министерство представителей к.-д."... Совѣтъ принимаетъ *ту* большевистскую резолюцію, которая 1 сентября *еще не* прошла въ Петербургѣ.

Въ арміи и во флотѣ 30 августа возобновляются гнусныя

избіенія офицерства, и я долженъ былъ послать флоту слѣдующую телеграмму: „требую немедленнаго прекращенія отвратительныхъ насилій, чинимыхъ позабывшими свой долгъ и совѣсть командами, прикрывающими свои преступленія спасеніемъ родины и свободы, а въ дѣйствительности вносящихъ полный развалъ въ боевую готовность флота передъ лицомъ врага и поэтому являющихся *измѣнниками* родины. Позорныя контръ-революціонныя дѣйствія убійцъ и насильниковъ лягутъ несмываемымъ пятномъ на всѣ команды Балтійскаго флота. Жду немедленныхъ донесеній о полномъ возстановленіи порядка“. Положеніе командного состава дѣлается поистинѣ отчаяннымъ! Армейскія организаціи подъ давленіемъ разъяренной агитаторами солдатчины самовольно захватываютъ себѣ новыя права, и для того, чтобы хоть что-нибудь спасти, приходится многое изъ того, что съ такимъ напряженіемъ было возстановлено, снова выбрасывать за бортъ!

Въ умѣлыхъ рукахъ демагоговъ, почуявшихъ добычу, нелѣпая авантюра группы лицъ превращается въ „контръ-революціонный заговоръ властей противъ трудящихся массъ“. Болѣе чѣмъ неосторожное прикосновеніе къ Корниловщинѣ отдѣльныхъ видныхъ партійныхъ дѣятелей даетъ возможность объявить преступной и контръ-революціонной организаціей самую вліятельную либеральную партію; даетъ эту возможность тѣмъ самымъ людямъ, которые еще только въ іюлѣ такъ негодовали на попытки справа возложить отвѣтственность за 3—5 іюля на всю партію большевиковъ. Идеѣ общенаціональной власти *сознательно* наносился смертельный ударъ въ тотъ моментъ, когда замѣнить ее было *нечѣмъ*, кромѣ анархіи.

А въ это же время доведенные до бѣшенства неудачей явные и тайные корниловцы открываютъ безстыдную клеветническую компанію противъ меня, создавая легенду о великой провокаціи, которая въ ловкихъ рукахъ писателей изъ „Правды“ сама превращается въ сказку о моемъ соучастіи о томъ, что я корниловецъ! Начинается хаосъ! Сентябрь и октябрь—это мучительная агонія революціи, которой суждено было превратиться въ агонію Россіи... У насъ такъ скоро забываютъ вчерашній день. Для тѣхъ, кто искренно

его забылъ, я говорю: не проклинайте одну только демократію за гибель Родины, помните, что *безъ 27 августа не было бы 25 октября!*]

Предсѣдатель. Предполагавшееся объявленіе Петербурга на военномъ положеніи было вызвано стратегическими соображеніями и не было въ связи съ большевистскимъ выступленіемъ и организаціей твердой власти?

Керенскій. Если бы у меня было свободное время, то по старой привычкѣ большихъ судебныхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ я бы всю эту исторію возстановилъ по настоящему. Въ Ставкѣ, несомнѣнно, была какая-то группа лицъ, которая всѣ явленія, происходящія въ государствѣ, стремилась использовать всегда въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Такъ послѣ прорыва у Риги сейчасъ же я сталъ получать требованія о введеніи военнаго положенія, о передачѣ всѣхъ войскъ СПБ. Округа въ распоряженіе Главнокомандующаго.

Крохмаль. Требованія отъ кого?

Керенскій. Изъ Ставки отъ Корнилова. Вотъ тогда и началась для меня довольно трудная работа, потому что опять часть Врем. Прав. готова была пойти *на все*, что шло изъ Ставки. Я, съ одной стороны,—считаясь съ политическимъ положеніемъ вещей, а съ другой стороны, учитывая то, что фронтъ все приближается къ С.-ПБ. и всѣ мѣстности ближайшія къ Петербургу постепенно могутъ сдѣлаться тыломъ арміи, что до Протопоповскаго выдѣленія, которое послѣдовало 16 февраля 1917 г., т. е. за нѣсколько дней до революціи, окрестности Петербурга были въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, что только 7 мѣсяцевъ этого нѣтъ и что у меня нѣтъ мотива это выдѣленіе сохранять,—считаясь со всѣмъ этимъ, я поставилъ себѣ только *одну цѣль*—сохранить самостоятельность Правительства, цѣль, которую мотивировалъ во Врем. Прав. тѣмъ, что въ виду остраго политическаго положенія вещей невозможно Правительству отдавать себя совершенно въ распоряженіе — въ смыслѣ командованія вооруженными силами—Ставкѣ. Я предлагалъ: Петроградъ и его близкія окрестности во всякомъ случаѣ выдѣлить и оставить въ подчиненіи Правительству. На этомъ я категорически настаивалъ: Врем. Прав. передаетъ

Ставкѣ все, что нужно по стратегическимъ соображеніямъ, а С.-ПБ. какъ политическій центръ, пока здѣсь находится Врем. Прав., долженъ быть экстериторіаленъ, т. е. въ военномъ отношеніи *независимъ* отъ Ставки. Вотъ за принятіе этого плана я около недѣли велъ борьбу, и въ концѣ концовъ удалось привести къ единомыслію всѣхъ членовъ Времен. Прав. и получить формальное согласіе отъ Корнилова. Какъ выяснилось потомъ, Корниловъ думалъ, что эта отсрочка дней на 4, на 5, т. к. онъ условіе—„пока въ Петроградѣ Врем. Прав."—понялъ въ томъ смыслѣ, что Времен. Прав. чуть ли не на другой день по объявленіи новаго положенія уѣдетъ изъ Петрограда, хотя этого, конечно, никто не предполагалъ дѣлать, т. е. тогда почти не было приступлено къ подготовкѣ возможной эвакуаціи. Послѣ мнѣ сказалъ передъ самоубійствомъ ген. Крымовъ, что онъ ѣхалъ сюда въ качествѣ командующаго арміей съ приказомъ о введеніи осаднаго положенія и распредѣленія всего Петрог. на военныя комендатуры. Такъ что *во всякое время мы были бы тутъ скушаны.* И вотъ въ связи съ настроеніями Ставки и съ возможными осложненіями при новомъ положеніи вещей въ Петербургѣ съ выводомъ войскъ на позиціи, (который у насъ происходилъ не совсѣмъ гладко), затѣмъ въ связи съ возможными эксцессами при переѣздѣ правительственныхъ учрежденій въ Москву, и предполагалось имѣть опредѣленное количество вооруженной силы, *именно, въ распоряженіи* Врем. Правит. и никакимъ образомъ не въ подчиненіи Верховному Главнокомандующему (т. е., Главнокомандующему Сѣвернаго фронта или Верховному Главнокомандующему, все равно).

Предсѣдатель. Такъ что вообще, военное положеніе не должно было быть введено ввиду выдѣленія Петрограда?

Керенскій. Нѣтъ, оно должно было быть введено, но на особыхъ основаніяхъ *подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Врем. Прав.*, а не Верх. Главнок.

Щабловскій. Предполагалось ли разоруженіе Кронштадта и какими соображеніями это было вызвано? Вызывалось ли это стратегическими соображеніями?

Керенскій. Въ это время въ связи съ введеніемъ военнаго положенія въ С.-ПБ. никакого разговора не было. Это старая лѣтняя исторія.

Либеръ. 8 августа была подписана офиціальная бумага, слѣдовательно, въ связи съ этимъ?

Керенскій. Нѣтъ, это старая исторія. Въ Кронштадтѣ находятся весьма цѣнныя орудія, которыя намъ были нужны на другихъ позиціяхъ, а Кронштадтъ ихъ не выдавалъ. Я думаю, что здѣсь было не только революціонное увлеченіе, но и *сознательная германская работа*, потому что въ Кронштадтѣ много нѣмецкихъ агентовъ. Были требованія изъ Ставки съ самаго начала революціи особенно лѣтомъ о передачѣ этихъ орудій въ распоряженіе сѣвернаго фронта на вновь созданныя позиціи, но это встрѣчало рѣшительное сопротивленіе гарнизона Кронштадта, якобы потому, что это требованіе Ставки есть не что иное, какъ измѣна, что хотятъ обезоружить Кронштадтъ.

Крохмаль. По политическимъ соображеніямъ?

Керенскій. Не только по политическимъ, но и по измѣнническимъ стремленіямъ. Они, кронштадцы, довели дѣло до того, что соотвѣтствующая позиція и сейчасъ не достаточно вооружена и уже не можетъ быть вооружена въ ближайшемъ будущемъ. Было рѣшено, если не въ іюнѣ, то во всякомъ случаѣ, въ іюлѣ упразднить Кронштадскую крѣпость и сдѣлать изъ Кронштадта базу снабженія, мѣсто для разныхъ складовъ и т. д.

Шабловскій. Не считалась ли крѣпость въ военномъ отношеніи нулемъ и не болѣе ли существеннымъ считалось прибрежье?

Керенскій. Да, поэтому все это и предполагалось— вывозъ орудій и упраздненіе крѣпости. Это было вызвано соображеніями чисто военно-стратегическими.

Либеръ. А выводъ гарнизона Кронштадта?

Керенскій. Это было бы слѣдствіе упраздненія Кронштадта, какъ крѣпости. Если бы крѣпость была нужна и имѣла значеніе, какъ оборонительный пунктъ, то каковъ бы ни былъ гарнизонъ, Правительство изъ политическихъ соображеній не постановило бы разоружить и упразднить крѣпость—это нелѣпость? Съ выводомъ не оттуда тяжелой артилеріи это имѣло смыслъ. Вообще Кронштадтъ никакого военнаго стратегическаго значенія не имѣетъ.

[Вопросъ о Кронштадтѣ былъ вызванъ видимо слѣду-

ющимъ показанiемъ ген. Корнилова. Говоря о двухъ задачахъ, которыя долженъ былъ выполнить Крымовъ по прибытiи съ войсками въ С.-ПБ., ген. Корниловъ пишетъ, что по исполненiи первой задачи „ген. Крымовъ долженъ былъ выдѣлить одну бригаду съ артиллерiей въ Ораніенбаумъ и по прибытiи туда потребовать отъ Кронштадтскаго гарнизона разоруженiя крѣпости и перехода на материкъ. Согласiе Министра Председателя на разоруженiе крѣпости Кронштадта и выводъ его гарнизона послѣдовалъ 8 августа. „Не *я* давалъ согласiе“ на разоруженiе крѣпости, а *я*, какъ Морской министръ, возбудилъ этотъ вопросъ и получилъ согласiе Врем. Прав-ства на упраздненiе Кронштадской крѣпости, и *я* не давалъ согласiя на способъ ликвидацiи крѣпости, предположенный ген. Корниловымъ, который, кромѣ того, и никакихъ *задачъ* не могъ давать отряду, идущему въ распоряженiе Врем. Правительства... Нужно сказать, что сдача Риги нѣсколько отрезвила кронштадтцевъ и въ то время, какъ Корниловъ давалъ задачу Крымову, они уже „отдавали“ орудiя. По страшной иронiи судьбы еще въ февралѣ, когда гарнизонъ Кронштадта въ рѣшенiи Ставки вывезти оттуда тяжелую артиллерiю заподозрилъ измѣну—основанiемъ къ этому послужило находившаяся на бумагѣ изъ Ставки подпись съ нѣмецкой фамилiей капитана Альтфатера, нынѣ повидимому играющаго большую роль у господъ народныхъ комиссаровъ и бывшаго „экспертомъ“ въ Брестѣ. Легенда объ измѣнѣ въ Ставкѣ такъ укоренилась въ Кронштадтѣ, что каждая попытка вывезти артиллерiю вызывала тамъ прямо ярость толпы, ярость разжигаемую ловкими агитаторами.

Я долженъ вообще отмѣтить, какъ это ни покажется страннымъ, если не судить по страшнымъ результатамъ полугодовой дѣятельности революцiонныхъ организацiй матросовъ Балтiйскаго флота, я долженъ отмѣтить, что въ массѣ они весьма легко воспринимали всякiя нелѣпыя сказки и слухи объ измѣнѣ и искали ее всюду съ исключительнымъ рвенiемъ. Такъ въ Прибалтiйскомъ краѣ матросы въ своемъ усердiи при поискахъ измѣнниковъ среди мѣстныхъ бароновъ превзошли всѣ примѣры въ этомъ родѣ, оставленные практикой агентовъ старой власти.]

Либеръ. Ограниченіе работъ по укрѣпленію Финляндіи было предпринято съ вѣдома Корнилова и объ этомъ на Московскомъ Совѣщаніи было рѣшено?

Керенскій. Нѣтъ, это было гораздо раньше рѣшено.

Либеръ. Но съ вѣдома ли Корнилова? Было ли ему это извѣстно?

Керенскій. Нѣтъ. Это было рѣшено раньше до назначенія Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ. Это можно провѣрить по журналамъ Врем. Прав. Это было вызвано признаніемъ ненужности и нелѣпости этихъ мѣропріятій по укрѣпленію Финляндіи. Выяснилось, что это ни къ чему.

А это почему имѣетъ значеніе?

Либеръ. Потому, что Корниловъ въ своихъ показаніяхъ показалъ, что прекращеніе работъ въ Финляндіи является *опредѣленнымъ актомъ* со стороны Правительства, который теперь имѣетъ печальныя послѣдствія.

Керенскій. *Вотъ чепуха.*

[„Опредѣленнымъ актомъ".—Членъ Слѣдств. Комиссіи черезчуръ мягко передалъ мысль ген. Корнилова. „Ограниченіе работъ" по укрѣпленію Финляндіи служитъ у ген. Корнилова доказательствомъ того, что Врем. Прав. „дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планомъ германскаго генеральнаго штаба". Разсказъ о записочкѣ въ засѣданіи 3 августа это была, такъ сказать, подготовка къ бою. Финляндія—это уже обстрѣлъ изъ 48 дюймовыхъ орудій. Я не возмущаюсь, не негодую: годъ революціи слишкомъ глубоко вскрылъ изнанку человѣка. Хочу только сказать всѣмъ бывшимъ, настоящимъ и будущимъ клеветникамъ—для того, чтобы успѣшно клеветать, нужно знать то, о чемъ говоришь.

Ограниченіе работъ въ Финляндіи насколько, я помню, произошло ранней весной и во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ возникъ при А. И. Гучковѣ. Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи, кромѣ нужныхъ военныхъ оборонительныхъ сооруженій подъ видомъ работъ на оборону, производились работы очень выгодныя для тѣхъ, кто ими распоряжается, но не нужныя для защиты страны, безумно дорогія для казны, крайне вредныя политически, т. к. хищенія, грабежи и насилія надъ жителями, сопровождавшіе эти работы, были

лучше германофильской пропаганды Финляндіи. Производились лѣсныя вырубки на десятки квадратныхъ километровъ вокругъ Гельсингфорса и въ другихъ мѣстахъ. Безцѣльно и безсмысленно уничтожались цѣннѣйшіе лѣса и расхищалось народное богатство. Обязанностью Правительства было немедленно прекратить эту вакханалію и поставить точку въ дѣятельности мародеровъ тыла. Едва ли нужно говорить, что всѣ дѣйствительно нужныя работы для обороны работы не прекращались въ Финляндіи ни на минуту.

Вообще можно было бы назвать цѣлый рядъ работъ и предпріятій, которыя при старомъ режимѣ производились подъ флагомъ обороны, иногда просто для того, чтобы не обращаться за разрѣшеніемъ на расходы въ Государственную Думу. И ограниченіе работъ въ Финляндіи было только частью милліардныхъ сокращеній „военныхъ расходовъ", которые производились Правительствомъ и производились въ спѣшномъ порядкѣ главнымъ образомъ по требованію всѣхъ четырехъ министровъ финансовъ безъ различія ихъ партійной окраски: Терещенко, Шингарева, Некрасова и Бернадскаго. Но какое дѣло всѣмъ этимъ демагогамъ справа и слѣва до скучной дѣйствительности, когда такъ много простецовъ, готовыхъ повѣрить всякому вздору!"]

П р е д с ѣ д а т е л ь. Ожидалось ли ввиду предстоящаго введенія военнаго положенія какая-либо опозиція со стороны совѣта противъ этой мѣры и входило ли Правительство въ собесѣдованіе или въ совѣщаніе съ Ц. И. К. объ устраненіи возможнаго конфликта?

К е р е н с к і й. Нѣтъ, никакихъ переговоровъ не было. Это, вѣроятно, и Либеръ знаетъ, что по вопросу о введеніи военнаго положенія никакихъ переговоровъ я по крайней мѣрѣ не велъ и отъ моего имени никто не велъ. У насъ было достаточное количество совѣтскихъ представителей: Авксентьевъ, Черновъ, Скобелевъ. Никакого возраженія ни съ чьей стороны это не встрѣчало. Врем. Прав. хотѣло одного: гарантировать столицу и страну отъ неожиданностей и экспериментовъ.

Ш а б л о в с к і й. Такъ что 3-й корпусъ, который сюда двигался, долженъ былъ быть той военной силой, которая

должна была поступить не въ распоряженіе Верховн. Главнокомандующаго, а Времен. Правит. на всякій случай?

Керенскій. Да.

Шабловскій. Предполагалось ли употребить этотъ корпусъ на подавленіе безпорядковъ, если бы таковые возникли, или вопросъ объ этомъ не возбуждался во Врем. Прав-ствѣ?

Керенскій. Для чего понадобятся эти войска, опредѣленно не устанавливалось. Вообще на всякій случай. Для того, чтобы Правительство имѣло бы опору. Еще не извѣстно было, въ какую сторону надо будетъ ихъ употребить. Да я и не думалъ, что имъ придется пустить въ ходъ. Во всякомъ случаѣ, они никакого отношенія къ командующему фронтомъ или къ Верхов. Главнокомандующему *не должны* были имѣть.

Шабловскій. Не долженъ ли былъ этотъ корпусъ быть ячейкой для формаціи новой арміи на побережьѣ въ виду прорыва на Рижскомъ фронтѣ?

Керенскій. Это едва ли. Былъ старый споръ, образовать ли прибрежную армію. Это спеціальный военный вопросъ. Онъ былъ поднятъ еще при Гучковѣ, между Ставкой съ одной стороны и Гучковымъ съ Корниловымъ съ другой. Было много предположеній, какъ организовать Петроградскія войска на всякій случай, если имъ придется охранять не только „революцію", но и подступы къ Петрограду. Это былъ давнишній вопросъ.

Крохмаль. Мысль о вызовѣ этого 3-го Корпуса возникла только послѣ взятія Риги?

Керенскій. Да.

Крохмаль. У Васъ съ Савинковымъ не было ли какого-нибудь разговора относительно прямого назначенія этого Корпуса для возможнаго подавленія большевистскаго возстанія здѣсь и не извѣстно ли, въ какой формѣ Савинковъ говорилъ съ Корниловымъ по поводу вызова этого Корпуса?

Керенскій. Въ какой формѣ Савинковъ говорилъ съ Корниловымъ, сказать не могу, потому что, по газетнымъ сообщеніямъ, я вижу, что въ Ставкѣ говорилось многое то, о *чемъ здѣсь даже не упоминалось*, напримѣръ, я читалъ, что

тамъ происходили обсужденія возможнаго состава Врем. Правительства съ совершенно фантастическими именами, о чемъ мы здѣсь и представленія не имѣли. Но здѣсь во Врем. Пр-ствѣ вопросъ конкретно—вызывать для большевиковъ — въ такой формѣ не ставился. Вообще того значенія, которое въ Ставкѣ придавалось тогда, видимо, большевикамъ, здѣсь имъ не придавалось; это было между прочимъ. Въ то время вообще никакихъ особыхъ разговоровъ не было. Напримѣръ, одно время, когда думали, что мы будемъ переѣзжать въ Москву, предполагалось вызвать желѣзнодорожный баталіонъ, чтобы поднять работоспособность Николаевской жел. дороги. Это все такіе эпизоды, которымъ мы значенія не придавали. Я помню, что только, когда Савинковъ вернулся изъ Ставки, кажется, 25 августа, тогда впервые было мнѣ сказано, что идетъ именно 3-й Корпусъ. Я такъ говорю потому, что когда началась вся эта исторія, многіе, кто былъ ближе ко мнѣ, спрашивали: не помню ли я, какъ возникла эта исторія, почему третій корпусъ — и мы никто не могли вспомнить, какъ это началось, почему и что — настолько не фиксировано это у насъ было здѣсь.

[Вотъ какъ Савинковъ формулируетъ въ заявленіи отъ 12 сентября основанія вызова Коннаго Корпуса. „Конный Корпусъ былъ испрошенъ мною у Верх. Главнокомандующаго по требованію Министра-Предсѣдателя, для реальнаго осуществленія военнаго положенія въ Петроградѣ. Военное же положеніе въ Петроградѣ было вызвано стратегической необходимостью подчиненія Петроградскаго Военнаго Округа въ виду послѣднихъ событій на фронтѣ Верховному Главнокомандующему. Проектъ объявленія Петрограда на военномъ положеніи былъ одобренъ, насколько мнѣ извѣстно, Врем. Пр-ствомъ, въ числѣ членовъ котораго состоялъ и Черновъ. Само собой разумѣется, что этотъ Конный Корпусъ, поступивъ въ распоряженіе Временнаго Правительства, долженъ былъ бы его защищать отъ всякихъ посягательствъ, съ чьей бы стороны эти посягательства ни шли, какъ напримѣръ, Сводный отрядъ защищалъ Врем. Правительство въ началѣ іюля отъ посягательствъ большевиковъ". („Воля народа" отъ 12 сентября). Формулировка эта совершенно правильна. Весьма вѣроятно, что Савинковъ, предлагая

отъ моего имени ген. Корнилову командировать въ распоряженіе Врем. Пр-ства отряда войскъ, обосновывалъ это только опасностью слѣва. Да и что другое онъ могъ говорить генералу Корнилову!?.. Но что самъ Савинковъ достаточно былъ предусмотрителенъ и вправо, видно изъ слѣдующаго его показанія. „Я былъ удовлетворенъ (24 августа) заявленіемъ ген. Корнилова о готовности его всемѣрно поддерживать А. Ф. Керенскаго. Несмотря на это, общее настроеніе въ Ставкѣ показалось мнѣ напряженнымъ и поэтому, когда на обратномъ пути, въ вагонѣ Комиссара 8-й Арміи г. В. заговорилъ со мной о возможности заговорщическихъ попытокъ, со стороны Штаба-Ставки, я не удивился и на его предложеніе въ этомъ случаѣ немедленно предоставить въ распоряженіе Врем. Правительства всю 8-ю, хорошо ему извѣстную, Армію отвѣтилъ благодарностью и обѣщаніемъ въ случаѣ нужды послать ему телеграмму. Телеграмму эту я послалъ г. В. 27 августа, доложивъ предварительно объ этомъ моемъ разговорѣ А. Ф. Керенскому". Мнѣ же по пріѣздѣ изъ Ставки, 25 августа Савинковъ говорилъ, что въ первый день его тамъ пребыванія, отношеніе ген. Корнилова ко мнѣ было совсѣмъ „непримиримымъ", но что, въ концѣ концовъ на второй день ему, Савинкову, удалось это настроеніе переломить. Нужно сказать, что самъ Савинковъ въ заговорѣ все время подозрѣвалъ Штабъ Ставки, выдѣляя только самого Корнилова].

Керенскій. А что касается именно 3-го Корпуса, я помню, что, вернувшись изъ Ставки, Савинковъ сказалъ мнѣ, что *ему удалось отклонить сюда посылку Дикой Дивизіи и назначеніе Крымова*. Я не знаю, извѣстно ли Вамъ, что я какъ разъ въ это время подписалъ указъ о назначеніи Крымова Командующимъ ІІ-й Арміи. Это было сдѣлано для большаго успокоенія.

Крохмаль. Для чьего успокоенія?

Керенскій. *Для моего успокоенія:* я знаю, что Крымовъ— Командующій ІІ-й Арміей, и вопросъ конченъ. Оказывается, онъ все время сидѣлъ въ Ставкѣ и вырабатывалъ эту дислокацію войскъ „на случай возстанія большевиковъ" и затѣмъ вдругъ очутился здѣсь. Когда мнѣ сказали, что Крымовъ подъ Петербургомъ, я удивился—какъ здѣсь? Его я

спрашиваю:—„кто Вы такой?“—„Я—Командующій Особой Арміей“.—„Какой?“—„Которая назначена въ Петроградъ“.

Крохмаль. Но приказа о назначеніи его Командующимъ этой Арміей не было?

Керенскій. Нѣтъ. Тутъ во время моего разговора съ Крымовымъ былъ и мой помощникъ ген. Якубовичъ. Я спрашиваю его: „А Вы знаете?“.—„Нѣтъ, я ничего не знаю, и Военное Министерство ничего не знаетъ“.

Предсѣдатель. У насъ пробѣлъ о генералѣ Крымовѣ, т. к. онъ не былъ у насъ допрошенъ, поэтому комиссія проситъ сказать—были ли у Васъ какія-либо объясненія?

Керенскій. Я могу Вамъ всю сцену возстановить, потому что эта сцена у меня осталась въ памяти.

Предсѣдатель. Какія свѣдѣнія были до момента его появленія вообще о движеніи его корпуса?

Керенскій. Видите ли, мы послали къ нему въ Лугу офицера, который когда-то у него служилъ, для того, чтобы разъяснить ему обстановку. Это мы сдѣлали уже тогда, когда наши телеграммы о пріостановкѣ движенія оставались у него безъ исполненія. Миссія эта удалась. Съ этимъ офицеромъ (ген. Самаринымъ) ген. Крымовъ сюда пріѣхалъ. Когда мнѣ было доложено, что явился ген. Крымовъ, я вышелъ къ нему, просилъ его войти въ кабинетъ, и здѣсь у насъ былъ разговоръ. Насколько я помню, тутъ присутствовалъ еще ген. Якубовичъ, Тов. Военн. Министра. Въ началѣ ген. Крымовъ говорилъ, что они шли отнюдь не для какихъ-либо особыхъ цѣлей, что они были направлены сюда въ распоряженіе Врем. Правительства, что, по ихъ свѣдѣніямъ, они должны были оказать здѣсь Правительству содѣйствіе, что никто никогда не думалъ итти противъ Правительства, что какъ только выяснилась вся обстановка, то все недоразумѣніе разъяснилось и онъ остановилъ дальнѣйшее продвиженіе. Потомъ онъ добавилъ, что имѣетъ съ собою по этому поводу приказъ. Сначала этотъ приказъ онъ не показалъ мнѣ, а я никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе, не имѣлъ. Видимо, у него было нѣкоторое колебаніе и, наконецъ, онъ отдалъ мнѣ этотъ приказъ такого яркаго и опредѣленнаго содержанія.

Предсѣдатель. Вы изволили мнѣ его передать.

Керенскій Вы знаете его... Онъ написалъ очень ловко. Я прочелъ приказъ. Я зналъ Крымова и относился всегда съ очень большимъ уваженіемъ къ нему, какъ къ человѣку съ опредѣленно очень умѣренными движеніями, но очень честнаго и порядочнаго. Я всталъ и медленно сталъ подходить къ нему. Онъ тоже всталъ. Онъ увидѣлъ, что на меня приказъ произвелъ особенное впечатлѣніе. Онъ подошелъ сюда, къ этому столу; я приблизился къ нему вплотную и тихо сказалъ; „да, я вижу генералъ, Вы, дѣйствительно, *очень* умный человѣкъ. Благодарю Васъ". Крымовъ увидѣлъ, что для меня уже ясна его роль въ этомъ дѣлѣ. Сейчасъ же я Васъ (обращаясь къ Председателю) вызвалъ и передалъ Вамъ.

Предсѣдатель. Вы передали приказъ.

Керенскій. Послѣ этого, во время разговора Крымовъ мнѣ сказалъ, что онъ находился въ Ставкѣ, что они тамъ выработали дислокацію и положеніе о введеніи *осаднаго* положенія въ Петроградѣ, затѣмъ говорилъ о томъ, что предполагалось Петроградъ, по этому плану, раздѣлить на военныя комендатуры... Ему, думаю я, невыносимо было сознаніе, что онъ, Крымовъ, уклонился отъ истины: во-первыхъ, онъ не сказалъ откровенно о своей роли, а, во-вторыхъ, въ приказѣ п. 4-й начинается словами: „изъ Ставки мнѣ сообщили и по моимъ личнымъ свѣдѣніямъ, въ Петроградѣ происходятъ бунты и т. д."... Я его спросилъ, какія же основанія онъ имѣлъ отъ своего личнаго имени объявлять о бунтахъ. Онъ принужденъ былъ сослаться на неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда проѣзжавшаго офицера; вообще, онъ никакого объясненія этому не могъ дать. Тогда я разстался съ нимъ, т. е. отпустилъ его, не подавъ ему руки.

[Кажется, всего только черезъ часъ или два по выходѣ изъ моего кабинета ген. Крымовъ застрѣлился. Пусть никто не подумаетъ, что я пересталъ уважать его, отказывая ему въ рукопожатіи. О, совсѣмъ нѣтъ! Все поведеніе ген. Крымова во время свиданія со мной—эта спокойная рѣшимость послѣ минутныхъ колебаній, тутъ же лично передать мнѣ изобличающій его документъ (приказъ по корпусу), это благородное молчаніе о телеграммахъ ген. Корнилова отъ 27—29 августа, это мужественное исповѣданіе своей вѣры въ дикта-

туру—все это даетъ ген. Крымову неотъемлемое право на глубокое къ нему уваженіе его политическихъ враговъ. Все это такъ ярко характеризуетъ честную мужественную и сильную сущность этого человѣка. Но, я былъ оффиціальнѣйшимъ лицомъ въ оффиціальной обстановкѣ среди оффиціальныхъ лицъ; передо мной, и Министромъ-Предсѣдателемъ и Военнымъ Министромъ, стоялъ генералъ, государственный преступникъ, и я не могъ и не имѣлъ права поступить иначе...

Между прочимъ, ген. Крымовъ былъ одинъ изъ тѣхъ высшихъ офицеровъ русской арміи, кто въ зиму передъ революціей 27 февраля участвовалъ въ подготовлявшемся частью „цензовиковъ" переворотѣ для низверженія Николая II.

Исторія движенія 3 корпуса, во главѣ съ ген. Крымовымъ, на С.-Петербургъ имѣетъ огромное значеніе для разрѣшенія вопроса, было ли возстаніе ген. Корнилова „недоразумѣніемъ", порожденнымъ моей „провокаціей", какъ говорится въ корниловскомъ объявленіи къ „русскимъ людямъ", или это было обдуманнымъ заранѣе преступленіемъ. Привожу послѣдовательно разрѣшающіе этотъ вопросъ факты, не дѣлая пока изъ нихъ вывода.

23 августа пріѣзжаетъ въ Ставку Упр. Военн. Министерствомъ Савинковъ и передаетъ Верх. Главнокомандующему предложеніе Министра-Предсѣдателя направить въ распоряженіе Врем. Пр-ства отрядъ войскъ, при *непремѣнномъ* условіи, чтобы во главѣ отряда не было ген. Крымова, и чтобы съ отрядомъ не посылалась Туземная Кавказская Дивизія.

24 августа Савинковъ уѣзжаетъ изъ Ставки, получивъ отъ ген. Корнилова „согласіе" на посылку коннаго корпуса, при чемъ ген. Корниловъ обѣщалъ, по показанію Савинкова, *не* назначать командиромъ этого корпуса ген. Крымова и *замѣнить* туземную дивизію регулярной кавалерійской дивизіей". Но—1) ген. Крымовъ, только что назначенный Врем. Пр-ствомъ въ обычномъ порядкѣ, т.-е. по представленію того же Верховн. Главнокомандующаго, Командующимъ II-й арміи *оказывается въ Ставкѣ*, какъ „предназначенный" къ командованію Петербургской арміей, и какъ

разъ въ это время заканчиваетъ ознакомленіе не только съ „планомъ обороны“ С.-Петербурга отъ нѣмцевъ, но и съ планомъ занятія его самого; 2) не только конный корпусъ *остается* подъ командой ген. Крымова, но, насколько помню, именно 24 августа особымъ приказомъ Главковерха ему подчиняется и туземная дивизія; 3) туземная дивизія не только не замѣняется регулярной кавалеріей, но идетъ *головной частью* къ Петербургу и, наконецъ, 4) отрядъ идетъ не только *не* въ распоряженіе Врем. Пр-ства, но двигается для выполненія „двухъ задачъ“, спеціально данныхъ генералу Крымову ген. Корниловымъ.

25 августа Савинковъ возвращается въ Петербургъ и докладываетъ мнѣ „о согласіи“ ген. Корнилова, а въ это время къ Петербургу уже подтягиваются войска, но по существу не тѣ, которыя имѣли бы право двигаться къ Петербургу.

26 августа ген. Корниловъ подписываетъ приказъ о сформированіи Петербургской арміи, но приказъ этотъ, якобы по преждевременности, въ войска „не разсылается“ и Правительству не сообщается.

Почему же именно 26 августа? Да вѣдь нужно же было имѣть какое-нибудь основаніе для того, чтобы уѣзжавшему въ этотъ же день, въ догонку за своимъ отрядомъ, ген. Крымову передъ отъѣздомъ дать задачу: „Въ случаѣ полученія отъ меня (ген. Корнилова), или непосредственно, на мѣстѣ свѣдѣній о началѣ выступленій большевиковъ, немедленно двигаться съ корпусомъ на Петроградъ, *занять городъ*, обезоружить части Петроградскаго гарнизона, которыя примкнутъ къ движенію большевиковъ, обезоружить населеніе Петрограда и *разогнать Совѣты*. „Все это произошло до вечера 26 августа, т. е. *до* моей бесѣды съ В. Н. Львовымъ и до разговора моего по прямому проводу съ генер. Корниловымъ, когда и совершилась, якобы, „великая провокація“. 27 августа въ 2 ч. 40 м. утра ген. Корниловъ, не зная еще о своемъ смѣщеніи, посылаетъ Упр. Военн. Министерствомъ телеграмму, начинающуюся словами: „Корпусъ сосредоточится въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 27 августа“..., предоставляя Пр-ству думать, что это тотъ самый отрядъ, который *безъ* Крымова и туземной дивизіи

долженъ былъ притти въ распоряженіе Правительства. А именно къ 28 августа, никоимъ образомъ не позже, меня и Савинкова усиленно „ждутъ въ Ставкѣ". Не даромъ В. Н. Львовъ умолялъ меня не ѣздить туда. И каково было бы положеніе Временнаго Правительства, если бы оно, согласно той же телеграммѣ, объявивъ на 29 августа Петербургъ на военномъ положеніи, оказалось съ глазу на глазъ съ Крымовскимъ отрядомъ, имѣющимъ *особую* задачу. Не оказалось ли бы тогда само Пр-ство объявленнымъ дѣйствующимъ подъ вліяніемъ *большевистскаго* большинства Совѣтовъ, „какъ это вскорѣ (27 августа) и случилось".

Въ чемъ же мѣняется поведеніе Ставки *послѣ* вечера, 26 августа, послѣ разговора моего съ Корниловымъ по прямому проводу? Да *ровно ни въ чемъ*.

„Невыполненіе имъ (ген. Крымовымъ), возложенной на него задачи", объясняется ген. Корниловымъ только тѣмъ, что „съ нимъ была прервана связь и онъ не могъ получить послѣднихъ моихъ (ген. Корнилова) указаній. Особыхъ мѣръ для поддержанія съ нимъ связи не было принято потому, что корпусъ направлялся въ Петроградъ по требованію Врем. Пр-ства и я не могъ предвидѣть такого положенія дѣлъ, что связь его со Ставкой будетъ прервана приказомъ Правительства же", т. е., другими словами, ген. Корниловъ предполагалъ, что и послѣ предъявленныхъ черезъ В. Н. Львова требованій и „разговора" нашего по прямому проводу я буду пребывать въ спокойной увѣренности, что никакой связи между „предложеніями" изъ Ставки и приближеніемъ 3-го корпуса нѣтъ!

29 августа ген. Корниловъ приказываетъ ген. Крымову продолжать движеніе къ Петрограду и „въ случаѣ дальнѣйшаго перерыва связи, дѣйствовать сообразно съ обстановкой, *въ духѣ моихъ первоначальныхъ указаній*".

Но этотъ приказъ былъ уже не первымъ съ 27 августа. А утромъ 29 августа самъ ген. Крымовъ уже издаетъ свой приказъ № 128, который потомъ и вручаетъ мнѣ лично. Вотъ наиболѣе характерныя изъ него мѣста". 1) Объявляю копіи телеграммъ Министра-Предсѣдателя и Верх. Главнокомандующаго (приводится текстъ моего объявленія о смѣщеніи ген. Корнилова и причинахъ этого и текстъ заявленія

ген. Корнилова объ открытомъ его выступленіи противъ Временнаго Правительства.)... 3) получивъ телеграмму Министра Керенскаго, командировалъ къ Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ за полученіемъ приказаній. Ген. К-скій приказалъ передать..., что всѣ Главнокомандующіе признаютъ въ это тяжелое время, Верховнымъ Главнокомандующимъ лишь одного ген. Корнилова, всѣ распоряженія котораго дѣйствительны. А казаки (нужно помнить, что 3-й корпусъ казачій) давно постановили, что ген. Корниловъ *несмѣняемъ*, о чемъ и объявляю для *руководства.* 4) Сегодня ночью *изъ Ставки* Верховн. Главнокомандующаго и изъ Петрограда я получилъ сообщеніе о томъ, что въ Петроградѣ *начались бунты.* Голодъ увеличивается еще и отъ того, что обезумѣвшіе отъ страха люди при видѣ двигающихся къ Петрограду своихъ же войскъ разрушили жел. дор. и тѣмъ прекратили подвозъ продовольствія къ столицѣ. И какихъ же войскъ испугались? Тѣхъ, которые присягали на вѣрность новому строю, тѣхъ, которые на Московскомъ Совѣщаніи громко заявили, что лучшимъ правленіемъ для Россіи они считаютъ республиканскій образъ правленія“ и т. д.

Едва ли этотъ приказъ нуждается въ какихъ-либо объясненіяхъ! Я думаю, всякій теперь пойметъ, почему не сразу передалъ мнѣ приказъ свой ген. Крымовъ. И не вспоминается ли, въ частности, при прочтеніи этого приказа и Калединское выступленіе на Московскомъ Совѣщаніи и шумная кампанія „за несмѣняемость“ ген. Корнилова, о которой я уже говорилъ выше, и многое, многое другое.

Насколько предусмотрѣно было движеніе ген. Крымова къ Петрограду и какія серьезныя надежды возлагались на него, видно изъ того, что въ Ставкѣ до конца не могли примириться съ дѣйствительностью. Еще 1 сентября ген. Лукомскій говорилъ по аппарату юза ген. Алексѣеву, находившемуся уже въ пути къ Могилеву, въ Витебскѣ.—

„Для полученія мною вполнѣ опредѣленнаго отвѣта отъ ген. Корнилова было бы крайне желательно полученіе отъ Васъ освѣщенія вопроса, что дѣлается съ Крымовымъ“.

Да и самъ Корниловъ признаетъ, что лишь „узнавъ изъ разговора по прямому телеграфному проводу о смерти ген. Крымова, я принялъ мѣры для безкровной и безболѣз-

ненной для страны и арміи ликвидаціи столкновенія моего съ Министромъ-Предсѣдателемъ Керенскимъ".

Таковы факты! Да позволено будетъ мнѣ подчеркнуть только одно. Предложеніе мое, какъ Министра-Предсѣдателя, прислать въ распоряженіе Врем. Пр-ства на опредѣленныхъ условіяхъ отрядъ войскъ—Верховн. Главнокомандующимъ *выполнено не было,* а слѣдовательно и походъ Крымовскаго отряда „соглашеніемъ" съ Правительствомъ объяснить не возможно. А тогда возникаетъ неотвязный вопросъ, почему же еще *до вечера* 26 августа двигались эти войска къ С.-Петербургу.]

Крохмаль. Вопросъ о вызовѣ сюда дополнительныхъ войскъ проходилъ черезъ Временное Пр-ство или черезъ частное Совѣщаніе части Врем. Пр-ства?

Керенскій. Я думаю, что это было въ порядкѣ переговоровъ. Обыкновенно во время засѣданія Врем. Пр-ства бываютъ вопросы ко мнѣ Министровъ—каково общее положеніе, достаточно ли силъ, на которыя Пр-ство можетъ разсчитывать, какія взаимоотношенія и настроенія той или другой части войскъ и т. д.

Крохмаль. Не въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ?

Керенскій. У насъ бываютъ разныя засѣданія—дѣловыя, политическія, частныя. Я всегда стараюсь представлять Врем. Пр-ству, насколько возможно, общій очеркъ политическаго положенія, чтобы оно всегда было въ курсѣ. Тогда возникъ вопросъ о необходимости въ такое трудное время въ достаточной мѣрѣ обезпечить Пр-ство силой для поддержанія порядка. Я помню, что тутъ въ прибавку ко всему остальному возникъ еще большой вопросъ о потокѣ бѣженцевъ изъ Балтики. Я, между прочимъ, помню Ваше (Шабловскаго) сообщеніе по этому поводу въ связи съ положеніемъ вещей на Прибалтійскихъ ж. д.; я тогда же докладывалъ объ этомъ Врем. Пр-ству. Шла большая агитація въ войскахъ на путяхъ отступленія къ Петрограду. Вообще, настроеніе было напряженное и если еще къ этому прибавить неизбѣжность ожидавшагося мною рано или поздно конфликта со Ставкой, то придется, я думаю, признать, что обстановка была достаточно серьезна для того, чтобы нѣсколько безпокоиться о положеніи Петербурга!

Крохмаль. Когда и въ какомъ составѣ Врем. Пр-ства обсуждался этотъ вопросъ о вызовѣ, Вы не помните?

Керенскій. Нѣтъ. Я думаю, даже навѣрное могу сказать, что о томъ, чтобы вызвать опредѣленно 3-й корпусъ или 5-й или 12-й, вообще разговоровъ не было. Просто спросили, достаточно ли Вы обезпечены, а Военн. Министръ (или Министръ Вн. Дѣлъ) отвѣтилъ—мѣры принимаются, или обезпеченіе будетъ достаточно.

Крохмаль. Въ составѣ Врем. Пр-ства поднимался вопросъ о необходимости вызова войскъ въ связи съ возможнымъ или ожидавшимся опредѣленно выступленіемъ большевиковъ. Вы не помните?

Керенскій. Нѣтъ, не помню.

Крохмаль. Савинковъ Вамъ не говорилъ?

Керенскій. Можетъ быть, такіе разговоры и были.

Крохмаль. Но чтобы это было опредѣленно связано съ вызовомъ войскъ, этого не было?

Керенскій. Чтобы на этомъ было сосредоточено все вниманіе, чтобы ожидался взрывъ большевиковъ — нѣтъ. *У насъ, у меня лично вниманіе было сосредоточено въ другую сторону.* Вы помните, какъ разъ все это время происходили аресты Великихъ Князей и рядъ другихъ обысковъ. Послѣ Московскаго Совѣщанія для меня было ясно, что ближайшая попытка удара будетъ справа, а не слѣва.

Предсѣдатель. Савинковъ ѣздилъ въ Ставку съ вѣдома и по порученію Пр-ства или самъ по себѣ?

Керенскій. И то и другое. Видите, онъ назначилъ въ Ставкѣ, я даже не зналъ (или забылъ) объ этомъ, на 24 августа Совѣщаніе всѣхъ Комиссаровъ для обсужденія проектовъ реформъ и въ то же время нужно было выяснить и разрѣшить рядъ срочныхъ вопросовъ—(о Союзѣ Офицеровъ, о посылкѣ отряда войскъ и т. д.), а т. к. шелъ вопросъ и о военномъ положеній, съ выдѣленіемъ территоріи Петербурга, то я просилъ Барановскаго поѣхать вмѣстѣ, чтобы и военная сторона вопроса была обставлена лучше.

[Я помню, какъ въ этомъ самомъ кабинетѣ собрались Савинковъ, 2 моихъ товарища,—Якубовичъ и Тумановъ, Барановскій.—Мы какъ разъ здѣсь опредѣляли территорію, которая должна была быть изъята изъ подчиненія Главко-

верха, послѣ передачи С.-Петербургскаго округа Ставкѣ. Тутъ же было рѣшено, что въ Ставку поѣдетъ и Барановскій].

Предсѣдатель. Доложено ли Вамъ было, извѣстно ли Вамъ было, что Савинковъ беретъ съ собой Миронова и для чего онъ это дѣлаетъ?

Керенскій. Нѣтъ, про Миронова я не знаю. Я помню, какъ разъ на другой день послѣ ихъ отъѣзда, мнѣ Мироновъ понадобился для установленія наблюденія за новымъ лицомъ. Я вызвалъ Миронова. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ съ Савинковымъ въ Ставку.

[Н. Д. Мироновъ былъ въ то время Начальникомъ контръ-развѣдки при Штабѣ С.-Петербургскаго военнаго округа. Пріѣздъ его въ Ставку вмѣстѣ съ Савинковымъ вызвалъ тамъ цѣлый переполохъ и страшное раздраженіе. „Такъ и доложите, говорилъ возбужденно Корниловъ Савинкову, Керенскій хочетъ арестовать достойнаго офицера... Съ Вами онъ посылаетъ профессора санскритскаго языка Миронова! Я знаю, чѣмъ Мироновъ занимается—политическимъ розыскомъ, онъ пріѣхалъ сюда слѣдить“... „Мироновъ пріѣхалъ со мной, возражалъ Савинковъ, съ моего разрѣшенія. Керенскій не зналъ даже, что онъ ѣдетъ со мной“... „Все равно. Предупреждаю: я велю текинцамъ его *разстрѣлять*, если онъ посмѣетъ здѣсь арестовать кого-либо“.— „Онъ никого не можетъ арестовать безъ моего приказанія“... Вотъ красочный отрывокъ изъ разговора Савинкова съ Корниловымъ 24 августа. М. б. переполохъ въ Ставкѣ по поводу пріѣзда Миронова и станетъ понятнымъ, если вспомнить, что Савинковъ долженъ былъ въ эту свою поѣздку принять серьезныя мѣры по отношенію къ Гл. Ком. Союза Оф. и политическому Отдѣлу при Ставкѣ въ связи со свѣдѣніями о заговорѣ].

Предсѣдатель. Какой докладъ представилъ Вамъ Савинковъ о своей поѣздкѣ?

Керенскій. Не особенно подробный. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что въ первый день (23 авг.) было со стороны Корнилова отношеніе ко мнѣ крайне *возбужденное*, *непримиримое*, что ему путемъ длительныхъ переговоровъ удалось смягчить это настроеніе и что когда онъ уѣзжалъ, то къ

нему пріѣхалъ, не помню, самъ ли Корниловъ или кто-то отъ него, чтобы передать, что Корниловъ желаетъ работать со мной и мнѣ преданъ.

Въ это же время вернувшійся Барановскій говорилъ мнѣ, какъ я уже упоминалъ, что атмосфера въ Ставкѣ невыносимая, что тамъ „Вашего имени даже и произносить невозможно“, а работа „*почти не идетъ*“, т. к. всѣ за всѣми столами всюду ведутъ только политическіе разговоры.

[Нужно сказать, что одной изъ совершенно неожиданныхъ для меня сторонъ въ поведеніи Корнилова было то, что съ момента его назначенія Верх. Главнок., собственно говоря, вопросы *военные, стратегическіе, фронтовые, совершенно* Ставку не интересовали. И то, что обыкновенно было прежде всего въ разговорахъ моихъ съ Алексѣевымъ, Брусиловымъ, тутъ было на второмъ планѣ. Помню, какъ я иногда говорилъ, что меня удивляетъ, какъ это возможно такая гипертрофія политики тамъ, гдѣ ея не должно быть вовсе].

Предсѣдатель. Предупреждалъ ли Васъ Савинковъ, г. Министръ, что имъ предположено объявленіе Петрограда на военномъ положеніи поставить въ зависимость отъ приближенія 3-го корп. къ Петрограду?

Керенскій. Такъ было, но я говорилъ, что *никакого для меня значенія приближеніе корпуса не имѣетъ*, что я нахожу это ожиданіе совершенно лишнимъ, что эта мѣра необходима въ виду измѣнившейся обстановки и что объявленіе военнаго положенія возможно, не ожидая никакого прихода. Такимъ образомъ, я мнѣніе Савинкова оспаривалъ. Въ Пр-ствѣ этотъ частный вопросъ не обсуждался.

Предсѣдатель. Только доложилъ Вамъ.

Керенскій. Насколько помню, Пр-ству доклада не дѣлалось по этому вопросу, [а только объ общихъ результатахъ поѣздки].

Предсѣдатель. Не предполагалась ли посылка Терещенко тогда въ Ставку, чѣмъ эта посылка вызывалась?

Керенскій. Собственно когда, какая посылка?

Предсѣдатель. А вотъ сейчасъ же послѣ возвращенія Савинкова. Чѣмъ это было вызвано?

Керенскій. Онъ въ іюлѣ ѣздилъ. Привезъ свѣдѣнія, что Филоненко ведетъ интригу противъ Лукомскаго.

Либеръ. А передъ Львовымъ?

Керенскій. Ахъ, да. Онъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ и, можетъ быть, хотѣлъ говорить лично о создавшемся положеніи. Кажется, въ это время долженъ былъ туда ѣхать Маклаковъ, который предполагался посломъ въ Парижъ.

Предсѣдатель. Такъ что это стояло внѣ всякой связи съ посылкой Савинкова?

Керенскій. Мнѣ кажется! это такая мелочь! Тогда я не этимъ былъ занятъ. (Теперь могу сказать—никакой связи съ поѣздкой Савинкова не было).

Раупахъ. Извиняюсь, на минуту задержу. Барановскій, когда ѣздилъ съ Савинковымъ, имѣя самостоятельную задачу или нѣтъ?

Керенскій. Онъ ѣздилъ, какъ Начальникъ Военнаго Кабинета, главнымъ образомъ для выясненія военной стороны вопроса о выдѣленіи СПБ. и присутствовалъ только на засѣданіи по этому вопросу.

Раупахъ. И значитъ онъ долженъ былъ настаивать на выдѣленіи!

Керенскій. Всѣ военные и на упомянутомъ совѣщаніи у меня,—Якубовичъ, кн. Тумановъ, всегда были противъ выдѣленія СПБ. Но я хотѣлъ просто, по своимъ соображеніямъ развить передъ Корниловымъ военную точку зрѣнія и, т. к. тутъ они были всѣ болѣе или менѣе солидарны, то и поѣхалъ туда Барановскій съ тѣмъ, чтобы въ Ставкѣ присутствовать и проводить мою точку зрѣнія.

Шабловскій. Когда у Васъ, г. Министръ, была впервые бесѣда съ Львовымъ по вопросу о преобразованіи и усиленіи власти, по чьей иниціативѣ возникъ этотъ разговоръ, какія конкретныя предложенія исходили отъ Львова?

Керенскій. Такой бесѣды у меня съ нимъ не было.

Шабловскій. Какія конкретныя предложенія онъ дѣлалъ?

Керенскій. Въ числѣ безконечнаго ряда лицъ, приходящихъ ко мнѣ съ разнаго рода разговорами, серьезными предложеніями и „прожектами", полезными совѣтами и болтовней, (потому что каждый считаетъ причиной всѣхъ несчастій то, что я именно его не выслушалъ), пришелъ и Львовъ. Онъ не столько говорилъ о своихъ прожектахъ, о

перемѣнѣ состава Вр. Правит-ства а, сколько о томъ, что „моя пѣсенка спѣта“, что я не имѣю никакой опоры нигдѣ потому, что съ одной стороны меня теперь „ненавидитъ правая часть“, а съ другой стороны большой рѣшительностью въ примѣненіи репрессій и борьбой съ большевиками я „подорвалъ“ и свое положеніе въ демократіи, что я и мое Вр. Правит. „безъ почвы“, что нужно такую опору найти, что онъ въ этомъ можетъ помочь, что нужно измѣнить составъ кабинета, внести туда элементы болѣе правые, чѣмъ к.-д. Т. к. это было въ скоромъ времени послѣ Московскаго Совѣщанія, то я считалъ естественнымъ, что человѣкъ приходитъ и высказываетъ подобныя мысли. Я ему отвѣчалъ общими мѣстами,—что я являюсь убѣжденнымъ сторонникомъ коалиціи и т. д. Теперь я не помню подробностей этого разговора, но суть его, повторяю, была, главнымъ образомъ, въ стремленіи В. Львова показать, что я „безъ опоры“, а у него есть кто-то или что-то за спиной. Онъ все время говорилъ: „мы то, мы другое“. Я спрашиваю:—кто такой „мы“, кто у Васъ есть; что Вы можете дать; отъ какой группы Вы говорите. Онъ на такіе вопросы отвѣчалъ: „я не имѣю права Вамъ этого сказать, я только уполномоченъ спросить Васъ: желаете ли Вы разговаривать“. Изъ словъ его вытекало, что онъ является по порученію *какой-то группы*. Да, это было несомнѣнно! Онъ неоднократно говорилъ, что онъ откуда-то только что пріѣхалъ и сегодня же долженъ туда же уѣхать и что, „уѣзжая, я долженъ знать Ваше мнѣніе“. Подчеркивалъ онъ: „мнѣ поручено спросить, угодно Вамъ или неугодно ввести новые элементы во Вр. Правит. и по этому поводу вести бесѣду?“ На это я возражалъ, что „прежде чѣмъ дать отвѣтъ, я долженъ знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло, какая такая группа и чего они хотятъ“.—„Общественные дѣятели“.—„Ну, общественные дѣятели бываютъ разные“, замѣтилъ я и т. д. Въ концѣ-концовъ я говорю: „ну, что же, если я ни на кого не опираюсь, то Вы-то что можете предложить, какую реальную силу. Я представляю Вашъ кругъ, знаю, кто эти „общественные дѣятели“. Тутъ онъ сталъ намекать, что я ошибаюсь, что „они“ имѣютъ *достаточную реальную силу*, съ оторой *необходимо* считаться. Вотъ приблизительно такой

былъ разговоръ, конечно, я никакихъ порученій, никакихъ полномочій не давалъ. Онъ, кажется, признался, что „превысилъ“ свои права, говоря въ Ставкѣ отъ моего имени. Разумѣется, я ему этого не говорилъ, я сказалъ: „прежде чѣмъ я могъ бы что-либо отвѣтить, Вы мнѣ скажите, съ кѣмъ я имѣю дѣло?“

Шабловскій. И онъ говорилъ, что не имѣетъ права пока сказать?

Керенскій. Да. Это меня и заинтересовало. На фонѣ цѣлаго клубка разныхъ свѣдѣній, имѣющихся у меня, и ранѣе намѣчавшихся линій поведенія разныхъ группъ, меня заинтересовала такого рода *тайна*. Вообще, я Львова давно знаю. Я видѣлъ, что онъ зашелъ *не* попросту поболтать. Онъ говорилъ, что хорошо ко мнѣ относится, что заинтересованъ мной лично, (что не хочетъ моей гибели и т. д.).

Шабловскій. Т. к. онъ не называлъ, отъ кого именно онъ явился, то не предложили Вы ему, что, если онъ не имѣетъ права назвать, получить это право высказаться яснѣе?

Керенскій. Я не сказалъ „право“, я сказалъ: „прежде чѣмъ сказать свое мнѣніе, я долженъ знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло, кто говоритъ, что говоритъ, отъ чьего имени Вы говорите?“

Шабловскій. Какъ же онъ кончилъ свой разговоръ?

Керенскій. Онъ не кончилъ. Онъ спросилъ: „значитъ, Вы будете разговаривать, если я это скажу“. Я говорю „скажите болѣе опредѣленно, что и почему Вы хотите отъ меня знать“. Онъ простился и ушелъ. Больше ничего не было. [А слово „Ставка“ даже не упоминалось.]

Шабловскій. Послѣ этой бесѣды ждали Вы, что онъ явится съ чѣмъ-то болѣе опредѣленнымъ и выскажется яснѣе, или Вы считали разговоръ съ нимъ оконченнымъ?

Керенскій. Я считалъ, что дѣло на этомъ и кончится и, вообще, никакого значенія этому не придавалъ. Но нѣкоторыя подробности и скорѣе *тонъ* Львова нѣсколько меня заинтересовалъ. Я думалъ, что слова В. Львова относились къ той Родзянской группѣ, къ группѣ „бывшихъ людей“, которая тогда засѣла въ Москвѣ. Вообще, вѣдь это было

время разныхъ разговоровъ, переговоровъ, досужихъ комбинацій! Еще въ іюнѣ—іюлѣ изрѣдка кой-какіе господа ко мнѣ заявлялись съ разными предложеніями организаціи власти. Мнѣ даже были прямыя предложенія диктатуры. Эти послѣднія мнѣ нѣсколько облегчали наблюденіе за окружающими Корнилова, потому что *я видѣлъ тамъ тѣхъ же*, кто раньше пытался ко мнѣ захаживать.

Шабловскій. А Львовъ предлагалъ только ввести эти правые элементы, на которые можно опираться, или онъ предлагалъ усиленіе власти путемъ привлеченія болѣе широкихъ массъ въ составъ Правительства, или предлагалъ какую-нибудь реальную силу въ смыслѣ усиленія власти?

Керенскій. Когда онъ былъ въ первый разъ, разговоръ былъ именно о введеніи новыхъ элементовъ, которые бы расширили базу Вр. Правительства. А когда я говорилъ ему: „кто же можетъ усилить базу, ну, будетъ двумя, тремя министрами больше". Тогда онъ, нѣсколько улыбаясь, отвѣчалъ: „ну, Вы можете ошибиться, *силы у насъ есть*".—„Какія же силы?" — „Вы не знаете, но силы у насъ есть". Вотъ это-то меня и заинтересовало. Мнѣ показалось, что Львовъ не отъ себя болтаетъ и что-то знаетъ.

Шабловскій. Вы, г. Министръ, говорили Вашимъ товарищамъ Зарудному и Некрасову или кому-нибудь другому объ этихъ предложеніяхъ, которыя были сдѣланы Львовымъ въ томъ духѣ, что вотъ заманчивое предложеніе преподнесъ Львовъ и не давали Вы кому-нибудь порученіе выяснить, на что опирается Львовъ, откуда у него это предложеніе исходитъ?

Керенскій. Не помню. [Нѣтъ, навѣрное, порученій не давалъ никому.]

Шабловскій. Въ смыслѣ освѣдомленія о томъ фактѣ, который имѣлъ мѣсто?

Керенскій. Не могу Вамъ сказать. Я скорѣе предполагаю, что я кому-нибудь просто, между прочимъ, сказалъ, что, молъ, былъ Львовъ съ разговорами. Но точно сказать сейчасъ не могу, потому что серьезнаго значенія я этому посѣщенію никакого не придавалъ. Нужно сказать, что во второй пріѣздъ (26-го Августа) онъ совершенно измѣнилъ манеру. Онъ очень меня добивался. Помню, у меня не было

ни времени, ни охоты съ нимъ видѣться, тѣмъ болѣе, что онъ ушелъ озлобленнымъ изъ состава Вр. Правит. Онъ, кажется, Терещенко рѣзко сказалъ обо мнѣ въ связи со своимъ уходомъ: Kerensky — c'est mon ennemi mortel! Когда онъ пришелъ второй разъ, я встрѣтилъ его словами: „Вы, значитъ, опять по этому дѣлу о пополненіи Вр. Правит. пришли разговаривать“. [Не ручаюсь за слова, но смыслъ былъ таковъ.] Но онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, теперь все по другому, обстановка совершенно измѣнилась“. Въ этотъ разъ онъ уже не говорилъ вовсе о томъ, что надо ввести во Вр. Правит. новые элементы, что надо расширить базу. Онъ съ мѣста въ карьеръ сказалъ, что пріѣхалъ меня предупредить, что мое положеніе крайне рискованно, что *я обреченъ*, что въ ближайшемъ будущемъ будетъ большевистское возстаніе и Правительству не будетъ оказано никакой поддержки и за мою жизнь никто не ручается и т. д. Когда же онъ увидѣлъ, что ничего не дѣйствуетъ и что я отшучиваюсь—„что суждено, то суждено“ и т. п.,—тогда онъ сразу оборвалъ разговоръ; потомъ, видимо, очень волнуясь, сказалъ: „я долженъ Вамъ передать формальное предложеніе“. — „Отъ кого?“ — „Отъ Корнилова“. Когда онъ излагалъ всѣ эти нелѣпости, мнѣ казалось, что или онъ сумасшедшій, или что-то случилось очень серьезное! Насколько я былъ взволнованъ, это могутъ подтвердить всѣ меня окружающіе. Когда я Львова выпустилъ изъ кабинета, сейчасъ же вошелъ В. В. Вырубовъ. Я показалъ ему написанный только что документъ и говорю: „Вотъ до чего мы дожили, что дѣлается!“

[Я считаю нужнымъ, извиняюсь за нѣкоторыя неизбѣжныя повторенія, насколько могу, точно воспроизвести всѣ событія вечера 26-го Августа. Вѣдь допросъ шелъ по отдѣльнымъ эпизодамъ событія, общее содержаніе котораго Слѣдственной Комиссіи уже было достаточно извѣстно, но которое можетъ ускользнуть у читающаго мое показаніе. А между тѣмъ вечеръ 26-го Августа — моментъ исключительной важности, т. к. благодаря пріѣзду Львова, удалось „взорвать приготовленную мину, по правильному выраженію Н. В. Некрасова, на два дня раньше срока“ (28-го Августа). И, именно, поэтому, по поводу событій этого вечера ген. Корниловъ заявилъ о „великой провокаціи“, а корни-

ловцы повели противъ меня и части Вр. Правит. ожесточенный походъ.

Итакъ, въ 6-мъ часу дня 26 Августа въ мой оффиціальный кабинетъ вошелъ В. Н. Львовъ и послѣ довольно долгихъ разговоровъ о моей обреченности, о его желаніи спасти меня и т. д., на словахъ изложилъ приблизительно слѣдующее.—Ген. Корниловъ черезъ него, Львова, заявляетъ мнѣ, Керенскому, что никакой помощи Правительству въ борьбѣ съ большевиками оказано не будетъ; что, въ частности, Корниловъ, не отвѣчаетъ за мою жизнь нигдѣ, кромѣ, какъ въ Ставкѣ; что дальнѣйшее пребываніе у власти Вр. Правит. недопустимо; что ген. Корниловъ предлагаетъ мнѣ сегодня же побудить Вр. Правит. вручить всю полноту власти Главковерху, а до сформированія имъ новаго кабинета Министровъ, передать текущее управленіе дѣлами Товарищамъ Министровъ, объявить военное положеніе по всей Россіи; лично же мнѣ съ Савинковымъ въ эту же ночь выѣхать въ Ставку, гдѣ намъ предназначены министерскіе посты: Савинкову—военное, а мнѣ—юстиціи. При чемъ В. Н. Львовъ оговорилъ, что послѣднее (т. е. отъѣздъ въ Ставку и т. д.) сообщается только для моего свѣдѣнія и оглашенію въ засѣданіи Вр. Прав. *не* подлежитъ.

Такое заявленіе было совершенно неожиданно для меня вообще, а въ устахъ В. Н. Львова въ особенности потому, что ни въ какихъ сообщеніяхъ и свѣдѣніяхъ, накопившихся у меня о заговорѣ, его имя никогда не упоминалось. Сначала я расхохотался — „бросьте, говорю, шутить В. Н.“— „Какія тутъ шутки, положеніе чрезвычайно серьезно“, возразилъ Львовъ и крайне взволнованно, несомнѣнно искренно, сталъ убѣждать меня спасти свою жизнь, а для этого „путь только одинъ—исполнить требованіе Корнилова“. Онъ самъ на себя похожъ не былъ. Я бѣгалъ взадъ и впередъ по огромному кабинету, стараясь разобраться, почувствовать въ чемъ дѣло, почему Львовъ и т. д. Вспомнилъ его заявленіе въ первый пріѣздъ о „реальной силѣ“, сопоставилъ съ настроеніями противъ меня въ Ставкѣ и со всѣми свѣдѣніями о назрѣвшей заговорческой попыткой, несомнѣнно со Ставкой связанной, и какъ только прошло первое изумленіе, скорѣе даже потрясеніе, я рѣшилъ еще

разъ испытать и провѣрить Львова, а затѣмъ дѣйствовать. Дѣйствовать немедленно и рѣшительно! Голова уже работала, ни минуты не было колебаній, какъ дѣйствовать. Я не столько сознавалъ, сколько чувствовалъ всю исключительную серьезность положенія, если... если слова Львова хоть въ чемъ-нибудь соотвѣтствуютъ дѣйствительности...

Успокоившись, я сознательно сдѣлалъ видъ, что пересталъ сомнѣваться и колебаться и лично рѣшилъ подчиниться. Я сталъ объяснять Львову, что я не въ состояніи буду сдѣлать во Вр. Прав. совершенно голословное заявленіе. Онъ успокаивалъ меня, утверждая, что въ его словахъ только правда... Въ концѣ-концовъ я предложилъ Львову письменно изложить Корниловскіе пункты. Та готовность, та увѣренность и быстрота, съ которой согласился и написалъ Львовъ „предложеніе Корнилова", дали мнѣ *полную увѣренность* въ томъ, что Львовъ не только знаетъ, но и не сомнѣвается въ осуществимости задуманнаго.

Вотъ текстъ записки В. Львова: 1) „Ген. Корниловъ предлагаетъ объявить Петроградъ на военномъ положеніи.

2) *Передать всю власть военную и гражданскую въ руки Верх. Главнокомандующаго.*

3) Отставка всѣхъ министровъ, не исключая и Министра Предсѣдателя, и передача временно управленія министерствами Товарищамъ Министровъ впредь до образованія Кабинета Верх. Главнокомандующимъ. В. Львовъ. Петроградъ. Августа 26-го дня 1917 г.

Какъ только онъ сталъ писать, исчезли у меня послѣднія сомнѣнія! Было только одно желаніе, одно стремленіе пресѣчь безуміе въ самомъ началѣ, не давая ему разгорѣться, предупреждая возможное выступленіе сочувствующихъ въ самомъ Петроградѣ. Все предыдущее—дѣятельность разныхъ союзовъ, хлопоты вокругъ Московскаго Совѣщанія, печать, донесенія о заговорахъ, поведеніе отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей, ультимативная компанія Ставки, посѣщенія князя Г. Е. Львова Аладьинымъ, недавняя телеграмма Корнилова, поддерживающая желѣзнодорожниковъ въ ихъ *невѣроятныхъ* требованіяхъ, настаиваніе на передачѣ Ставкѣ Петербургскихъ войскъ—все, все освѣтилось сразу такимъ яркимъ свѣтомъ, слилось въ одну

такую цѣльную картину. *Двойная игра сдѣлалась очевидной.* Конечно, тогда я бы не могъ все доказать по пунктамъ, но сознавалъ я все это съ поразительной ясностью. Мгновенія, пока Львовъ писалъ, мысль напряженно работала. Нужно было сейчасъ же установить формальную связь В. Львова съ Корниловымъ, достаточную для того, чтобы Вр. Прав. этимъ же вечеромъ могло принять рѣшительныя мѣры. Нужно было сейчасъ же „закрѣпить" самого Львова, т. е. заставить его повторить весь разговоръ со мной въ присутствіи третьяго лица. Я чувствовалъ, что нужно дѣйствовать такъ, а не иначе... Между тѣмъ Львовъ написалъ и, подавая мнѣ документъ, сказалъ: „это очень хорошо, теперь все кончится мирно. *Тамъ* считали очень важнымъ, чтобы власть отъ Вр. Прав. перешла легально. Ну, а Вы что же поѣдете въ Ставку?" закончилъ онъ. Не знаю, почему этотъ вопросъ, какъ-то кольнулъ, насторожилъ меня и почти неожиданно для самого себя я отвѣтилъ: „Конечно, нѣтъ, неужели Вы думаете, что я могу быть Министромъ Юстиціи у Корнилова. Тутъ произошло нѣчто странное. Львовъ вскочилъ, просіялъ и воскликнулъ: „конечно, конечно, не ѣздите! Вѣдь для Васъ тамъ ловушка готовится! Онъ Васъ тамъ арестуетъ, уѣзжайте куда-нибудь подальше, но обязательно уѣзжайте изъ Петрограда... А тамъ Васъ ненавидятъ"—волновался Львовъ.

Тутъ нами было „рѣшено", что объ отставкѣ ген. Корниловъ будетъ извѣщенъ телеграфно, а я въ Ставку не поѣду. „А что будетъ, Владиміръ Николаевичъ, говорю я, если Вы ошиблись или надъ Вами пошутили? Въ какомъ же тогда Вы будете положеніи? Вѣдь это очень серьезно, то, что Вы написали"! Львовъ сталъ очень энергично доказывать, что ни ошибки, ни шутки здѣсь нѣтъ, т. к. дѣйствительно дѣло очень серьезное, что ген. Корниловъ, „никогда не откажется отъ своихъ словъ". Тогда-то и явилась у меня мысль по прямому проводу получить подтвержденіе отъ самого Корнилова. Львовъ ухватился за это предложеніе, и мы сговорились, что къ $8^1/_2$ часамъ съѣдемся въ домъ Военнаго Министра для того, чтобы совмѣстно переговорить по Юзу съ Корниловымъ.

Пришелъ ко мнѣ Львовъ въ началѣ 6-го. Вышелъ, на-

сколько помню, послѣ 7-ми. До встрѣчи въ домѣ Военнаго Министра оставалось приблизительно около часу. Уходя, въ дверяхъ кабинета Львовъ столкнулся съ Вырубовымъ, входившимъ ко мнѣ. Ознакомивъ его съ происшедшимъ и попросивъ остаться при мнѣ, я послалъ адъютанта приготовить прямой проводъ и приказалъ вызвать къ 9-ти часамъ вечера ко мнѣ во дворецъ Помощника Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ милиціи Балавинскагэ и Помощника Командующаго Военнымъ Округомъ капит. Козьмина.

Къ $8^1/_2$ ч. поѣхалъ съ Вырубовымъ на прямой проводъ. Все было готово. Корниловъ у аппарата. Львова нѣтъ. Позвонили къ нему на квартиру по телефону, отвѣта не было. Корниловъ уже минутъ 20-25 ждалъ у провода. Рѣшилъ говорить одинъ, такъ какъ характеръ предстоящаго разговора дѣлалъ присутствіе или отсутствіе одного изъ насъ у аппарата совершенно безразличнымъ, вѣдь тема разговора было заранѣе установлена.

Нужно сознаться, что, кажется, у насъ обоихъ, у Вырубова и у меня, теплилась еще надежда, когда я начиналъ разговоръ, что ген. Корниловъ съ полнымъ недоумѣніемъ спроситъ: „что я долженъ подтвердить? Какой Львовъ"? Надежда не оправдалась!

Привожу цѣликомъ по лентѣ Юза весь разговоръ.

Разговоръ Министра Предсѣдателя Керенскаго съ Верх. Главнокомандующимъ генераломъ Корниловымъ. (Нѣкоторыя мѣста подчеркнуты и цифры поставлены мною).

Министръ Предсѣдатель Керенскій ждетъ генерала Корнилова.

У аппарата генералъ Корниловъ.

1) Здравствуйте, генералъ. У аппарата В. Н. Львовъ и Керенскій. *Просимъ подтвердить, что Керенскій можетъ дѣйствовать согласно свѣдѣніямъ,* переданнымъ Владиміромъ Николаевичемъ.

Здравствуйте, Александръ Федоровичъ, здравствуйте Владиміръ Николаевичъ. Вновь *подтверждая* тотъ *очеркъ положенія*, въ которомъ мнѣ представляется страна и армія, очеркъ, сдѣланный мною Владиміру Николаевичу, *вновь заявляю:* событія, послѣднихъ дней и вновь намѣчающіяся,

повелительно *требуютъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія въ самый короткій срокъ.*

2) Я, Владиміръ Николаевичъ, Васъ спрашиваю—*то опредѣленное рѣшеніе нужно исполнить,* о которомъ Вы просили извѣстить меня Александра Федоровича только совершенно лично, безъ этого подтвержденія лично отъ Васъ Александръ Федоровичъ колеблется вполнѣ довѣрить.

Да, *подтверждаю,* что я просилъ Васъ передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу пріѣхать въ Могилевъ.

3) Я, Александръ Федоровичъ, *понимаю* Вашъ отвѣтъ, какъ *подтвержденіе* словъ, переданныхъ мнѣ Владиміромъ Николаевичемъ. Сегодня *это сдѣлать* и выѣхать нельзя. Надѣюсь выѣхать завтра; нуженъ ли Савинковъ.

Настоятельно прошу, чтобы Борисъ Викторовичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Вами. *Сказанное* мною Владиміру Николаевичу въ *одинаковой* степени относится и къ Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выѣзда позже завтрашняго дня. Прошу вѣрить, что *только сознаніе отвѣтственности момента заставляетъ меня такъ настойчиво просить* Васъ.

4) Пріѣзжать ли *только* въ случаѣ выступленій, о которыхъ идутъ слухи, или во всякомъ случаѣ.

Во всякомъ случаѣ.

До свиданія, скоро увидимся.

До свиданія.

Это классическій образецъ условнаго разговора, гдѣ отвѣчающій съ полъ-слова понимаетъ спрашивающаго, такъ какъ имъ обоимъ извѣстенъ одинъ и тотъ же предметъ разговора (напр. въ 1-мъ отвѣтѣ „вновь заявляю"; 2-й отвѣтъ (гдѣ все ясно для посвященнаго, знающаго дѣйствительную суть разговора и все загадочно для посторонняго; гдѣ нѣтъ ни одного наводящаго вопроса, ни одного вопроса, по которому можно было бы судить, что извѣстно уже по этому поводу спрашивающему и, однако, отвѣты оказывались именно тѣ, которые ожидались: они совпадали съ заявленіями В. Львова (особенно отвѣты 2 и 3).

Этотъ разговоръ далъ больше, чѣмъ можно было ожидать: онъ подтвердилъ не только полномочія В. Львова

говорить отъ имени Корнилова, но удостовѣрилъ и *точность передачи словъ послѣдняго первымъ...*

Теперь оставалось только закрѣпить въ свидѣтельскомъ показанiи третьяго лица мой разговоръ съ В. Львовымъ „наединѣ“. Мы поѣхали втроемъ назадъ въ Зимнiй Дворецъ. По дорогѣ произошла сцена, о которой говорится ниже въ самомъ показанiи.

По возвращенiи, въ томъ же моемъ кабинетѣ былъ мой повторный разговоръ съ В. Львовымъ, о которомъ присутствовавшiй въ той же комнатѣ С. А. Балавинскiй показалъ на другой день 27 Августа, судебному слѣдователю, между прочимъ, слѣдующее.

„Я находился въ кабинетѣ Керенскаго и хотѣлъ уйти, въ виду предстоящей бесѣды его съ Львовымъ, но Керенскiй попросилъ меня остаться, и я оставался въ кабинетѣ во все время разговора. Керенскiй привезъ съ собою два документа. Прежде всего онъ прочелъ вслухъ Львову ленту телеграфнаго прямого провода со Ставкой, содержащую разговоръ, его, Керенскаго, съ ген. Корниловымъ, ту самую, которую Вы мнѣ теперь предъявляете (свидѣтелю предъявляется телеграфная лента, представленная при допросѣ А. Ф. Керенскимъ, и Львовъ *подтвердилъ правильность изложеннаго на лентѣ разговора*. Затѣмъ А. Ф. Керенскiй прочелъ вслухъ Львову предъявляемую мнѣ собственноручную записку Львова и тотъ тоже *подтвердилъ правильность этой записки*, удостовѣряя, что всѣ предложенiя въ этой запискѣ исходятъ отъ ген. Корнилова... Далѣе В. Львовъ говорилъ, что общество и *всѣ* въ Ставкѣ такъ возбуждены противъ А. Ф. Керенскаго и Вр. Правит-ства., что ген. Корниловъ не ручается за личную безопасность А. Ф. Керенскаго ни въ одномъ мѣстѣ Россiи и потому прiѣздъ А. Ф. Керенскаго и Савинкова въ Ставку необходимъ, а Львовъ съ своей стороны даетъ Керенскому „добрый совѣтъ“ принять и исполнить условiя ген. Корнилова. Совѣтуя Керенскому исполнить требованiя ген. Корнилова, В. Н. Львовъ говорилъ, что ген. Корниловъ во вновь образуемомъ имъ Кабинетѣ Министровъ предлагаетъ посты: Керенскому—Министра Юстицiи, Савинкову— Военнаго и, какъ мнѣ кажется, Морского Министра. Въ своемъ разговорѣ со Львовымъ

Керенскій нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о томъ, что, такъ какъ по имѣющимся у него точнымъ свѣдѣніямъ 27 Августа выступленія большевиковъ не будетъ, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ мотивируется и какія причины дѣлаемаго ген. Корниловымъ предложенія о необходимости вызова Керенскаго и Савинкова въ Ставку, но *Львовъ* этотъ вопросъ Керенскаго *обходилъ молчаніемъ*. Въ своемъ разговорѣ Львовъ упоминалъ, что онъ *четыре ночи уже не спалъ*, чувствуетъ себя утомленнымъ и просилъ Керенскаго скорѣе принимать рѣшеніе. Съ кѣмъ будетъ вести въ своемъ кабинетѣ разговоръ вернувшійся Керенскій, я сначала не зналъ, а, присутствуя въ кабинетѣ при разговорѣ Керенскаго съ Львовымъ, я остался послѣднимъ незамѣченнымъ" *).

Послѣ этого разговора, который происходилъ около 10 часовъ вечера, В. Львовъ былъ взятъ подъ стражу... Началась ликвидація!

Спрашивается: имѣлъ ли я право послѣ всего, что произошло между 5 и 10 часами вечера 26 Августа, объявить населенію, что 26 августа ген. Корниловъ прислалъ ко мнѣ Члена Государственной Думы В. Львова съ требованіемъ передачи Вр. Прав-вомъ всей полноты гражданской и военной власти, съ тѣмъ, что имъ, по личному усмотрѣнію, будетъ составлено новое Правительство для управленія страной. Дѣйствительность полномочій Члена Гос. Думы Львова сдѣлать такое предложеніе была подтвержена затѣмъ ген. Корниловымъ при разговорѣ со мной по прямому проводу?".

„Телеграмма Министра Предсѣдателя во всей своей первой части является сплошной *ложью*", какъ осмѣлился заявить русскимъ людямъ ген. Корниловъ. Или, наконецъ, все это было, по стыдливому выраженію осторожныхъ защитниковъ Корнилова, „взаимное недоразумѣніе".

Самъ ген. Корниловъ *не* оспариваетъ, что онъ прислалъ ко мнѣ Члена Гос. Думы В. Львова, съ порученіемъ нѣчто мнѣ передать. Разговаривая 27 августа около 5 ча-

---

*) Кстати, это одно изъ важнѣйшихъ въ дѣлѣ Корнилова показаній, при томъ почти первое показаніе по дѣлу, не было напечатано ни въ одной изъ многочисленныхъ газетъ, наполнявшихъ свои статьи „правдой" о дѣлѣ Корнилова.

совъ дня, по прямому проводу съ Савинковымъ, Корниловъ, между прочимъ, говоритъ: „вчера вечеромъ, во время разговора съ Мин. Предсѣдателемъ по аппарату *я подтвердилъ ему* переданное черезъ Львова и былъ въ полномъ убѣжденіи, что Мин. Предсѣдатедь, убѣдившись въ тяжеломъ положеніи страны и желая работать въ полномъ согласіи со мной, рѣшилъ сегодня выѣхать въ Ставку, чтобы здѣсь принять окончательное рѣшеніе". Правда, давая потомъ показанія Слѣдств. Комиссіи, ген. Корниловъ утверждалъ, что онъ „подтвердилъ *только* приглашеніе свое А. Ф. Керенскому пріѣхать въ Ставку". Но достаточно взглянуть на самый текстъ разговора по Юзу, чтобы увидѣть, что прежде чѣмъ подтвердить необходимость моего пріѣзда въ Могилевъ, ген. Корниловъ сначала (п. I) отвѣтилъ категорическимъ подтвержденіемъ на первый общій вопросъ, могу ли я *дѣйствовать* по свѣдѣніямъ Львова. Кромѣ того, весь характеръ 2-го вопроса и отвѣта на него ген. Корнилова въ связи съ дальнѣйшими его словами—„сказанное въ одинаковой степени относится и къ Борису Викторовичу"—съ несомнѣнностью показываетъ, что Корниловъ отлично понималъ, *почему* „А. Ф. колеблется вполнѣ довѣрить", понималъ, *что* это значитъ, что не только выѣхать, но и „это сдѣлать" сегодня нельзя и т. д. Однимъ словомъ, весь текстъ разговора по Юзу не оставляетъ сомнѣнія, что Слѣд. Комиссіи ген. Корниловъ *не рѣшился* сказать правду. И, если бы ген. Корниловъ подтвердилъ только свое приглашеніе пріѣхать, то почему же „послѣ этого разговора вздохъ облегченія вырвался изъ его груди и на мой вопросъ,—разсказываетъ князь Трубецкой: „значитъ, Правительство идетъ Вамъ навстрѣчу во всемъ"?—онъ отвѣтилъ: „да". *) Почему?!

Итакъ не было „ложью" мое утвержденіе, что ген. Корниловъ съ чѣмъ-то прислалъ ко мнѣ Львова.

Не были ложью и слова моего объявленія о томъ, что это что-то было „требованіемъ передачи Вр. Прав. всей полноты власти" ген. Корнилову. Что съ этимъ порученіемъ явился ко мнѣ Львовъ. „Событія требуютъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія въ самый короткій срокъ" подтвердилъ

---

*) Всюду курсивъ только мой.

слова Львова по прямому проводу Корниловъ. А на другой день въ томъ же разговорѣ съ Савинковымъ ген. Корниловъ говоритъ: „по отъѣздѣ Вашемъ *) мною были получены новыя тревожныя извѣстія о положеніи дѣлъ на фронтѣ и въ тылу—(да и Крымовъ уже двинулся къ Петрограду,—добавлю я). Я заявилъ (Львову), что, по моему глубокому убѣжденію, я единственнымъ исходомъ считаю *установленіе диктатуры* и объявленіе всей страны на военномъ положеніи. Я просилъ В. Львова *передать* Керенскому и Вамъ, что участіе Васъ обоихъ въ составѣ Правительства считаю безусловно необходимымъ; просилъ *передать* мою настойчивую просьбу пріѣхать въ Ставку для принятія окончательнаго рѣшенія, при чемъ заявилъ, что въ виду имѣющихся у меня точныхъ свѣдѣній о готовящемся въ Петроградѣ выступленіи большевиковъ, я признаю положеніе крайне грознымъ и въ частности считаю нахожденіе Васъ и Керенскаго въ Петроградѣ весьма опаснымъ для васъ обоихъ, почему и *предложилъ* пріѣхать въ Ставку, *гарантируя своимъ честнымъ словомъ Вашу полную безопасность.*

Развѣ не болѣе, чѣмъ очевидно полное совпаденіе *передачи* Львова съ подлинными мыслями ген. Корнилова?! А „опасеніе“ за мою жизнь перваго такъ странно совпадаетъ съ обѣщаніями безопасности второго! Почему правда Главковерхъ долженъ давать „честное слово“, что Мин. Предсѣдатель, глава Государства, останется живъ, пріѣхавъ къ нему въ Ставку по его же приглашенію?!

То, что происходило въ Ставкѣ послѣ разговора по Юзу и „вздохъ облегченія“ еще разъ подтверждаетъ, что Львовъ не фантазировалъ, предъявляя мнѣ требованія къ немедленному исполненію („въ самый короткій срокъ“, по Юзограммѣ ген. Корнилова). „Полагая, что между нимъ и Мин. Предсѣдателемъ установилось полное принципіальное согласіе, Верховный Главнокомандующій—продолжаетъ свой разсказъ кн. Трубецкой—отдалъ распоряженіе—*въ подкрѣпленіе* къ уже даннымъ ранѣе приказаніямъ объ отправкѣ къ Петрограду нужныхъ воинскихъ частей. Въ то же время,

*) Между отъѣздомъ Савинкова и пріемомъ Львова прошло 5—6 часовъ.

онъ по телеграфу обратился къ нѣкоторымъ виднымъ политическимъ дѣятелямъ *съ приглашеніемъ* прибыть въ Ставку для обсужденія создавшагося положенія, имѣя въ виду привлечь ихъ вмѣстѣ съ членами Вр. Пр-ства (Керенскаго и Савинкова) къ составленію новаго Кабинета, который, по мнѣнію ген. Корнилова, долженъ былъ осуществлять строгую демократическую программу, закрѣпляя народную свободу и поставивъ во главѣ угла разрѣшеніе земельнаго вопроса". Я долженъ добавить, что еще недѣли за 2 до 26 августа въ Ставку пріѣзжалъ изъ Москвы нѣкій профессоръ „для бесѣды" по земельному вопросу, а къ 26-му августа уже былъ готовъ проэктъ земельнаго не то закона, не то манифеста.

Такимъ образомъ, уже въ эпоху Московскаго Совѣщанія ген. Корниловъ интересовался бесѣдами не только по финансовымъ и международнымъ вопросамъ, не только съ желѣзнодорожниками разговаривалъ.

Итакъ, картина совершенно ясная. *28-го августа въ Ставкѣ оказались бы вокругъ Главковерха „старѣйшины націи"—Министръ Председатель съ Военнымъ Министромъ, „согласившіеся" передать власть ген. Корнилову, а въ Петербургѣ—войска Крымова, обезглавленное Вр. Пр-ство, „большевистское большинство" Совѣтовъ, на это Пр-ство „давящее" и. т. д.*

Правительство это „лойяльно" перестало бы существовать.

Ген. Алексѣевъ, весьма освѣдомленный въ намѣреніяхъ заговорщиковъ въ томъ же интимномъ письмѣ къ Милюкову утверждаетъ, что Корниловское движеніе „было направлено исключительно противъ послѣдовательно вступающихъ въ составъ Министерства и быстро уходящихъ изъ него лицъ", т. е. противъ *даннаго* Вр. Пр-ства. И признаетъ, что *именно для этой цѣли двигался 3-й конный корпусъ* къ Петербургу.

А насколько къ вечеру 26 августа въ Ставкѣ все уже было продумано и предусмотрѣно, подтверждаетъ слѣдующій характерный разговоръ Корнилова съ тѣмъ же Трубецкимъ. „На мой вопросъ, почему Корниловъ настаиваетъ на участіи въ Кабинетѣ Керенскаго и Савинкова (значитъ были кто-то, кто не настаивалъ), я получилъ отвѣтъ: „новая власть въ силу обстоятельствъ должна будетъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, я бы желалъ, чтобы онѣ были наиме-

нѣе крутыми. Кромѣ того, демократія должна видѣть и знать, что она не лишится своихъ любимыхъ вождей и наиболѣе цѣнныхъ завоеваній". — Мотивировка не совсѣмъ стыдливая, но зато откровенная!

Я думаю, никто продумавшій и знающій дѣло Корнилова не будетъ въ состояніи отрицать, что намѣренія Корниловской группы по отношенію къ Вр. Пр-ству, *какъ къ таковому,* были совершенно опредѣленныя, что Пр-ство должно было склониться передъ волей диктатора, что насчетъ Вр. Пр-ства въ цѣломъ въ Ставкѣ не было никакихъ „недоразумѣній", что 28 августа разрѣшился бы роковой вопросъ, зачѣмъ двигались Ставочныя войска къ Петрограду; что Львовъ дѣйствительно „мину", приготовленную для Вр. Пр-ства, вольно или невольно взорвалъ на 2 дня раньше срока.

Да и сами участники мятежа не отрицали и не отрицаютъ своихъ намѣреній по отношенію къ Вр. Пр-ству; не отрицали даже тогда, когда объявляли „сплошной ложью" слова Мин. Предсѣдателя. Нужно вчитаться въ первыя строки объявленія Верховнаго Главнокомандующаго къ русскимъ людямъ, чтобы понять ихъ настоящій смыслъ и оцѣнить ловкость рукъ автора этого объявленія—Завойко. Вотъ эти строки: „Телеграмма Министра Предсѣдателя за № 4163 въ своей первой части является сплошной ложью: не я послалъ Члена Гос. Думы В. Львова къ Вр. Пр-ству; а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ Министра Предсѣдателя, тому свидѣтель Членъ Гос. Думы А. Аладьинъ. Такимъ образомъ, свершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу отечества".

Какъ понять прямой смыслъ этихъ строкъ, сопоставляя ихъ съ телеграммой моей за № 4163. Тамъ Министръ Предсѣдатель объявляетъ: 1) Явился ко мнѣ В. Львовъ отъ ген. Корнилова; 2) Предъявилъ требованіе Вр. Пр-ству передать власть Корнилову; 3) Корниловъ полномочія Львова подтвердилъ. „Сплошная ложь все это", отвѣчаетъ авторъ устами Корнилова, т. е. подумаетъ наивный читатель.— 1) Львовъ къ Керенскому вовсе не являлся; 2) Требованій Правительству не предъявлялъ; 3) Почему Корниловъ и полномочій не могъ подтвердить. И не только этого ничего

не было, но все было какъ разъ наоборотъ: Львовъ-то и былъ посланцемъ Керенскаго, онъ только къ Корнилову и пріѣзжалъ! Вотъ несомнѣнный *прямой* смыслъ этого мѣста объявленія Корнилова, разосланнаго въ ночь на 28 августа по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ („всѣмъ начальствующимъ лицамъ, дорожнымъ комитетамъ“). Вотъ строки, которыя говорятъ о прямомъ разсчетѣ на то, чтобы сразу, вульгарно выражаясь, „ошарашить“ тѣхъ, у кого, по словамъ того же воззванія „бьется въ груди русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ храмы“. Ошарашить и вызвать нужный откликъ, прежде чѣмъ опомнятся, узнаютъ правду.

Но этотъ демагогическій смѣлый текстъ, приноровленный къ распространенію въ широкой публикѣ, имѣетъ другой *настоящій* смыслъ, понятный только болѣе вдумчивому или знающему читателю:—Да, я предъявлялъ требованія Вр. Пр-ству, этого я *не* отрицаю, но предъявлялъ съ *вѣдома* Министра Предсѣдателя, онъ *первый* прислалъ ко мнѣ Львова для переговоровъ, Керенскій меня спровоцировалъ. Вотъ этотъ настоящій смыслъ!

И вотъ началась вакханалія. Керенскій притворялся и предалъ, клевещутъ справа; Керенскій-корниловецъ, контръ-революціонеръ, хотѣлъ предать демократію, безсовѣстно лгутъ, къ сожалѣнію, не только большевистскіе демагоги. „Участіе Керенскаго безспорно“, какъ бы подводитъ итогъ всѣмъ легендамъ ген. Алексѣевъ.

Если бы даже это было и такъ, то все-таки *то*, въ чемъ я участвовалъ, *осталось бы преступленіемъ*, только стало бы больше еще однимъ преступникомъ. Но чѣмъ же доказывается мое участіе? Оно косвенно доказывается—вызовомъ 3-го коннаго корпуса (о чемъ я уже говорилъ), въ связи съ нѣкоторыми дѣйствіями и словами Савинкова, поведеніемъ въ Ставкѣ г. Филоненко (о чемъ ниже) и, наконецъ, посольствомъ Львова.

Мнѣ кажется, что изъ всего предыдущаго изложенія съ достаточной ясностью вытекаетъ нелѣпость этого послѣдняго доказательства, этой неловкой выдумки господъ заговорщиковъ. Впопыхахъ они забыли даже самое простое соображеніе—ну, если дѣйствительно черезъ Савинкова и Филоненко я былъ въ соглашеніи съ Корниловымъ, то

зачѣмъ же мнѣ было въ послѣдній моментъ „вводить въ дѣло" сторонняго человѣка, да еще послѣ выхода изъ Вр. Пр-ства мнѣ враждебнаго.

Въ чемъ же въ дѣйствительности дѣло и какимъ образомъ В. Н. Львовъ оказался 26 августа вечеромъ у меня въ кабинетѣ? А вотъ такъ!

В. Н. Львовъ, пріѣхавъ на Московское Совѣщаніе, останавливается въ Національной Гостиницѣ (Московская „штабъ-квартира" Завойко и Аладьина) и здѣсь встрѣчается со своимъ старымъ знакомымъ нѣкіимъ Добрынскимъ, членомъ Исп. Комитета Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ, сослуживцемъ Крымова и частымъ посѣтителемъ въ то время Ставки. Добрынскій знакомитъ Львова съ Аладьинымъ, и оба они вводятъ В. Н. нѣсколько въ курсъ дѣла. Въ это время (сейчасъ же послѣ Московскаго Совѣщанія) подготовка шла на всѣхъ парахъ и какъ разъ нуженъ былъ человѣкъ для специальной задачи: проникнуть ко мнѣ, въ обходъ обычныхъ путей сношеній со Ставкой (черезъ Савинкова или Барановскаго). На собственномъ опытѣ Аладьинъ зналъ, что людямъ его сорта ко мнѣ лично не попасть. Попытка того же Аладьина проникнуть ко мнѣ черезъ посредника не удалась. Князь Г. Е. Львовъ, къ которому онъ обращался незадолго передъ пріѣздомъ ко мнѣ В. Львова, съ просьбой устроить ему, Аладьину, свиданіе по исключительной важности дѣлу, отказался это сдѣлать. Уходя отъ князя, Аладьинъ все-таки предусмотрительно сказалъ, что будетъ столько-то дней (не помню сколько) ждать отвѣта въ Національной гостиницѣ, при чемъ въ разговорѣ подчеркивалъ, что онъ изъ Ставки. Отвѣта однако не послѣдовало, и *тогда посланъ былъ В. Н. Львовъ*, которому, какъ Члену Государ. Думы и бывшему Члену Вр. Пр-ства никогда не могло быть отказано въ пріемѣ.

Вотъ относящіяся сюда чрезвычайно интересныя даты: между 16-мъ и 21-мъ августа Аладьинъ былъ у князя Львова. 17-го августа Добрынскій возвращается изъ Могилева съ извѣстіемъ, что „Ставка рѣшила добиться реформъ", и разсказываетъ объ этомъ Львову. 21-го августа Добрынскій, по словамъ Аладьина, представляетъ ему Львова, и Львовъ тутъ же заявляетъ Аладьину, что онъ поѣдетъ въ Петер-

бургъ къ Керенскому и, какъ „близкій другъ“, будетъ настаивать на необходимости сформировать министерство, пользующееся довѣріемъ. 21-го же августа Львовъ уѣзжаетъ ко мнѣ, 23-го онъ возвращается въ Москву. Въ той же Національной гостиницѣ, въ присутствіи Добрынскаго, заявляетъ тому же Аладьину, что Керенскій „согласился вести переговоры *со Ставкой*“. Изъ заявленія Львова передъ отъѣздомъ ко мнѣ, въ изложеніи того же Аладьина, какъ будто совсѣмъ не вытекаютъ его слова о Ставкѣ по возвращеніи отъ меня. Но это не смущаетъ г. Аладьина! Въ тотъ же день, 23-го августа, Львовъ и Добрынскій спѣшно ѣдутъ въ Ставку *съ письмомъ Аладьина къ Завойко.*

24-го августа туда же ѣдитъ Аладьинъ. Въ тотъ же день вечеромъ Львовъ былъ принятъ ген. Корниловымъ. Бесѣда шла сначала наединѣ, а затѣмъ „въ присутствіи ординарца Завойки, я (ген. Корниловъ) подтвердилъ Львову *суть* моихъ заявленій“. Послѣ свиданія съ Корниловымъ Львовъ почти всю ночь проводитъ съ Завойко, Аладьинымъ, Родіоновымъ (насколько я помню, авторомъ „нашего преступленія“) и К°.

25-го августа Львовъ уже мчится въ Петербургъ и 26 августа почти прямо съ поѣзда влетаетъ ко мнѣ въ пріемную. Въ догонку ему несется изъ Ставки телеграмма по адресу: „Зимній Дворецъ, Керенскому для Львова“. На обратномъ пути заѣзжайте за Родзянкой. Добрынскій“. Увы! Телеграмма эта была получена уже послѣ ареста Львова.

Итакъ, съ 21-го августа (въ день „представленія“ г. Аладьину) Львовъ не зналъ ни отдыха ни срока! Недаромъ онъ жаловался у меня въ кабинетѣ, что онъ „четыре дня не спалъ“. Правда, странный былъ мой „посланецъ“! Не отъ меня ѣздилъ, а ко мнѣ пріѣзжалъ—разъ изъ Москвы отъ Аладьина съ Добрынскимъ, другой разъ изъ Могилева, гдѣ проводилъ время въ обществѣ Корнилова, Завойко и опять тѣхъ же Добрынскаго и Аладьина. Ну, послѣ этого кто же лучше Аладьина могъ бы свидѣтельствовать передъ „вѣрящими въ Бога и храмы“, что Львовъ „посланецъ“ мой, а все остальное „сплошная ложь“?.

Я нарочно привелъ точное расписаніе времяпровожденія Львова въ интересующій насъ періодъ съ пояснитель-

нымъ текстомъ *самихъ* же заинтересованныхъ лицъ для того, чтобы каждый самъ могъ видѣть, какъ неловко пытаются увильнуть отъ правды гг. заговорщики. Какую роль игралъ Львовъ въ ихъ средѣ и насколько онъ былъ посвященъ въ подробности, выяснить это мнѣ до сихъ поръ не удалось. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что онъ не принадлежалъ къ главнымъ дѣятелямъ заговора, а скорѣе долженъ быть отнесенъ къ тѣмъ лицамъ, которыми въ мѣру ихъ силъ и способностей пользовались главные дѣятели.

Показаніе все того же сторонняго наблюдателя кн. Трубецкого красочно иллюстрируетъ эту мою догадку. „Когда я узналъ, что В. Львовъ былъ у Корнилова, я спросилъ у кого-то изъ адъютантовъ:—знаетъ ли Корниловъ, что Львовъ человѣкъ ограниченный. Адъютантъ улыбнулся и отвѣтилъ, что это *знаютъ всѣ*. Но ген. Корниловъ сказалъ, что *вѣдь передать-то сказанное ему онъ можетъ* и", что, кромѣ того, еще недавно онъ былъ членомъ Кабинета Керенскаго". „Передать-то сказанное онъ можетъ"... Вотъ ставочная оцѣнка Львова, и отношеніе къ нему было соотвѣтствующее. Сначала послали ко мнѣ съ требованіями, а затѣмъ когда игра сорвалась, въ его же уста вложили — *мое* предложеніе ген. Корнилову „принять диктатуру съ объявленіемъ таковой *нынѣшнимъ Вр. Пр.-ствомъ*". (слова ген. Корнилова Савинкову по юзу 27 августа). Здѣсь еще разъ видно полное совпаденіе передачи Львова съ дѣйствительно „сказаннымъ" ген. Корниловымъ: особенно важенъ лойяльный переходъ власти, говорилъ мнѣ Львовъ вечеромъ 26 августа, а главное, этими словами по Юзу ген. Корниловъ *цѣликомъ подтвердилъ* основной 2-й пунктъ письменнаго ультиматума Львова.

Самъ В. Львовъ послѣ ряда своихъ сумбурныхъ, растерянныхъ, полуправдивыхъ или не совсѣмъ лживыхъ показаній, въ своемъ послѣднемъ показаніи, направленномъ уже цѣликомъ противъ меня, хотя и утверждаетъ, что я далъ ему порученіе, но все-таки говоритъ, что порученіе состояло не въ томъ, чтобы отъ моего имени что-либо предлагать, а наоборотъ въ томъ, чтобы *узнать* желанія другихъ — желаніе различныхъ общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и Ставки.

Нужно сказать, что впослѣдствіи, давая показанія Слѣдственной Комиссіи, и зная по обстоятельствамъ дѣла, что разговоръ мой „наединѣ“ съ Львовымъ прослушанъ третьимъ лицомъ—ген. Корниловъ уже *самъ превращаетъ Львова изъ „предлагающаго“ „въ спрашивающаго“ и беретъ на себя иниціативу диктатуры.* В. Львовъ заявилъ мнѣ отъ имени Керенскаго, что, если, по моему мнѣнію, дальнѣйшее участіе послѣдняго въ управленіи страной не даетъ власти необходимой силы и твердости, то Керенскій готовъ выйти изъ состава Пр.-ства. Если Керенскій можетъ разсчитывать на поддержку, то онъ готовъ продолжать работу. Я, *очертивъ* общее положеніе страны и арміи, *заявилъ*, что, по моему глубокому убѣжденію, единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія страны, является *установленіе диктатуры* и немедленное объявленіе страны на военномъ положеніи. (Срав. 1-й пунктъ отвѣта Корнилова по Юзу 26 августа). Я заявилъ, что лично не стремлюсь къ власти и готовъ немедленно подчиниться тому, кому будутъ вручены диктаторскія полномочія. Львовъ заявилъ, что не исключается возможность такого рѣшенія, что въ виду тяжелаго положенія страны Вр. Пр.-ство въ его нынѣшнемъ составѣ само придетъ къ сознанной необходимости установленія диктатуры и *весьма возможно*, предложатъ мнѣ обязанности диктатора“. Какой, съ Божьей помощью, поворотъ.

Исторія о посылкѣ моей въ Ставку посла съ всепокорнѣйшимъ настояніемъ „придти и володѣть нами“ просто скверная попытка растерявшихся людей, пойманныхъ съ поличнымъ, спрятаться за чужую спину и замести свои слѣды, совершенно не стѣсняясь для этого въ средствахъ! Къ сожалѣнію, это была не единственная подобнаго рода попытка. Въ тотъ же день, когда была разослана прокламація со сплошной ложью о „великой провокаціи“, ген. Лукомскій прислалъ мнѣ телеграмму № 6406, гдѣ, между прочимъ, писалъ, что ген. Корниловъ принялъ „окончательное рѣшеніе“ послѣ „пріѣзда Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе ген. Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ Вашего имени . . . и идя, согласно съ Вашимъ предложеніемъ, отдалъ окончательное распоряженіе, отмѣнять которое теперь уже *поздно*“. Прочитавъ эту телеграмму, Са-

винковъ сейчасъ же подалъ мнѣ письменное заявленіе. Это заявленіе было мною сейчасъ же сообщено Вр. Пр-ству, а затѣмъ передано Предсѣдателю Слѣдств. Комиссіи, почему и привожу его по памяти.

„Ознакомившись съ изложенной въ телеграммѣ ген. Лукомскаго за № 6406 отъ 27 августа ссылкой относительно меня, заявляю, что это *клевета*. Никакихъ политическихъ заявленій отъ Вашего имени ген. Корнилову я не дѣлалъ и *не могъ* дѣлать. Подпись. 27 августа 1917 г.“. Савинковъ этой клеветой былъ возмущенъ, высказалъ это по прямому проводу ген. Корнилову, повторивъ, что слова ген. Лукомскаго о немъ—клевета. И на это сейчасъ же послѣдовалъ единственно возможный отвѣтъ—въ телеграммѣ Лукомскаго подразумѣвалось, молъ, *только то*, что говорилось Савинковымъ въ присутствіи ген. Лукомскаго, ген. Романовскаго и полк. Барановскаго, по поводу посылки въ распоряженіе Вр. Пр-ства войскъ и введенія военнаго положенія.

На этотъ разъ сорвалось сразу. Къ сожалѣнію, бесѣда съ Львовымъ происходила наединѣ или при такомъ, съ позволенія сказать, „свидѣтелѣ“, какъ Завойко. А поэтому и установить здѣсь правду очень и очень трудно. Кстати ген. Лукомскій вовсе не случайно, сразу вспомнилъ и Львова и Савинкова. Они оба 22 августа видѣли меня въ Петербургѣ. Оба въ тотъ же вечеръ выѣхали—одинъ въ Москву, другой (Савинковъ)—прямо въ Могилевъ; оба были тамъ 24 августа—Савинковъ уѣзжалъ, Львовъ только что пріѣхалъ. Спрашивается, почему же я выбралъ для „конспираціи“ круговой путь черезъ Москву—Львова, и пренебрегъ скорымъ прямымъ и удобнымъ средствомъ сообщенія—Савинковымъ, тѣмъ болѣе, что ему гораздо легче и незамѣтнѣе для постороннихъ можно было побесѣдовать наединѣ?!]

Предсѣдатель. Вотъ 26 августа, когда появился здѣсь Львовъ, онъ доложилъ заранѣе черезъ кого-нибудь или внезапно появился? И затѣмъ, г. Министръ, не доходило ли до Васъ свѣдѣній въ тотъ день, что Львовъ распространяетъ по городу какія-то тревожные слухи?

Керенскій. Къ сожалѣнію, объ этомъ я узналъ послѣ когда онъ уже ушелъ отъ меня. Передъ Львовымъ у меня сидѣлъ Верховный Комиссаръ Туркестана съ очень важнымъ

докладомъ, онъ вышелъ и сразу вошелъ Львовъ... Кто мнѣ сказалъ? Да, кто-то тамъ видѣлъ изъ моихъ, что Львовъ былъ въ довольно возбужденномъ состояніи... Позвольте, тутъ еще кто-то передъ пріемомъ разговорился съ нимъ и потомъ отмѣчалъ, что, кромѣ разговора на улицѣ, онъ и здѣсь, въ Зимнемъ Дворцѣ, очень остро позволилъ себѣ говорить... Я не помню, кто объ этомъ разсказалъ.

Предсѣдатель. Затѣмъ докладъ Львова. Какъ онъ его мотивировалъ? Ставилъ ли его въ связь съ предшествующимъ посѣщеніемъ Васъ или такъ внезапно, новое что-нибудь провелъ?

Керенскій. Вотъ именно. Онъ совершенно измѣнился. Все предшествующее какъ будто на смарку пошло.

Предсѣдатель. Такъ что внѣ связи съ предшествующимъ...

Керенскій. Да, я вѣдь уже говорилъ, что встрѣтилъ его словами: „Вы опять съ Вашей матеріей"? А онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, обстоятельства измѣнились"... что-то въ этомъ родѣ сказалъ. На этотъ разъ уже вопросъ шелъ объ одномъ.—Я долженъ сдать должность и уходить. Ни о какомъ „введеніи новыхъ элементовъ" во Вр. Пр.-ство или о „расширеніи" его базы тутъ не было и рѣчи... Я остаюсь при твердомъ убѣжденіи, которое тогда же высказывалъ, что это былъ, можетъ быть, *единственный вечеръ, когда В. Львовъ былъ искрененъ* и, зная грядущія событія, дѣйствительно хотѣлъ меня спасти отчего-то. Совѣсть ли въ немъ заговорила, или испугался онъ—все равно. Особенно ярко подтвердилъ это мое убѣжденіе разговоръ въ автомобилѣ (на пути съ прямого провода въ Зимній Дворецъ), когда при В. В. Вырубовѣ я нарочно сказалъ В. Н. Львову, что перемѣнилъ рѣшеніе и поѣду въ Ставку"; сказалъ, чтобы провѣрить его. И тогда, онъ, странно волнуясь, схватился за грудь и говоритъ: спаси Васъ Богъ, ради Бога не ѣздите, потому что Ваше дѣло тамъ плохо...

[Когда 30 августа, находясь подъ арестомъ, Львовъ узналъ о полной ликвидаціи Корниловскаго выступленія, онъ прислалъ мнѣ записку: „поздравляю Васъ отъ души. Радъ, что спасъ Васъ отъ рукъ Корнилова. Вашъ В. Львовъ. 30 августа". Эту записку я такъ же передалъ Предсѣдателю

Слѣдств. Коммиссіи и пишу на память, но за смыслъ ея ручаюсь].

Предсѣдатель. Онъ Вамъ подробности какія-нибудь разсказывалъ—почему и какъ или только требованія предъявилъ,—ультиматумъ?

Керенскій. Ультиматумъ. Онъ сказалъ: „я имѣю порученіе отъ ген. Корнилова“.

Предсѣдатель. Онъ подробно Вамъ разсказывалъ? какія-нибудь имѣлъ свѣдѣнія?

Керенскій. Нѣтъ, онъ только изложилъ пункты. Очевидно, онъ хорошо ихъ зналъ, т. к. и устно и письменно излагалъ точно: введеніе военнаго положенія, передача власти и отставка и 4-й пунктъ (только для меня и Савинкова), немедленный отъѣздъ въ Ставку. Вотъ почему 4-й пунктъ, котораго на бумагѣ не было, я хотѣлъ закрѣпить на лентѣ Юза. Для меня въ разговорѣ по лентѣ почти рѣшающее значеніе имѣло то мѣсто, гдѣ я спрашиваю: „нуженъ ли Савинковъ“.. „Львовъ говорилъ мнѣ, что Корниловъ одинаково настаиваетъ на немедленномъ пріѣздѣ и моемъ и Савинкова. Поэтому я и задалъ вопросъ—относится ли предложеніе о пріѣздѣ только ко мнѣ или и къ Савинкову. Категорическій отвѣтъ насчетъ Савинкова и затѣмъ заявленіе, что только „сознаніе отвѣтственности“ заставляютъ его „такъ настойчиво просить“, тѣмъ сдѣлали для меня совершенно очевиднымъ, *что Львовъ въ курсѣ дѣла.*

Предсѣдатель. Записку эту читалъ Вырубовъ?

Керенскій. Я подалъ и говорю: читайте.

Предсѣдатель. Какое впечатлѣніе произвело на Вырубова?

Керенскій. Онъ говоритъ: что же дѣлать? я сказалъ, какія мѣры принимаю. Потомъ вечеромъ Львова арестовали.

Предсѣдатель. Такъ что Львова тогда не было?

Керенскій. Львовъ вышелъ,—Вырубовъ вошелъ. Я попросилъ Вырубова быть своевременно къ $8^1/_2$ час. вечера на прямомъ проводѣ въ домѣ Военнаго Министра. Затѣмъ вызвалъ Балавинскаго, Пом. Ком. войсками Козьмина. Однимъ словомъ, все организовалъ для того, чтобы установить „фактъ“.

Раупахъ. Значитъ, Львовъ предложилъ эти пункты, не какъ мнѣніе Корнилова, не какъ совѣтъ, а какъ требованіе, какъ ультиматумъ?

Керенскій. Ни о какомъ мнѣніи разговора не было, а былъ ультиматумъ, требованіе. Второе, что для меня въ разговорѣ по лентѣ было чрезвычайно важно—это былъ отвѣтъ на мой вопросъ,—пріѣзжать ли только въ случаѣ выступленія (большевиковъ). Когда я велъ разговоръ съ Львовымъ, я старался выяснить вопросъ, нужно ли поѣхать только въ случаѣ опасности отъ большевиковъ или во всякомъ случаѣ. Мнѣ хотѣлось узнать, дѣйствительно ли они вѣрятъ въ большевиковъ или это *только предлогъ*. Я Львову задавалъ нѣсколько разъ вопросъ: все это нужно только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно будетъ выступленіе большевиковъ, а, если никакихъ выступленій большевиковъ не будетъ, все равно надо поѣхать? „Все равно". Тотъ же вопросъ я задалъ Корнилову. Не помню, какъ на лентѣ.

Раупахъ. „Необходимо ли мнѣ пріѣхать"...

Керенскій. „Только въ случаѣ выступленія или во всякомъ случаѣ". Отвѣтъ: „во всякомъ случаѣ". Такимъ образомъ, эти два человѣка, Корниловъ и Львовъ, находясь на огромномъ разстояніи, не зная, что говорилъ каждый, *отвѣчали на одни и тѣ же вопросы совершенно одинаково*. И затѣмъ, третій разъ, когда вернулись я и Львовъ съ прямого провода, я при С. А. Балавинскомъ задалъ тотъ же вопросъ...

Предсѣдатель. Львову?

Керенскій. Да. Ѣхать ли во всякомъ случаѣ или только, если будетъ выступленіе большевиковъ. Я-то *навѣрно зналъ*, что никакихъ большевистскихъ выступленій не будетъ 27 августа.

Предсѣдатель. Такъ что арестъ Львова былъ Вами рѣшенъ послѣ разговора съ Корниловымъ и въ связи съ предстоящей поѣздкой?

Керенскій. Нѣтъ, въ связи съ тѣмъ, что для меня стало совершенно ясно, что этотъ человѣкъ въ чемъ-то участвовалъ или что-то знаетъ и *говоритъ правду*. Онъ, особенно въ первомъ разговорѣ, часто употреблялъ слово „мы".

Предсѣдатель. Кому же, г. Министръ, въ порядкѣ

постепенности, Вы изволили разсказывать объ этомъ эпизодѣ со Львовымъ и Вашъ разговоръ съ Корниловымъ?

Крохмаль. Я хотѣлъ задать вопросъ, какимъ образомъ получился этотъ документъ?

Керенскій. Ахъ, онъ получился очень просто. Я уже объ этомъ показывалъ при первомъ допросѣ. Львовъ изложилъ все устно и требовалъ отъ меня исполненія категорически. Я ему, наконецъ, сказалъ. Вы сами понимаете, Владиміръ Николаевичъ, что, если я пріиду во Вр. Пр.-ство и сдѣлаю такое заявленіе, вѣдь все равно никто не повѣритъ и сочтутъ меня за сумасшедшаго, или пошлютъ раньше провѣрить и спросить, дѣлалъ ли мнѣ такое предложеніе Корниловъ. Я же буду въ глупомъ положеніи. Какое я имѣю право дѣлать такія заявленія Вр. Пр.-ству? Я Вамъ довѣряю, я отлично Васъ знаю, но не могу же я говорить голословно. „Нѣтъ, я ручаюсь".—„Если Вы ручаетесь, такъ напишите". „Съ удовольствіемъ, потому что я, какъ Вы знаете, никогда неправду не говорю". Взялъ и написалъ.

Раупахъ. Это было до разговора по лентѣ?

Керенскій. Это было до разговора. Эти пункты я показывалъ Вырубову и затѣмъ поѣхалъ говорить по лентѣ.

Раупахъ. Львова не было съ Вами?

Керенскій. Онъ опоздалъ, но пріѣхалъ. Когда мы спускались, онъ подымался. Поэтому я и прочелъ ему потомъ весь разговоръ по лентѣ, чтобы онъ подтвердилъ.

Раупахъ. Разговоръ шелъ отъ Вашего имени и отъ имени Львова?

Керенскій. Да. Онъ сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, запоздаетъ нѣсколько, но такъ какъ Корниловъ былъ уже около 20 минутъ у аппарата, то я не сталъ ждать и вопросы задавалъ отъ имени двухъ.

Раупахъ. А почему Вы считали необходимымъ отъ имени двухъ говорить, чѣмъ это было вызвано? Такъ было удобнѣе съ Корниловымъ разговаривать?

Керенскій. Потому что Львовъ отъ Корнилова ко мнѣ пріѣхалъ. Онъ сказалъ, что исполняетъ порученіе Корнилова: Мы такъ и условились, что будемъ говорить вмѣстѣ. Когда мы спускались, а Львовъ шелъ навстрѣчу, онъ спросилъ меня, говоритъ: „что же, Александръ Федоровичъ, я вѣр-

нымъ другомъ оказался? Не обманулъ Васъ“? Я говорю: „нѣтъ“.

Раупахъ. Это послѣ разговора? (съ Корниловымъ)?

Керенскій. Да. А затѣмъ поѣхали вмѣстѣ сюда.

Раупахъ. Здѣсь въ присутствіи Балавинскаго?

Керенскій. Здѣсь въ присутствіи Балавинскаго Львовъ въ основныхъ чертахъ повторилъ, что нужно было изъ дневного разговора со мной. А главное мнѣ важны были не столько слова, сколько возможность установить черезъ свидѣтеля тонъ, взволнованность и ту серьезность исключительную, кот. придавалъ всему этому самъ Львовъ.

Колоколовъ. А Львовъ зналъ, что Балавинскій присутствовалъ?

Керенскій. Нѣтъ не зналъ.

[Только теперь, когда передъ моими глазами вся компанія, которую ведутъ противъ меня оба крайнихъ фланга на почвѣ корниловщины, только теперь я вполнѣ оцѣнилъ все значеніе того, что тогда 26-го въ самомъ вихрѣ я успѣлъ сообразить о необходимости, хотя бы нѣкоторой гарантіи для огражденія себя самого. Могу себѣ представить, что было бы, если бы разговоръ съ В. Львовымъ „наединѣ“ не былъ бы запротоколенъ, хотя невольнымъ, но живымъ свидѣтелемъ, извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ.]

Предсѣдатель. Кому же въ порядкѣ постепенности Вы изволили передать то предложеніе Львова и разговоръ съ Корниловымъ по лентѣ? и когда прочитали эту ленту и записку, не было ли какихъ-нибудь возраженій со стороны Вашихъ товарищей?

Керенскій. Было такъ. Мы вернулись съ аппарата. Произошелъ второй разговоръ со Львовымъ. Затѣмъ я приказалъ его арестовать. Къ этому времени тутъ собрались, насколько я помню, Некрасовъ, Вырубовъ, Балавинскій, кажется былъ, я не помню, — Терещенко пріѣхалъ въ это время или нѣтъ. Мѣстъ довольно много было занято за этимъ столомъ, но кто былъ, не помню хорошо, потомъ Савинковъ пришелъ.

Предсѣдатель. Никто, ознакомившись съ этой лентой, не сдѣлалъ возраженій Вамъ по этому поводу?

Керенскій. Савинковъ предлагалъ сейчасъ же переговорить съ Корниловымъ по прямому проводу, это я помню.

[Я помню также, очень хорошо, что въ этой просьбѣ я Савинкову отказалъ. Отказалъ я потому, что, по мнѣнію Савинкова, Пр-ство обязано было „исчерпать“ всѣ средства для мирной и безъ огласки ликвидаціи конфликта. Я же находилъ, что на лицо было не „конфликтъ“, т. е. не столкновеніе двухъ равноправныхъ сторонъ, а преступленіе, которое нужно было ликвидировать мирно, но не переговорами съ преступнымъ генераломъ, а волей Вр. Пр-ства, которой нарушившій свой долгъ Главнокомандующій, долженъ немедленно подчиниться. Съ той минуты, какъ разговаривая по прямому проводу съ Корниловымъ, я убѣдился въ его замыслѣ, меня *никто и ничто не могло уже сбить съ этой* точки зрѣнія.

Мысль же, что Львовъ „напуталъ“ и что все здѣсь „недоразумѣніе“ эта мысль стала популярной уже на другой только день—27 августа. Самъ Савинковъ утромъ 27 августа говорилъ еще по прямому проводу съ Филоненко такъ: „къ сожалѣнію, Вы недостаточно освѣдомлены: ген. Корниловъ подтвердилъ соображенія своего посланника, разговаривая съ А. Ф. по Юзу. Рѣшенія приняты“. А вечеромъ 26 августа Савинковъ же предложилъ мнѣ послать на фронтъ телеграмму, чтобы двинуть къ Ставкѣ извѣстную ему „вѣрную“ часть: свѣдѣнія же, полученныя изъ Ставки въ ночь на 27 августа, могли только усилить тревогу. А именно, около часа ночи, Филоненко далъ довольно смутное сообщеніе своимъ „условнымъ“ языкомъ — о высотахъ (Корниловъ), переходящихъ изъ рукъ въ руки; о доблестныхъ генералахъ, идущихъ въ атаку; о танцѣ между двумя геркулесовыми столбами (Керенскій, Корниловъ); о какомъ-то предполагаемомъ въ Ставкѣ съѣздѣ высокихъ лицъ и т. д... Изъ этого сообщенія было видно только одно, что въ Ставкѣ происходитъ что-то необычное.

А происходило тамъ вотъ что: въ ожиданіи результатовъ миссіи Львова въ кабинетѣ у Корнилова шло „окончательное обсужденіе“ формъ диктатуры. Шелъ споръ — быть ли Корнилову единоличнымъ диктаторомъ съ совѣтомъ

министровъ при немъ, или создать „совѣтъ обороны подъ предсѣдательствомъ Корнилова, а министровъ подчинить этому совѣту. Побѣдила вторая схема. И „установленіе единоличной диктатуры“ было признано нежелательной. Кѣмъ же признано? Господами — Завойко, Аладьинымъ и Филоненко. При чемъ честь провала личной диктатуры приписываетъ себѣ г. Филоненко.

Установивъ въ столь компетентномъ собраніи форму правленія, Корниловъ въ этомъ же обществѣ набрасываетъ списокъ министровъ, обсуждаетъ программу и т. д. Наконецъ, получивъ мое „согласіе“ сдать безъ боя Вр. Пр-ство, г. Корниловъ, облегченно вздохнувъ, спѣшно разсылаетъ „излюбленнымъ людямъ“: Милюкову, Родзянко, Маклакову и т. д., телеграфное приглашеніе въ виду грознаго положенія, пожаловать въ Ставку. Вотъ какого рода „недоразумѣніе“ происходило въ Ставкѣ!

Однако, на другой день, послѣ разговора Савинкова съ Корниловымъ около 6 час. вечера, въ Петербургѣ распространяется версія о томъ, что Львовъ напуталъ, что въ дѣйствительности произошло недоразумѣніе. Эта версія завоевываетъ себѣ много энергичныхъ сторонниковъ. Тотъ же Савинковъ утромъ, настаивая на отъѣздѣ изъ Ставки Филоненко, еще говоритъ ему: „прошу Васъ вѣрить мнѣ, что я болѣе освѣдомленъ, чѣмъ Вы и что отъ Васъ поневолѣ, ускользнуло многое, какъ оно ускользнуло послѣдній разъ въ Ставкѣ и отъ меня“. Послѣ же разговора съ Корниловымъ, Савинковъ около 8 час. вечера ѣдетъ въ Зимній Дворецъ и настаиваетъ на необходимости „попробовать исчерпать недоразумѣніе и вступить съ ген. Корниловымъ въ переговоры“. Между тѣмъ, вѣдь въ этомъ разговорѣ ген. Корниловъ не только заявилъ о своемъ *отказѣ* сдать командованіе, но и призналъ фактъ посылки имъ Львова съ заявленіемъ о диктатурѣ. Онъ только объяснилъ, что это заявленіе было отвѣтомъ *на мое* предложеніе. Въ чемъ же было недоразумѣніе, требовавшее переговоровъ? Очевидно, по отношенію къ Вр. Пр-ству *въ цѣломъ* даже по версіи самого Корнилова никакого недоразумѣнія не было. Командующій всѣми дѣйствующими вооруженными силами ген., дѣлающій Пр-ству заявленіе о немедленномъ введеніи

диктатуры—никакимъ Пр-ствомъ ни одной минуты не можетъ быть оставленъ во главѣ армій! А ген. въ этихъ условіяхъ, отказывающійся сдать командованіе,—является уже тяжкимъ государственнымъ преступникомъ.

„Недоразумѣніе тутъ могло состоять, если вѣрить словамъ Корнилова, только въ томъ, что или я дѣйствительно сдѣлалъ ему соотвѣтствующее предложеніе, и потомъ отъ него отказался, или кто-нибудь ввелъ ген. Корнилова отъ моего имени въ заблужденіе. Но тѣмъ, кто повѣрилъ буквально словамъ Корнилова, а, слѣдовательно, призналъ меня его соучастникомъ, тѣмъ, говорю я, не ко мнѣ слѣдовало обращаться съ предложеніемъ о переговорахъ, а ко Вр. Пр-ству *съ требованіемъ моего ареста.*

Тѣ же, кто допускалъ добросовѣстное заблужденіе ген. Корнилова, могли оставаться при этомъ убѣжденіи только до того момента, пока ген. Корнилову не было выяснено, что Львовъ никакихъ полномочій отъ меня имѣть не могъ и не имѣлъ.

Да, и во всякомъ случаѣ, если можно было 27 августа еще допускать, что ген. Корниловъ дѣйствовалъ, добросовѣстно заблуждаясь, то нельзя было не признать, что дѣйствовалъ-то онъ преступно. А, слѣдовательно, и рѣчи не могло быть о переговорахъ Пр-ства съ лицомъ, совершающимъ преступленіе. Можно только было говорить о необходимости отнестись къ нему болѣе мягко, признавая это заблужденіе смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Вотъ почему, полагая, что Савинковъ и др. сторонники переговоровъ 27 августа исходятъ только изъ предположенія о добросовѣстномъ заблужденіи ген. Корнилова, я считалъ возможнымъ ихъ выслушивать и съ ними разговаривать. Я предлагалъ имъ самимъ вести переговоры съ ген. Корниловымъ, т.-е. просилъ ихъ оказать на него возможное воздѣйствіе для того, чтобы онъ подчинился Вр. Пр-ству, пока еще не поздно и пока его выступленіе не вызвало никакихъ тяжелыхъ послѣдствій лично для него, а главное для всего государства. Не только какихъ-либо переговоровъ со стороны Правительства я не могъ допустить, я не могъ допустить даже малѣйшаго промедленія въ принятіи мѣръ противъ ген. Корнилова! Только въ быстротѣ и рѣшительности пресѣченія

дальнѣйшаго развитія событій, я видѣлъ возможность избѣжать кровавыхъ потрясеній.

Конечно, искренніе сторонники предположенія, что всѣ событія вызваны тѣмъ, что Корниловъ былъ введенъ Львовымъ въ заблужденіе, могли говорить о переговорахъ только до утра 28 агуста, т.-е. до появленія объявленія Корнилова о „великой провокаціи“ и о „посланничествѣ“ Львова. Съ этого момента всякія сомнѣнія для нихъ должны были исчезнуть: злая воля была на-лицо. По крайней мѣрѣ для нихъ должно было сдѣлаться очевиднымъ, что всякая возможность переговоровъ исчезла. Тотъ же Савинковъ, когда подъ утро 28 августа узналъ не только то, что Корниловъ отказался сдать должность, но и то еще, что онъ задержалъ Филоненко и двинулъ въ авангардъ коннаго корпуса туземную дивизію, а командиромъ Корпуса назначилъ ген. Крымова, т.-е. не исполнилъ „данныхъ обѣщаній“, онъ понялъ, что „при этомъ положеніи дѣлъ“ уже невозможно было вступить съ ген. Корниловымъ въ переговоры.—А на другой день Савинковъ же издалъ, въ качествѣ Петроградскаго военнаго губернатора, обращеніе къ гражданамъ Петрограда, начинавшееся словами: „Въ грозный для отечества часъ, когда противникъ прорвалъ нашъ фронтъ и пала Рига, ген. Корниловъ подняяъ мятежъ противъ Вр. Пр-ства и Революціи и всталъ въ ряды ихъ враговъ“.]

Керенскій. Ночью, когда я читалъ во Вр. Пр-ствѣ оба документа (ленту разговора съ ген. Корниловымъ и пункты Львова) одинъ за другимъ, то никакихъ возраженій не было, насколько я помню.

Предсѣдатель. Такъ, что вслѣдъ затѣмъ было созвано засѣданіе въ ночь съ 26 на 27 и тамъ...

Керенскій. Засѣданіе и такъ должно было состояться въ этотъ день. На немъ я все подробно изложилъ, какъ и что было; и посѣщеніе Львова и все послѣдующее. Затѣмъ предложилъ... Мое предложеніе тогда сводилось къ тому, чтобы Корниловъ сдалъ должность и больше ничего.

Предсѣдатель. А не предложено ли было министрами Вамъ или вами министрамъ, ввиду сложившагося положенія, ввиду мятежа, который на-лицо, предоставить вамъ

особыя полномочія, всю полноту власти для борьбы съ контръ-революціей?

Керенскій. Да. Не помню, въ какой формѣ. Кажется, я не предлагалъ въ такой формѣ, но указывалъ на необходимость, чтобы мнѣ была предоставлена нѣкоторая свобода дѣйствій. Я считалъ, что иначе нельзя было дѣйствовать.

Предсѣдатель. Значитъ, уже Вр. Пр-ство обсуждало въ этомъ засѣданіи съ 26 на 27 вопросъ о мятежѣ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло?

Керенскій. Я не помню, употреблялось ли слово „мятежъ". Вообще, говорилось о чрезвычайно серьезной обстановкѣ и явномъ непониманіи Корнилова, попыткѣ ниспроверженія Вр. Пр-ства.

Да... Я забылъ еще сказать, почему „они" хотѣли, чтобы я ѣхалъ въ Ставку. Львовъ неоднократно повторялъ, что самое важное для нихъ это именно то, *чтобы произошла легальная передача власти*, чтобы не было захвата, а чтобы было формальное постановленіе Вр. Пр-ства. На этомъ „они", видимо, очень настаивали. По крайней мѣрѣ, Львовъ раза три возвращался къ этому и говорилъ, что чрезвычайно важно для нихъ, чтобы было постановленіе Пр-ства о передачѣ власти, чтобы все въ легальныхъ формахъ произошло.

Раупахъ. Скажите, пожалуйста, что, сдача портфелей министрами на этомъ ночномъ совѣщаніи не вызывалась стремленіемъ предоставить Вамъ болѣе широкую власть для борьбы съ мятежемъ?

Керенскій. Да. Положеніе было такое сложное. Передъ этимъ уже были довольно трудныя взаимоотношенія внутри Вр. Пр-ства. А теперь, при создавшейся обстановкѣ едва ли могли быть быстро приняты всѣ нужныя мѣры. Не было сплоченности и солидарности въ Пр-ствѣ. Въ особенности затрудняла полярность Кокошкина и Чернова. Это были элементы, которые едва ли могли дѣйствовать и даже быть вмѣстѣ въ этотъ часъ.

[Полномочія, полученныя мною для подавленія мятежа ген. Корнилова въ ночь на 27 авг. отъ Вр. Пр-ства, были такъ формулированы въ моемъ обращеніи къ населенію отъ того-же 27 августа... „Вр. Пр-ство признало необходимымъ: для спасенія Родины и Республиканскаго строя уполно-

мочить меня принять скорыя и рѣшительныя мѣры, дабы въ корнѣ пресѣчь всякія попытки посягнуть на Верховную власть въ государствѣ и на завоеванныя въ Революціи права гражданъ. Всѣ необходимыя мѣры къ охранѣ порядка и свободы въ странѣ мною принимаются". Этотъ текстъ подтверждаетъ, что въ ночь на 27 авг. я получилъ не всю полноту власти, а только опредѣленныя полномочія для разрѣшенія опредѣленной задачи—скорѣйшей и безболѣзненнѣйшей ликвидаціи Корниловскаго выступленія. И, если, послѣ почти мгновенной ликвидаціи мятежа, наступило время „пяти", или такъ называемой директоріи, то такая форма управленія *меньше* всего соотвѣтствовала моимъ желаніямъ. Необходимость же такой концентраціи власти, какъ это произошло 27 августа, я думаю, ясна сама собой. Въ борьбѣ съ заговоромъ, руководимымъ единолично волей, государство должно противопоставить этой волѣ власть, способную къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такой властью не можетъ быть никакая коллегія, тѣмъ болѣе коалиціонная.

Ударъ, наносимый Корниловымъ, былъ ударомъ въ самый *стыкъ* коалиціонныхъ силъ, правившихъ страной, — во Вр. Пр-ство,—и неизбѣжно вызывалъ въ немъ усиленіе центробѣжныхъ силъ. Вр. Пр-ство переживало такое же состояніе, въ какомъ оно находилось 3—5 іюня, только перемѣнились роли фланговъ. Борьба же съ Корниловымъ должна была вестись отъ имени и при участіи всего народа и власть должна была дѣйствовать, какъ власть обще-народная, не уклоняясь въ сторону праваго крыла къ соглашенію съ мятежниками, ни въ сторону лѣваго фланга къ борьбѣ подъ видомъ подавленія контръ-революціи съ цѣлыми группами и классами населенія. Эту задачу сосредоточенія власти Вр. Пр-ство, насколько мы сами о себѣ можемъ судить, выполнило; во всякомъ случаѣ ни одной капли крови не было пролито, ни одной лишней жертвы не было допущено, ни одного шага въ сторону отъ клятвеннаго обѣщанія править только во имя общихъ интересовъ всего государства не было сдѣлано!

Въ этомъ и мой отвѣтъ на риторическій вопросъ, заданный 5 сент. на демократическомъ засѣданіи И. Г. Церетелли.—„Правильно или неправильно было то, что въ мо-

ментъ натиска Корнилова, чтобы получить свободу дѣйствій противъ Корнилова, идущаго съ диктатурой къ революціонному Петербургу, въ этотъ моментъ глава Пр-ства ощутилъ необходимость противопоставить Корнилову революціонную единоличную власть, только на этотъ моментъ"? Самъ Церетелли тутъ же отвѣчаетъ, что, по его мнѣнію, „это неправильно". Онъ полагаетъ, что „фактически только сліяніе *всей* демократіи въ этотъ моментъ, непрерывное единеніе власти и всѣхъ представителей власти съ демократіей, могло спасти революцію и... спасти ее на самомъ дѣлѣ".

Если спасли, такъ въ чемъ же дѣло?! Почему Церетелли не только говорилъ про меня, что „въ этотъ моментъ управленія онъ совершилъ ошибки", но и считаетъ возможнымъ заявить, „пусть демократія сама пеняетъ на себя, если на этой высотѣ у ея представителя *закружится* голова". (Рукоп.). Въ чемъ же выразилось это головокруженіе? Въ томъ, что я не бросился 27—30 августа въ объятія стихіи и не превозгласилъ, опираясь на Совѣты, походъ противъ всей не-совѣтской Россіи, утверждая свое всевластіе на ужасахъ гражданской войны?! Или въ томъ, что, оставаясь представителемъ *всей* демократіи, всей свободной и свободѣ преданной Россіи, я не явился въ ночь на 28 августа въ Ц. И. К. С. Р. и С. Д., чтобы "неразрывно слиться" только съ одной, хотя бы и очень вліятельной частью демократіи?! Развѣ тогда не было ясно каждому, что, если бы у меня дѣйствительно закружилась голова,—я бы, именно, въ Ц. И. К, въ ночь на 28 августа, могъ, прикрываясь логунгомъ „вся власть Совѣтамъ", на 2 мѣсяца раньше вернуть Россію къ тираніи. Или, наконецъ, въ томъ, что на другой же день, послѣ безкровнаго конца Корниловскаго движенія, я настаивалъ на возстановленіи дѣятельности Вр. Правительства въ его цѣломъ и только препятствія *извнѣ* помѣшали осуществить это и заставили меня три недѣли, стиснувъ зубы, наблюдать, какъ разрушалось государство и гибла революція только потому, что побѣда всей единой въ своемъ настроеніи Россіи была цѣликомъ приписана исключительно Совѣтамъ С. Р. и С. Д. и мнимые побѣдители все собирались продиктовать свои условія Россіи и Пр-ству?! Нѣтъ, вино побѣды не ударило мнѣ въ голову, но, если угодно, у

меня дѣйствительно кружилась голова, однако только отъ сознанія, что, несмотря на всѣ соблазны, я и на этотъ разъ остался хоть и одинокимъ, но трезвымъ до конца. Остался одинокимъ въ самомъ началѣ мятежа, когда, придравшись къ поведенію Милюкова и газеты „Рѣчь“, слѣва началась травля всей партіи К-д., и „Извѣстія“ Ц. И. К. требовали удаленія представителей этой партіи изъ Пр-ства. Тогда я одинъ говорилъ то, о чемъ на Демократическомъ Совѣщаніи тщетно напоминалъ И. Г. Церетелли—„нельзя подходить съ уголовнымъ критеріемъ къ политическимъ теченіямъ“; или „но когда вамъ говорятъ: надо опредѣлить степень участія отдѣльныхъ лицъ или организацій и на этомъ основаніи отъ политическаго дѣла отмести цѣлую политическую партію, включающую въ себя разнородные элементы, то это невѣрная политическая постановка вопроса“].

Раупахъ. Такъ что съ этого момента, когда портфели были вамъ вручены, вы считали, что вся полнота власти принадлежитъ вамъ?

Керенскій. Нѣтъ, я не считалъ, почему и отставокъ не принималъ. Задача заключалась только въ томъ, чтобы создать возможность быстро и рѣшительно дѣйствовать и сдѣлать, если понадобится перегруппировку во Вр. Пр-ствѣ. На этомъ создалось нѣкоторое обостреніе съ частью министровъ К.-Д. Выяснилась нѣкоторая разница отношенія къ событіямъ. Большинство министровъ продолжали исполнять обязанности и фактически всемѣрно содѣйствовать прекращенію мятежа. И только небольшая очень группа министровъ (собственно двое) сразу поставила вопросъ объ отставкѣ, совершенно формально и рѣшительно устранилась отъ малѣйшаго прикосновенія къ Вр. Пр-ству. Они подчеркивали, что они больше не министры. Я заявилъ имъ тогда, что значитъ, они сами вышли въ отставку, такъ какъ мной общая отставка членовъ Вр. Пр-ства не принята.

[Черновъ тоже сразу вышелъ тогда изъ состава Вр. Пр-ства, но усиленно подавлялъ мятежъ, объѣзжалъ позиціи вокругъ СПБ. и выпустилъ свое, нашумѣвшее тогда, воззваніе „селянскаго министра“. Теперь, когда въ Россіи, или, лучше сказать, въ Московіи, какъ и встарь свирѣпствуютъ рыцари „слова и дѣла“, я считаю своимъ долгомъ

подчеркнуть, что поведеніе этихъ двухъ министровъ К.-Д. вовсе не было типично. Остальные министры К.-Д. остались съ большинствомъ Вр. Пр-ства. Тѣмъ болѣе, по поведенію этихъ двухъ лицъ во Вр. Пр-ствѣ нельзя заключать о тогдашнемъ настроеніи всей кадетской партіи.

Нужно быть объективнымъ и вспомнить 3—5 іюля. Тогда все было также, но только наоборотъ. Тогда попытка возстанія исходила отъ враждебныхъ коалиціи, но только лѣвыхъ элементовъ; также нужно было принять быстрыя и рѣшительныя мѣры и также были колебанія, но только на другомъ флангѣ Вр. Пр-ства; были колебанія, пока не докатились раскаты грома изъ-подъ Калуща и Тарнополя. Теперь, какъ и тогда, никто не одобрялъ „способа дѣйствія":— „оба раза въ этомъ вопросѣ была полная солидарность обоихъ фланговъ Вр. Пр-ства. Оба раза вопросъ былъ лишь въ томъ, какъ бороться—рѣшительно или искать путь къ примиренію. И какъ послѣ 3—5 іюля людямъ, совершенно чуждымъ соціалъ-максималистскому строю души, самое колебаніе въ вопросѣ о необходимости рѣшительныхъ мѣръ, казалось преступленіемъ, такъ и послѣ 26—30 августа въ ряды „измѣнниковъ революціи" попали всѣ тѣ, кто по существу былъ виновенъ въ томъ же, т. е. виновенъ въ чрезмѣрной близости къ душевному строю Корниловцевъ; слишкомъ интимномъ пониманіи мотивовъ ихъ дѣятельности. Обѣ стороны, каждая въ свое время, изъ-за деревьевъ не видѣла лѣса, изъ-за своихъ личныхъ переживаній не видѣла государства и той страшной опасности, которая *одинаково* таилась и въ большевизмѣ и въ корниловщинѣ. Оба раза положеніе членовъ Вр. Пр-ства, слишкомъ понимающихъ мотивы преступныхъ выступленій, было тѣмъ болѣе трудно, что въ нѣдрахъ ихъ собственныхъ партій этотъ то лѣвый, то правый максимализмъ, находилъ уже дѣйственный откликъ. Вспомнимъ Камкова, Мартова въ дни 3—5 іюля; Милюкова, Струве въ дни Корниловскаго движенія.

Недостаточная рѣзкость граней была и силой и слабостью коалиціонной власти; была силой, пока государственное сознаніе побѣждало классовые и групповые интересы; дѣлалась слабостью, когда гасло это сознаніе.

Возвращаясь къ министрамъ к.-д., бывшимъ во Вр.

Пр-ствѣ во время, до и послѣ Корниловщины, я долженъ засвидѣтельствовать всю завѣдомую злостность обвиненія такихъ чистыхъ людей, какъ Карташевъ, Ольденбургъ, Кишкинъ и др., въ какихъ-либо козняхъ и заговорахъ противъ демократіи. Радикалы по убѣжденію, они, если и представляли, какъ члены партіи к.-д., русскую буржуазію, то ту ея разумную часть, „которая, по словамъ того же Церетелли, поняла, что въ этотъ моментъ Корниловская затѣя обозначала не утвержденіе тѣхъ началъ, во имя которыхъ выступалъ Корниловъ, *а полное разрушеніе страны*". И партія к.-д. въ цѣломъ поняла ошибку своихъ отдѣльныхъ членовъ: послѣ 27—29 августа, Милюковъ вскорѣ уѣхалъ „отдыхать" въ Крымъ, а мнѣ, какъ министру предсѣдателю, пришлось вплоть до открытія Временнаго Совѣта Республики, при переговорахъ съ партіей к.-д. имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ чрезвычайно разумнымъ, прозорливымъ и дѣйствительно государственнымъ человѣкомъ — В. Д. Набоковымъ].

Раупахъ. Я этотъ вопросъ о вашихъ полномочіяхъ предлагаю потому, что увольненіе Верх. Главнокомандующаго возможно лишь только указомъ Правительства.

Керенскій. Это и было сдѣлано *до* отставки.

Раупахъ. А былъ указъ, постановленіе Пр-ства объ увольненіи Корнилова?

Керенскій. Это сейчасъ же рѣшили.

Предсѣдатель. И онъ имѣется въ письменной формѣ?

Керенскій. Я не знаю, имѣется ли въ письменной формѣ, т. к. было бурное засѣданіе.

Раупахъ. Такъ что увольненіе не было актомъ лично вашимъ, а это было постановленіе Пр-ства?

Керенскій. Конечно. Я не могу только сказать, было ли постановленіе тутъ же записано. Во время засѣданія сидитъ Управляющій дѣлами Вр. Пр-ства, чины Канцеляріи и потомъ всѣ постановленія вносятся въ журналъ. Я помню только, что мое предложеніе заключалось въ томъ, что необходимо немедленно предложить Корнилову сдать должность. Такъ я и заявилъ.

Раупахъ. Не помните, какъ была редактирована телеграмма отъ имени вашего или, что Вр. Пр.-ство предлагаетъ?

Керенскій. Телеграмма была на-спѣхъ составлена.

Раупахъ. Въ исходящій журналъ не была внесена?

Керенскій. Она очень на-спѣхъ была составлена, нужно помнить обстановку этой ночи.

Раупахъ. Но она должна имѣться, она была передана по прямому проводу. Здѣсь она должна имѣться,—тамъ мы ее найти не могли?

Керенскій. Гдѣ тамъ?

Раупахъ. Въ Ставкѣ—тамъ ее не оказалось.

Керенскій. То-есть, какъ *не оказалось?*!

Шабловскій. Она оказалась затерянной. Она была взята Корниловымъ, бралась въ штабъ, пользовались ею какъ показаніемъ, но тамъ ее не оказалось. Подлинника мы не получали.

Раупахъ. Такъ что увольненіе Корнилова было актомъ не лично вашимъ, а постановленіемъ Правительства? Это очень важно.

Керенскій. Это было предложено и принято во Вр. Пр-ствѣ до врученія мнѣ отставокъ. Это несомнѣнно. Я сдѣлалъ подробный докладъ и соотвѣтствующій изъ него выводъ.

[Слѣдст. Комиссія такъ подробно выясняла моментъ увольненія ген. Корнилова и условія, при которыхъ состоялась посылка ему телеграммы объ этомъ потому, что съ теченіемъ слѣдствія однимъ изъ серьезныхъ мотивовъ Корниловскаго отказа сдать командованіе стали выдвигать формальные дефекты той телеграммы, о которой идетъ рѣчь въ этомъ мѣстѣ моего допроса. Недостатки эти были:— 1) отсутствіе на ней номера, 2) простая подпись—„Керенскій“, безъ обозначенія моихъ званій, 3) отсутствіе ссылки на постановленіе Вр. Пр-ства. Но, если бы, дѣйствительно возникли у ген. Корнилова какія-либо серьезныя сомнѣнія въ подлинности этой телеграммы или въ моемъ правомочіи ее послать, то, во 1-хъ, Корниловъ сейчасъ же могъ бы и долженъ былъ бы сдѣлать провѣрочный запросъ, а во 2-хъ, эти сомнѣнія какъ-нибудь отразились бы въ разговорѣ по-

Юзу съ Савинковымъ днемъ 27 августа. Ничего подобнаго, конечно, не случилось. Въ мотивахъ отказа сдать должность, изложенныхъ въ юзограммѣ, ни слова нѣтъ о формальныхъ дефектахъ телеграммы и только въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ показаній мелькомъ говорится: „Утромъ 27 августа я получилъ телеграмму за подписью „Керенскій“, но безъ №, съ указаніемъ сдать должность Лукомскому“. И все!

Филоненко, если, въ данномъ случаѣ, его показанію можно довѣрить, устанавливаетъ, что только онъ возбудилъ у ген. Корнилова сомнѣніе въ подлинности этой телеграммы и что самъ же онъ въ разговорѣ съ Савинковымъ 27 августа днемъ выяснилъ ея достовѣрность. Другими словами и по версіи Филоненко вытекаетъ, что разъясненіе сомнѣній, въ подлинности телеграммы ровно никакъ не отразилось на дальнѣйшемъ поведеніи Корнилова. Да и ген. Лукомскій вовсе не сомнѣвался въ подлинности моей телеграммы, такъ какъ онъ до всякихъ разъясненій послалъ мнѣ свою отвѣтную телеграмму съ мотивированнымъ отказомъ вступить въ командованіе вмѣсто ген. Корнилова.

Я нарочно болѣе подробно выяснилъ этотъ ничтожный эпизодъ съ телеграммой, чтобы показать, съ какой тщательностью и вниманіемъ Слѣдст. Комиссія провѣряла всякое указаніе въ пользу ген. Корнилова; стремилась установить малѣйшій фактъ, который могъ бы дать поведеніе генерала оправдывающій его мотивъ. Какъ далека была дѣятельность Слѣдст. Комиссіи, лично мной составленной, отъ стремленія—„въ быстротѣ суда и въ могилахъ скрыть истину, цѣли движенія, участіе въ дѣлѣ членовъ Правительства“! А между тѣмъ, именно, эти цѣли приписываетъ ген. Алексѣевъ „невидимымъ участникамъ (корниловскаго возстанія), которые явились вершителями судебъ и руководителями слѣдствія“. А развѣ весь протоколъ моего допроса не доказывалъ той дѣйствительной независимости Слѣдст. Комиссіи, которая давала ей возможность такъ тщательно, а иногда и придирчиво изслѣдовать связанныя съ дѣломъ Корнилова дѣйствія самого „вершителя судебъ“... Не доказываетъ ли Алексѣевская инсинуація лишь одного, что общество, воспитанное Щегловитовской юстиціей, заслуживаетъ только „Стучкина суда“!]

Шабловскій. Что произошло, г. Министръ, послѣ отправки первой телеграммы въ хронологическомъ порядкѣ, какія были возраженія, ввиду вырабатывающагося сообщенія Мин. Предсѣдателя отъ 27 августа?

Керенскій. Кажется, возникъ вопросъ о желательности задержать эту телеграмму и она была задержана, кажется... Собственно, о какой телеграммѣ идетъ рѣчь?

Шабловскій. О сообщеніи отъ Вашего имени 27 августа. (Одинъ изъ членовъ Комиссіи даетъ Керенскому телеграмму, о которой идетъ рѣчь).

[Помню, что разсылка этой телеграммы (обращенія моего къ населенію) была задержана по радіо, но не по тѣмъ мотивамъ, на которыхъ настаивали лица, предлагавшія ее задержать. Эти лица хотѣли отсрочить, вообще, опубликованіе „конфликта" по ихъ словамъ, Вр. Пр-ства съ ген. Корниловымъ для того, чтобы не потеряна была возможность найти „компромиссъ", исчерпать недоразумѣніе мирными средствами на почвѣ „взаимныхъ уступокъ". Я уже объяснилъ, почему на это пойти я не могъ. Къ тому же, къ вечеру 27 и особенно въ ночь на 28-е большинство соглашателей настаивало на компромиссѣ, исходя уже не изъ гипотезы о добросовѣстномъ заблужденіи Корнилова (она къ этому времени уже была опровергнута фактами), а исходя „изъ трезваго подсчета реальныхъ силъ". Къ этому времени ген. Корниловъ былъ уже борющейся стороной, мобилизовавшей свои силы.

Въ широкомъ общественномъ мнѣніи существуетъ убѣжденіе, что активное выступленіе ген. Корнилова противъ Вр. Пр-ства началось *послѣ* ознакомленія его съ разосланнымъ по телеграфу моимъ обращеніемъ къ населенію отъ 28 августа и послѣ телеграфнаго запрещенія желѣзнымъ дорогамъ исполнять распоряженія „бывшаго" Главковерха, т. е. Корнилова. Это убѣжденіе — совершенное заблужденіе! Заблужденіе, которое усиленно поддерживается Корниловцами. Да и самъ Корниловъ, говоря, что только 28 августа онъ „рѣшилъ выступить открыто и, произведя давленіе на Вр. Пр-ство, заставить его... „пытается это свое выступленіе изобразить, какъ слѣдствіе того, что „28 августа Вр. Пр-ство объявило меня измѣнникомъ родины".

На самомъ дѣлѣ, обращеніе мое въ рѣшеніи Корнилова выступить не сыграло никакой роли. Это видно, хотя бы изъ той резолюціи, которую ген. Корниловъ того же 28 августа положилъ на доложенной ему копіи моей телеграммы ген. Клембовскому отъ 27 августа: „Прошу ген. Клембовскаго срочно увѣдомить меня о его рѣшеніи, такъ какъ на основаніи его *вчерашней*, (т. е. отъ 27 авг.) телеграммы мною *уже* принято опредѣленное рѣшеніе, *отмѣна* котораго явится *причиной* большихъ потрясеній въ Арміи и странѣ“. 27 же августа эшелоны Крымова стали насильственно прорываться впередъ, такъ что пришлось для задержанія ихъ начать разборку рельсъ. 27 августа закончились сношенія ген. Корнилова съ фронтами и *послано предписаніе* командующимъ войсками тыловыхъ округовъ *впредь* подчиняться Корнилову, по крайней мѣрѣ, такая телеграмма командующему Московскимъ округомъ мнѣ извѣстна. Ген. Деникинъ въ тотъ же день успѣлъ послать Вр. Пр-ству свою лапидарную, но ясную телеграмму № 145, начинающуюся словами: „я солдать и въ *прятки* играть не умѣю“... и принять на мѣстѣ рядъ недвусмысленныхъ мѣръ. Однимъ словомъ, 27 августа въ Ставкѣ шла самымъ напряженнымъ образомъ мобилизація силъ для операцій широкимъ фронтомъ. Такимъ образомъ въ ночь на 28 августа, когда соглашатели осаждали меня въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Ставкѣ давно уже было принято безповоротное рѣшеніе „заставить Вр. Пр-ство: 1) исключить изъ своего состава тѣхъ министровъ, которые, по имѣющимся у меня (Корнилова) свѣдѣніямъ, были предатели родины, 2) перестроиться, такъ, чтобы странѣ была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказанія давленія на Врем. Пр-ство я рѣшилъ воспользоваться 3-мъ коннымъ корпусомъ ген. Крымова, которому и приказалъ продолжать сосредоточеніе къ Петербургу“, дѣлаетъ цѣннѣйшее признаніе ген. Корниловъ, полагая, что его честному солдатскому слову повѣритъ каждый и ни у кого и сомнѣній не явится въ томъ, что только *оскорбленный* Пр-ствомъ Корниловъ *внезапно* рѣшился на открытое выступленіе. А между тѣмъ даже проектъ знаменитаго объявленія къ русскимъ людямъ былъ заготовленъ 27 августа и мое обращеніе, можетъ быть,

только ускорило его опубликованіе съ соотвѣтственно измѣненнымъ въ началѣ текстомъ [1]).

[1]) Вотъ параллельный текстъ двухъ документовъ, на которые мнѣ приходится такъ часто ссылаться.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ НАСЕЛЕНІЮ.

ОБЪЯВЛЯЮ:

26 августа ген. Корниловъ прислалъ ко мнѣ Члена Гос. Думы В. Н. Львова съ требованіемъ передачи Вр. Пр.-ствомъ всей полноты гражданской и военной власти съ тѣмъ, что имъ по личному усмотрѣнію будетъ составлено НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО для управленія страной. Дѣйствительность полномочій Члена Гос. Думы Львова сдѣлать такое предложеніе была подтверждена затѣмъ ген. Корниловымъ при разговорѣ со мной по прямому проводу. Усматривая въ предъявленіи этихъ требованій, обращенныхъ въ моемъ лицѣ къ Вр. Прав. желаніе нѣкоторыхъ круговъ русскаго общества воспользоваться тяжелымъ положеніемъ государства для установленія въ странѣ государственнаго порядка, противорѣчащаго завоеваніямъ революціи, Вр. Пр.-ство признало необходимымъ:

Для спасенія РОДИНЫ, свободы и республиканскаго строя уполномочить меня принять скорыя и рѣшительныя мѣры, дабы въ корнѣ пресѣчь всякія попытки посягнуть на верховную власть въ Государствѣ и на завоеванныя революціей права гражданъ.

Всѣ необходимыя мѣры къ охранѣ свободы и порядка въ странѣ мною принимаются, и о таковыхъ мѣрахъ населеніе своевременно будетъ поставлено въ извѣстность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приказываю:

1) Ген. Корнилову сдать должность Верховнаго Главнокоманд. ген. Клембовскому, Главнокомандующему арміями сѣвернаго фронта, преграждающаго пути къ Петрограду. Ген. Клембовскому временно вступить въ должность Верховнаго Главнокомандующаго, оставаясь въ Псковѣ.

2) Объявить г. Петроградъ и Петроградскій уѣздъ на военномъ положеніи, распространивъ на него дѣйствіе правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (Св. Зак. т. II общ. учр. губ. ст. 23 и прил. къ ней 1892 г., а по прод. 1912 г.) Призываю всѣхъ гражданъ къ полному спокойствію и сохраненію порядка, необходимаго для спасенія Родины. Всѣхъ чиновъ арміи и флота призываю къ самоотверженному и спокойному исполненію своего долга—защиты Родины отъ врага внѣшняго.

Министръ Предсѣдатель, Военный и Морской Министръ А. Ф. Керенскій.

27 августа 1917 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Телеграмма Министра Предсѣдателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылалъ члена Гос. Думы Владиміра Львова къ Вр. Пр.-ству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ Министра Предсѣдателя. Тому свидѣтель членъ Гос. Думы Алексѣй Аладьинъ.

Такимъ образомъ, свершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу ОТЕЧЕСТВА

РУССКІЕ ЛЮДИ!

Великая родина наша умираетъ.

Близокъ часъ кончины.

Вынужденный выступить открыто—я, ген. Корниловъ, заявляю, что Вр. Пр.-ство подъ давленіемъ большевистскаго большинства совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба, одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Рижскомъ побережьѣ, убиваетъ армію и потрясаетъ страну внутри.

Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей РОДИНЫ. Всѣ, у кого бьется въ груди русское сердце, всѣ, кто вѣритъ въ Бога, въ храмы, молите Господа Бога объ объявленіи величайшаго чуда, спасенія Родной Земли. Я, ген. Корниловъ,—сынъ казака-крестьянина, заявляю всѣмъ

Итакъ, моя телеграмма, которую хотѣли задержать соглашатели, не только ничего не „вызвала", но оказала даже существенную помощь Ставкѣ, давъ ей возможность еще больше запутать слѣды. Сначала было принято опредѣленное рѣшеніе, отмѣна котораго „явится причиной большихъ потрясеній въ арміи и странѣ" *только тогда послѣдовалъ отказъ сдать должность.* Вотъ дѣйствительная послѣдовательность событій.

Только быстрыя рѣшительныя мѣры могли спасти страну и спасли ее тогда отъ большихъ и кровавыхъ потрясеній. Я тѣмъ болѣе не могъ допустить никакого промедленія, что для меня еще съ вечера 26 авг. стало очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ событіями, развертывающимися по заранѣе обдуманному плану, что, разсчитывая взять Вр. Пр-ство безъ боя врасплохъ, заговорщики предусматривали возможность и другого поворота событій. Нужно было также учесть возможность всякихъ неожиданностей со стороны тѣхъ подготовленныхъ въ разныхъ мѣстахъ въ томъ числѣ въ СПБ. кадровъ, о которыхъ мы имѣли свѣдѣнія. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ поѣздахъ, задержанныхъ въ пути 27—28 августа по направленію отъ Могилева къ СПБ., ѣхали группы лицъ, которыя должны были проявить себя въ СПБ. активной поддержкой Ставкѣ.]

Предсѣдатель. Не было ли возраженій противъ посылки этой телеграммы отъ 27 августа?

Керенскій. Были возраженія. Говорили, что дѣло м. б. кончится компромиссомъ. Говорили это тѣ, кто держался точки зрѣнія наиболѣе ярко выраженной потомъ Милюковымъ, *который явился ко мнѣ съ предложеніемъ посредничества и съ заявленіемъ, что я долженъ понимать, что вся реальная сила на сторонѣ Корнилова.*

Пока не выяснилось окончательно, что мои предсказа-

и каждому, что мнѣ лично ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи и клянусь довести народъ—путемъ побѣды надъ врагомъ,—до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свои судьбы и выберетъ укладъ своей новой государственной жизни.

Предать же Россію въ руки ея исконнаго врага — германскаго племени—и сдѣлать русскій народъ рабами нѣмцевъ я не въ силахъ и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама Русской Земли.

Русскій народъ. Въ твоихъ рукахъ жизнь твоей родины!

Генералъ Корниловъ.

27 августа 1917 года.

нія были правильны, т. е. пока Корниловъ не оказался совершенно въ безвоздушномъ пространствѣ. До послѣдней минуты была масса сторонниковъ компромисса или, вѣрнѣе сказать, сдачи позицій Корнилову.

[Посѣщеніе Милюковымъ моего кабинета произошло 28 авг. днемъ.

По этому поводу въ своемъ показаніи ген. Алексѣевъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ представлялось весьма вѣроятнымъ, что въ этомъ дѣлѣ ген. Корниловъ дѣйствовалъ по соглашенію съ нѣкоторыми членами Вр. Пр-ства и что только послѣдніе дни 26—28 августа это соглашеніе или было нарушено, или народилось какое-то недоразумѣніе, то въ 3 часа дня 28 августа Милюковъ и я отправились еще разъ къ Министру Предсѣдателю, чтобы сдѣлать попытку склонить его къ командированію въ Могилевъ нѣсколькихъ членовъ Правительства и Милюкова для выясненія соглашенія, или уже въ крайнемъ случаѣ къ продолженію переговоровъ по аппарату Юза. Но въ этомъ намъ было *рѣшительно отказано*". Я долженъ сказать, что тогда у меня въ кабинетѣ ген. Алексѣевъ все время молчалъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ о положеніи фронта при создавшемся безначаліи, и для меня было не совсѣмъ даже ясно, зачѣмъ онъ присутствовалъ при объясненіи моемъ съ Милюковымъ. Во всякомъ случаѣ, тогда въ 3 часа дня 28 августа мнѣ и въ голову не приходило, что предо мною сидятъ не только единомышленники, но еще единомышленники, являющіеся ко мнѣ съ нѣкотораго собранія, какъ я потомъ узналъ. Едва ли нужно говорить, что на *ту* мотивировку необходимости продолжать переговоры, которая изложена въ показаніи ген. Алексѣева, въ разговорѣ со мною Милюковъ ни разу даже не намекнулъ, ибо, если бы это случилось, то ему... не пришлось бы свою бесѣду довести до конца.

Милюковъ аргументировалъ интересами государства, патріотичностью мотивовъ выступленія ген. Корнилова, заблуждающагося только въ средствахъ и, наконецъ, какъ ultimo ratio онъ привелъ мнѣ рѣшающій, по его мнѣнію, и реальнѣйшій доводъ—вся реальная сила на сторонѣ Кор-

нилова![*]) На это, помню, я ему отвѣтилъ, что я предпочитаю погибнуть, но аргументу силы право не подчиню; что меня удивляетъ, какъ можно являться съ предложеніемъ переговоровъ ко мнѣ—Министру Предсѣдателю послѣ того, какъ ген. Корниловъ осмѣлился объявить Членовъ Врем. Пр-ства агентами германскаго генеральнаго штаба... Да, я былъ взбѣшенъ; я страшно возмутился, что Милюковъ совершенно не реагируетъ на этотъ, болѣе чѣмъ недопустимый,

---

[1]) На какія реальныя силы разсчитывали въ Ставкѣ и какъ тщательно тамъ была обоснована увѣренность въ широкой поддержкѣ и успѣхѣ „открытаго выступленія противъ Вр. Пр.-ства", видно изъ слѣдующей авторизованной ген. Корниловымъ „дипломатической" телеграммы князя Трубецкого, посланной имъ *утромъ* 28 августа за № 262 Министру Ин. Дѣлъ; я говорю о телеграммѣ, авторизованной ген. Корниловымъ, потому что прежде, чѣмъ послать въ СПБ., князь Трубецкой показалъ ее ген. Корнилову и тотъ, „ознакомившись съ текстомъ, замѣтилъ—„посылайте". Вотъ текстъ этой, только теперь сдѣлавшейся мнѣ извѣстной, телеграммы.

„Трезво оцѣнивая положеніе, приходится признать, что весь командный составъ, подавляющее большинство офицерскаго состава и лучшія строевыя части арміи пойдутъ за Корниловымъ. На его сторону станетъ *въ тылу* все казачество, большинство Военныхъ Училищъ, а также лучшія строевыя части. Къ физической силѣ слѣдуетъ присоединить превосходство военной организаціи надъ слабостью правительственныхъ организмовъ, моральное сочувствіе всѣхъ несоціалистическихъ слоевъ населенія, а въ низахъ растущее недовольство существующихъ порядковъ, въ большинствѣ же народной и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушіе, которое подчиняется *удару хлыста*. Нѣтъ сомнѣнія, что громадное количество мартовскихъ соціалистовъ не замедлитъ перейти на сторону ихъ. Съ другой стороны, послѣднія событія на фронтѣ и въ тылу, особенно въ Казани, съ наглядной очевидностью выяснили картину полной несостоятельности нынѣшняго порядка вещей и неизбѣжность катастрофы, если немедленно не произойдетъ переломъ. Это соображеніе является, повидимому, рѣшающимъ для ген. Корнилова, который сознаетъ, что только рѣшимостью можно остановить Россію у края бездны, въ которую она иначе скатится. Говорить, что Корниловъ подготовляетъ торжество Вильгельма, не приходится въ ту минуту, когда германскимъ войскамъ останется преодолѣть только наши пространства. Отъ людей, стоящихъ нынѣ у власти, зависитъ, пойдутъ ли они навстрѣчу неизбѣжному перелому, чѣмъ сдѣлаютъ его безболѣзненнымъ и охранятъ дѣйствительные залоги народной свободы, или же своимъ сопротивленіемъ примутъ отвѣтственность за новыя неисчислимыя бѣдствія. Я убѣжденъ, что только безотлагательный пріѣздъ сюда Министра Предсѣдателя, Управляющаго Воен. Минист.. а также Васъ для совмѣстнаго съ Верховн. Главнокоманд. установленія основъ сильной власти можетъ предотвратить грозную опасность междоусобія". Не подтверждаетъ ли эта телеграмма еще разъ, что и мои срочныя мѣры противъ выступленія ген. Корнилова были въ достаточной мѣрѣ обоснованы.

выпадъ Корнилова, хотя во Врем. Пр-ствѣ сидятъ его ближайшіе политическіе друзья. Даже Трубецкой, находившійся подъ сильнымъ давленіемъ Ставочной атмосферы, разсказываетъ, что, когда днемъ 28 августа ознакомился съ содержаніемъ объявленія къ русскимъ людямъ (приказа № 1), онъ былъ „настолько удивленъ имъ, что усумнился въ его подлинности", и ему стало ясно, что „случайные люди подсунули ген. Корнилову документъ, который тотъ, не продумавъ его глубоко, подписалъ". Текстъ этого документа сдѣлалъ кн. Трубецкому яснымъ, что примиреніе невозможно.

Помню также, какъ во время этого разговора, когда я указывалъ Милюкову, что мое отношеніе къ выступленію Корнилова не можетъ быть инымъ, чѣмъ отношеніе мое въ іюлѣ къ большевикамъ, что съ точки зрѣнія государственной власти и тогда и теперь положеніе совершенно одинаково, что Правительство стоитъ передъ такой же попыткой насильственнаго захвата власти и т. д., помню, какъ Милюковъ изъ разницы мотивовъ преступленія (разницы мотивовъ не отрицалъ и не отрицаю и я) приходилъ къ требованію различнаго отношенія власти и къ самому преступленію. Передо мной былъ *іюльскій Мартовъ наизнанку.* Да, вѣдь и передовицы въ „Рѣчи" этого времени соотвѣтствовали передовицамъ „Новой Жизни"—времени большевистскаго возстанія.

Я уже говорилъ, какой благодарный матеріалъ отдѣльные видные либералы своимъ поведеніемъ въ корниловскіе дни дали большевистскимъ и полубольшевистскимъ демагогамъ. *На единственную государственную идею, которая спасала Государство отъ политической смерти на идею единой обще-національной власти начался въ рядахъ демократіи послѣдній натискъ.* Одни шли въ атаку открыто, другіе трусливо, прикрываясь лозунгомъ—„коалиція безъ кадетъ"—отлично зная, что этотъ лозунгъ практически означаетъ отрицаніе коалиціи, такъ какъ все прогрессивное, но не демократическое, включительно до Московской промышленной аристократіи, объединилось тогда вокругъ партіи к.-д...

Послѣ корниловскаго выступленія Правительство осталось одиноко въ своемъ стремленіи вновь объединить „представителей всѣхъ тѣхъ элементовъ, кто *вѣчные и общіе инте-*

ресы родины ставить выше временныхъ и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій или классовъ", каковыя стремленія Правительство объявило своей ближайшей задачей въ обращеніи къ населенію 1-го сентября, провозглашая Россію Республикой.

„Вѣчное и общее" было забыто всѣми партіями и классами во имя „временнаго и частнаго"! И среди демократіи и среди буржуазіи непримиримое, но активное меньшинство быстро захватываетъ вліяніе и власть. Если можно понять большевиковъ, которые, разнуздывая всѣ темные звѣриные инстинкты народныхъ массъ, хотѣли захватить и использовать для своихъ цѣлей колоссальную реальную силу этихъ массъ, то совершенно становишься въ тупикъ передъ „реальной политикой" непримиримаго буржуазнаго интеллигентскаго крыла, ставившаго себѣ цѣлью освободить государство отъ давленія всей „революціонной демократіи", не имѣя въ то время никакой реальной силы въ своемъ распоряженіи! Поистинѣ, кого Богъ захочетъ наказать, у того отниметъ разумъ. Но, наказывая себя, „трезвые" элементы страны сильно помогли анархо-большевикамъ сбросить Россію въ бездну!]

Керенскій. Кромѣ попытокъ компромисса, въ это время былъ массовый „исходъ" изъ мѣста завѣдомо обреченнаго на гибель. Была одна такая ночь, когда я почти въ единственномъ числѣ прогуливался здѣсь не потому, что не хотѣлъ-ни съ кѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать. Просто создалась такая атмосфера кругомъ, что полагали болѣе благоразумнымъ быть подальше отъ гиблыхъ мѣстъ!

[Долженъ признать, что внѣшне Милюковъ выбралъ очень удобную минуту для того, чтобы доказывать мнѣ, что реальная сила на сторонѣ Корнилова. День 28 августа былъ какъ разъ временемъ наибольшихъ колебаній, наибольшихъ сомнѣній въ силѣ противниковъ Корнилова, наибольшей нервности въ средѣ самой демократіи. Длительный само-гипнозъ „контръ-революціей" заставлялъ многихъ и много разъ просто преувеличивать силу сторонниковъ республиканской реакціи въ странѣ. Сбитые съ толку шумихой Корниловскихъ резолюцій многіе и многіе ошибались такъ же грубо, какъ и Милюковъ. Я никогда не

забуду мучительно долгіе часы понедѣльника и особенно ночи на вторникъ! Какое давленіе приходилось испытывать мнѣ все это время, сопротивляться и въ то же время видѣть вокругъ себя растущее смущеніе. Эта Петербургская атмосфера крайне психической подавленности дѣлала еще болѣе непереноснымъ сознаніе того, что безначаліе на фронтѣ. эксцессы внутри страны, потрясеніе транспорта могли каждую минуту вызвать непоправимыя послѣдствія для и безъ того едва скрипѣвшаго государственнаго механизма. Отвѣтственность лежала на мнѣ въ эти мучительно тянувшіеся дни поистинѣ нечеловѣческая. Я съ чувствомъ удовлетворенія вспоминаю, что не согнулся я тогда подъ ея тяжестью, съ глубокой благодарностью вспоминаю тѣхъ, кто тогда просто по-человѣчески поддержалъ меня...

Только на другой день—29 августа—проявилась могучая реакція всей страны на безумную попытку заговорщиковъ. Я уже говорилъ и еще разъ долженъ подчеркнуть, что честь побѣды надъ Корниловымъ никоимъ образомъ не можетъ быть приписана спеціально „совѣтамъ". Корниловское движеніе въ первый же моментъ было раздавлено безкровно *только подъемомъ и единствомъ всей страны, объединившейся вокругъ обще-національной, демократической власти.* Это объединеніе захватило неизмѣримо болѣе широкіе слои населенія, чѣмъ тогдашніе совѣтскіе круги. Новыя городскія и земскія самоуправленія сыграли тогда огромную въ народномъ движеніи роль. Сотни и сотни телеграммъ изъ всѣхъ уголковъ Россіи наглядно говорили о томъ, что тогда еще „объединеніе всѣхъ живыхъ силъ страны" не было пустымъ звукомъ. Не нужно забывать, что въ это время какъ разъ происходилъ здоровый процессъ *ущерба* государственно-политическаго значенія Совѣтовъ. Процессъ, прерванный Корниловщиной, превратилъ Совѣты въ большевистскіе цитадели. Не нужно также забывать, что всѣ рѣшенія Правительствомъ были приняты и распоряженія были отданы *раньше,* чѣмъ кто-нибудь посторонній власти узналъ о самомъ выступленіи Корнилова. Легенда, что Правительство приняло мѣры противъ Корнилова только подъ давленіемъ Ц. И. К. С. Р. и С. Д. совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Перелистывая газеты той эпохи,

я наткнулся въ № „Извѣстій Ц. И. К. С. Р. и С. Д.“ отъ 27 августа на характерную статейку—„Тревожная ночь“,— которая такъ ярко говоритъ о томъ, какъ далеки были даже самые освѣдомленные обитатели Петербурга уже утромъ 27 августа отъ дѣйствительности. Въ этой замѣткѣ описывается, какъ всю ночь на 27 августа происходили непрерывныя тревожныя засѣданія Министровъ, совѣщаніе Министра Предсѣдателя съ военными чинами и объясняется все это ожиданіемъ какихъ-то уличныхъ выступленій въ полугодовой день революціи. Газета оканчиваетъ это описаніе тревожной ночи сообщеніемъ, что „на запросъ большевистскихъ и другихъ организацій были получены категорическія заявленія, что никакихъ выступленій эти организаціи не готовили и не готовятъ. Такіе же заявленія сдѣланы всѣми демократическими организаціями“. И, дѣйствительно, день 27 августа прошелъ въ Петербургѣ совершенно спокойно, и даже намековъ никакихъ не было на то большевистское возстаніе, о которомъ такъ увѣренно пророчилъ В. Львовъ. Авторъ приведенной выше статейки и не догадывается, какъ онъ былъ близокъ къ истинѣ, передавая „предположенія о томъ, что такія выступленія могутъ быть провоцированы правыми организаціями“.

29 августа былъ самый трудный по неопредѣленности день. А къ вечеру 29-го сдѣлалось уже возможнымъ составить слѣдующее Правительственное сообщеніе: „Мятежная попытка ген. Корнилова и собравшейся вокругъ него кучки авантюристовъ остается совершенно обособленной отъ всей дѣйствующей Арміи и Флота... Лишь небольшіе отряды войскъ, двинутые ген. Корниловымъ къ Петрограду, остаются въ заблужденіи, но дальнѣйшее движеніе этихъ эшелоновъ остановлено, связь между ними прекращена... Изъ провинціи отовсюду получаются свѣдѣнія о полной вѣрности войскъ и населенія Вр. Пр-ству, а отъ всякихъ общественныхъ организацій—заявленія о рѣшимости поддержать правительство...“ А 30 августа Зимній Дворецъ опять полонъ былъ людей и оживленія; счетчики „реальныхъ силъ“ забыли о своихъ колебаніяхъ; ген. Алексѣевъ вечеромъ выѣхалъ въ Ставку, но... Но уже 1-го сентября Вр. Пр-ство должно было писать: „Мятежъ ген. Корнилова подавленъ. *Но* велика смута,

внесенная имъ *въ ряды арміи и страны.* И снова *великая* опасность, угрожающая судьбѣ родины и ея свободѣ... Вр. Пр-ство своей главной задачей считаетъ возстановленіе государственнаго порядка и *боеспособности* арміи"... А отъ 3-го сентября „Извѣстія Ц. И. К. С. Р. и С. Д." въ статьѣ „Не губите армію" должны были задавать страшный вопросъ:— „Развѣ самочинныя дѣйствія и убійства, позорящія имя русскаго солдата, спасли Россію отъ заговора Корнилова?— нѣтъ, Россію спасло совсѣмъ другое"... Если въ одной изъ газетъ нейтральнаго государства задавался недавно германскому Пр-ству трагическій вопросъ, будетъ ли въ Берлинской Аллеѣ Побѣдъ поставленъ памятникъ побѣдителю Россіи—Ленину, то я совершенно серьезно утверждаю, что на одной изъ площадей бывшей Россіи долженъ быть поставленъ большевиками обелискъ Корнилову съ надписью: „симъ побѣдили!"]

Предсѣдатель. Не было ли у Васъ разговора по поводу создавшагося положенія съ Терещенко, Дутовымъ, Карауловымъ, Савинковымъ?

Керенскій. Эти разговоры никакого отношенія къ телеграммѣ моей отъ 27 августа не имѣютъ. Дутовъ и казаки приходили, насколько я помню, въ тотъ же день ночью.

Предсѣдатель. Да... Такъ...

Керенскій. Они приходили съ заявленіемъ, что хотѣли бы поѣхать для посредничества, для урегулированія отношеній съ Корниловымъ. Я отвѣтилъ, что дамъ соотвѣтствующее разрѣшеніе. Но на другой день (28 августа), когда послѣдовалъ со стороны Корнилова не только явный актъ неповиновенія, но и объявленіе насъ (Вр. Пр-ства) нѣмецкими агентами, я отказалъ казакамъ въ разрѣшеніи на проѣздъ въ Ставку и сказалъ, что при создавшихся условіяхъ никакихъ посредничествъ, никакихъ поѣздокъ для урегулированія не можетъ быть, такъ какъ вопросъ перешелъ совершенно въ другую стадію. Казаки сильно волновались, выражали претензію, что я сначала обѣщалъ пропустить, а потомъ отказалъ. Я имъ все время отвѣчалъ, что обстановка измѣнилась рѣшительнымъ образомъ.

[Вообще, поведеніе въ августѣ Совѣта Казачьихъ Войскъ было достаточно вызывающее, а въ эти дни члены Совѣта

и, въ особенности, предсѣдатель его прямо съ трудомъ сдерживались, чтобы не высказать своихъ настоящихъ мнѣній и намѣреній. Мнѣ приходилось говорить съ ними очень рѣзко, тѣмъ болѣе, что я ихъ политическимъ заявленіямъ могъ противопоставить настроенія фронтового казачества, которое со времени резолюціи о „несмѣняемости Корнилова" протестовало передо мной противъ политики Совѣта Казачьихъ Войскъ. Затѣмъ, когда 29—30 августа стали прибывать одна за другой депутаціи отъ частей (казачьяго) 3-го корпуса, мнѣ впервые пришлось убѣдиться въ чрезвычайной преувеличенности представленія о какомъ-то особомъ единеніи верховъ и низовъ казачества. Еще разъ я въ этомъ могъ убѣдиться на собственномъ опытѣ въ Гатчинѣ. Когда туда пріѣхала делегація отъ Совѣта Казачьихъ Войскъ и, между прочимъ, стала работать противъ меня, какъ „предателя" Корнилова, то успѣха въ низахъ корпуса не имѣла, гдѣ наоборотъ, хорошую почву нашли большевистскіе агитаторы и пріѣхавшій затѣмъ Дыбенко, тоже агитировавшіе противъ меня, но сосредоточившіе свое вниманіе совсѣмъ на другихъ темахъ. Въ концѣ-концовъ казаки, рѣшивъ „выдать меня" Дыбенкѣ, чуть-чуть не постановили арестовать и своихъ собственныхъ офицеровъ... Вотъ почему я нисколько не удивился, когда до меня дошли свѣдѣнія о печальномъ концѣ борьбы Дона съ Московской анархіей].

Раупахъ. А предложеніе Якубовича, Туманова, Савинкова, Лебедева пойти на компромиссъ?..

Керенскій. Я не помню разговора съ Якубовичемъ и Тумановымъ. Съ Савинковымъ былъ разговоръ о томъ, чтобы была предоставлена ему возможность переговорить со Ставкой по прямому проводу еще вечеромъ 26-го.

Раупахъ. А послѣ того, онъ не говорилъ, что есть еще возможность?

Керенскій. Ему была предоставлена возможность говорить по прямому проводу, и онъ говорилъ цѣлый день. А когда пришла телеграмма Лукомскаго, Вы ее помните, вѣроятно, то онъ, прочитавъ ее, подалъ мнѣ заявленіе о томъ, что ссылка на него клевета, что отъ моего имени онъ переговоровъ не велъ и вести не могъ, и онъ это заявилъ по прямому проводу и Корнилову.

Раупахъ. А этотъ разговоръ не послужилъ ли основаніемъ къ тому, что Савинковъ указывалъ, что возможно?..

Керенскій. Это было ночью.

Раупахъ. Послѣ переговоровъ по прямому проводу?..

Керенскій. Можетъ быть, я не помню.

Раупахъ. Я, собственно, хочу выяснить о всѣхъ лицахъ, о которыхъ говорится здѣсь.

Керенскій. Тутъ лица совершенно разныя, ихъ нужно разгруппировать. Что касается казачьяго посѣщенія, то казаки просто хотѣли *во-время* до Ставки доѣхать. Для меня совершенно несомнѣнно, что они принадлежали къ тѣмъ лицамъ, которыя, какъ Милюковъ, наприм., были убѣждены, что побѣда будетъ на сторонѣ Корнилова, а не на сторонѣ Революціи.

Раупахъ. На сторонѣ реальныхъ силъ...

Керенскій. Нельзя, говорю я, въ одну кучу всѣхъ этихъ лицъ смѣшивать: что касается Якубовича и Туманова, то, вообще, я не помню разговора съ ними. Можетъ быть, они и говорили со мною, но это былъ столь ничтожный разговоръ, что я его не помню. Я знаю только одно: когда я спросилъ, почему я не вижу ни Туманова, ни Якубовича, то мнѣ было сказано, не помню кѣмъ, кажется, Савинковымъ, что на Туманова такъ все подѣйствовало, что онъ въ очень угнетенномъ состояніи находится. Якубовичъ потомъ, кажется, пришелъ. Я его, если не ошибаюсь, просилъ пригласить кое-кого на помощь для организаціи обороны. Но то, что я помню твердо, это было предложеніе Савинкова переговорить по прямому проводу ночью на 27 августа. Затѣмъ былъ 29-го Милюковъ. Затѣмъ въ засѣданіи Вр. Пр-ства, когда мы обсуждали этотъ вопросъ, кажется, наканунѣ уже разрѣшенія кризиса, часть Правительства высказалась за необходимость компромисснаго рѣшенія, въ виду „соотношенія силъ“ и необходимости избѣгать потрясеній. Нѣкоторые аргументировались тѣмъ, что неизбѣжно усилится большевистское теченіе... Разные были разговоры, но это было уже въ другой плоскости, плоскости оцѣнки соотношенія силъ. *Я стоялъ на опредѣленной точкѣ зрѣнія, что тутъ нѣтъ двухъ сторонъ, а есть Вр. Пр-ство и нарушившій свой долгъ генералъ.* Была группа лицъ, часть общественнаго мнѣнія, которое

считало, что есть двѣ стороны, которыя равноправны и въ борьбѣ за власть и въ правѣ вести между собою, такъ сказать, мирные переговоры и въ обращеніи къ посредничеству. Я считалъ, *что такой путь наноситъ рѣшительный ударъ идеѣ революціонной власти, ея единству съ момента революціи*, и поэтому на этотъ путь двухъ лагерей, переговаривающихся черезъ посредниковъ, я встать не могъ и считалъ, что нарушилъ бы *присягу*, если бы всталъ на него.

Раупахъ. Предложеніе переговоровъ въ виду возможности недоразумѣній не было?

Керенскій. Савинковъ дѣлалъ предложеніе вечеромъ 26-го.

Раупахъ. Послѣ разговоровъ по лентѣ... А Терещенко и Лебедевъ?

Керенскій. Про Лебедева не помню, скорѣе наоборотъ. Лебедевъ очень недовѣрчиво относился къ роли Филоненко въ этомъ дѣлѣ, и уходъ Филоненко былъ вызванъ, собственно говоря, сообщеніемъ Лебедева о нѣкоторомъ разговорѣ, который происходилъ въ штабѣ въ ночь пріѣзда Филоненко изъ Ставки. А Терещенко—да, Терещенко одно время былъ сторонникъ соглашенія и даже въ одномъ изъ засѣданій Вр. Пр-ства сказалъ, что это дѣло надо ликвидировать такъ, чтобы *обоихъ за штатъ отправить—и Керенскаго и Корнилова*, обѣ стороны удовлетворить взаимнымъ жертвоприношеніемъ.

Шабловскій. Кѣмъ было составлено обращеніе къ областнымъ губернскимъ Комиссарамъ? За Вашей, г. Министръ, подписью?

Крохмаль. Виноватъ, а кѣмъ составлено сообщеніе 27 августа?

Керенскій. Не помню.

Шабловскій. А губернскимъ Комиссарамъ?

Керенскій. Тоже не могу сказать.

Шабловскій. Насъ интересуетъ роль Некрасова. Не была ли это его редакція?

Керенскій. Какая же „роль“ Некрасова?! Никакой такой особой роли Некрасова не было.

Шабловскій. Мы спрашиваемъ въ связи съ газетной замѣткой, въ которой говорится, что Вр. Пр-ство готово

было воздержаться отъ депеши, въ которой объявляло заговоръ, но Некрасовъ поторопился это сдѣлать и сдѣлалъ вопреки мнѣнія Пр-ства, поставивъ Правительство передъ совершившимся фактомъ.

Керенскій. Не помню. Я помню, что телеграмма, которая должна была идти по радіо, была задержана просто потому, что мы считали, что не слѣдуетъ чрезмѣрно возбуждать общественное мнѣніе и настроеніе.

[„Роль Некрасова"! Это одинъ изъ злобныхъ вымысловъ въ дѣлѣ Корнилова. Почти у каждаго свидѣтеля pro-корниловца обязательно встрѣчается какая-нибудь ссылка на роль Некрасова—роль злого генія министра-предсѣдателя, „легко поддающагося чужимъ вліяніямъ"! То Некрасовъ безъ вѣдома Правительства разсылаетъ телеграмму, которой „дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшіе переговоры", то онъ самовольно приказываетъ разобрать рельсы по пути Корниловскихъ отрядовъ, то онъ выступаетъ въ качествѣ безотвѣтственнаго совѣтника и т. д. Я самъ, помню, прочелъ въ одной изъ про-корниловскихъ газетъ, какъ Некрасовъ „взорвалъ возможность соглашенія Керенскаго съ Корниловымъ". Замѣтки въ такомъ стилѣ появлялись постоянно. Конечно, все это было сплошной вымыселъ, и самъ Некрасовъ совершенно правильно устанавливаетъ, что *всѣ* руководящія указанія шли отъ меня, и безъ меня ничего серьезнаго не предпринималось. Однако дыма безъ огня не бываетъ—Некрасовъ дѣйствительно много сдѣлалъ для скорѣйшей ликвидаціи выступленія Корнилова. Это и было его преступленіемъ, которое ему не могли простить Корниловцы! Они мстили Некрасову за то, что онъ, какъ министръ-замѣститель, т. е. какъ ближайшій мой помощникъ по управленію, весьма добросовѣстно и съ исключительной энергіей въ тѣ тревожные дни общей неувѣренности исполнялъ свои служебныя обязанности, т. е. помогалъ мнѣ. Я уже не говорю, что просто какъ гражданинъ, Некрасовъ имѣлъ бы полное право и помимо всякихъ своихъ обязанностей содѣйствовать скорѣйшему подавленію мятежа... Можетъ быть, корниловцы смягчили бы нѣсколько къ нему свое отношеніе, если бы знали, что былъ одинъ такой часъ, когда и Некрасова я не видѣлъ около себя!

Но почему роль Некрасова, ускорившаго подавленіе возстанія, могла такъ интересовать слѣдственную комиссію, это я не совсѣмъ понимаю. Не могу же я допустить, что энергичная дѣятельность по ликвидаціи мятежа больше интересовала нѣкоторыхъ членовъ слѣдственной комиссіи, чѣмъ самый мятежъ.

Какая беззастѣнчивая травля началась въ разныхъ корниловскихъ листкахъ противъ всѣхъ виновниковъ Корниловскаго краха, видно, хотя бы изъ того, какъ изложенъ въ „Новомъ Времени" отъ 10-го октября мой допросъ Слѣдственной Комиссіи, подлинный протоколъ котораго сейчасъ передъ глазами читателя. Приведу характерныя выдержки изъ этого изложенія. — Сообщивъ для вступленія, что „А. Ф. Керенскій самъ неоднократно принималъ участіе въ допросѣ свидѣтелей" (совершенная ложь), газета начинаетъ передачу моего показанія такъ: „Первоначально Керенскій далъ *краткія* объясненія, изложивъ въ сжатой формѣ весь ходъ своихъ переговоровъ съ ген. Корниловымъ. Эти объясненія вызвали *однако* рядъ дополнительныхъ вопросовъ... Одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи заинтересовался вопросомъ о томъ, поручилъ ли Министръ Предсѣдатель В. Н. Львову вести переговоры со Ставкой. А. Ф. Керенскій отвѣтилъ *утвердительно* (?). Подтвердилъ (?) также Министръ Предсѣдатель, что при разговорѣ по аппарату Юза 26 августа Львовъ не присутствовалъ... и заявилъ, что ввиду тревожнаго момента и государственной важности вопроса, прибѣгнулъ къ такой *уловкѣ* (?)... Затѣмъ Керенскому былъ заданъ рядъ вопросовъ о причинѣ ухода нѣкоторыхъ министровъ и о томъ давленіи (?), какое оказывалъ въ этомъ вопросѣ на Министра Предсѣдателя бывшій его замѣститель Некрасовъ. Вообще на роли Некрасова чрезвычайной слѣдственной комиссіей было сосредоточено большое вниманіе. Министру Предсѣдателю заданъ былъ вопросъ объ авторѣ извѣстнаго обращенія А. Ф. Керенскаго къ народу по поводу выступленія ген. Корнилова, который былъ названъ мошенникомъ (?), предателемъ (?) и измѣнникомъ (?). А. Ф. Керенскій заявилъ, что *авторомъ* телеграммы *былъ Н. В. Некрасовъ (?)*. Членъ слѣдственной комиссіи *разспрашивалъ подробно* (?) о вмѣшательствѣ Некрасова въ чисто военные вопросы и объ

оказывавшемся имъ давленіи при рѣшеніи вопросовъ о смѣщеніи лицъ высшаго командного состава арміи". "Такая смѣсь извращеній и просто лжи была поднесена читателю, какъ изложеніе моего допроса. Чтобы вполнѣ оцѣнить работу редакціи „Новаго Времени" и подобныхъ ей газетъ, нужно помнить, что, пользуясь очень хорошимъ источникомъ, Корниловскія газеты имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ *подлинные* протоколы и документы слѣдственной комиссіи чуть ли не въ тотъ же день, какъ они появлялись. Къ сожалѣнію, только слишкомъ поздно я узналъ, кто былъ этимъ источникомъ.]

Предсѣдатель. А какъ относительно Крымова, отряда 3-го корпуса? Были отданы распоряженія о задержкѣ, о порчѣ пути и т. д.? Вызывались они документами или опасеніемъ какимъ-нибудь мало обоснованнымъ? Временно только вслѣдствіе создавшейся обстановки, Крымовъ оказалъ явное неповиновеніе распоряженіямъ Штаба?

Керенскій. Крымовъ, какъ я уже говорилъ, былъ участникомъ мятежа и лично шелъ, а съ нимъ небольшое количество офицеровъ, съ совершенно опредѣленными намѣреніями. Вспомнилъ небольшой штрихъ: когда Крымовъ застрѣлился—одинъ офицеръ, кажется, Багратіонъ, хорошо не помню, сказалъ:—„теперь всѣ концы въ воду канули".—Распоряженіе остановить движеніе онъ не исполнилъ и продолжалъ двигаться впередъ.

Шабловскій. Такъ что распоряженія, если дѣлались, то вызывались документами?

Керенскій. Да, сообщеніями о мѣстѣ нахожденія соотвѣтствующихъ частей. Главную роль здѣсь играли желѣзнодорожники, которые освѣдомляли о малѣйшихъ измѣненіяхъ.

Шабловскій. Когда прибылъ Филоненко изъ Ставки, что, собственно, онъ доложилъ?

Керенскій. Для меня пріѣздъ въ Петербургъ Филоненко былъ не совсѣмъ понятнымъ. Не знаю, собственно, зачѣмъ онъ появлялся. Онъ мнѣ ничего не докладывалъ, пока я его не вызвалъ самъ сюда во Дворецъ. Я его видѣлъ ночью въ Штабѣ Округа. Какъ только появился тамъ Филоненко, Савинковъ заявилъ мнѣ, что желаетъ видѣть

его ближайшимъ своимъ помощникомъ по оборонѣ Петербурга. Я возражалъ, но, въ концѣ-концовъ, считая, что ближайшій руководитель дѣла можетъ выбирать себѣ кого угодно помощникомъ за своей отвѣтственносью, я согласился. А на другой день выяснилось, что Филоненко велъ весьма несоотвѣтствующій съ ген. Корниловымъ разговоръ. Тогда я вызвалъ его сюда и здѣсь онъ признался, какой былъ разговоръ, и изложилъ его. А Савинковъ сталъ давать цѣлый рядъ смягчающихъ комментарій. Савинковъ, нужно сказать, очень довѣрчивый человѣкъ и разъ повѣритъ человѣку, очень долго не замѣчаетъ никакихъ въ немъ недостатковъ. Филоненко разсказалъ слѣдующее: — Корниловъ спросилъ его, не своевременно ли объявить ему свою диктатуру. Филоненко отвѣтилъ, что онъ противъ личной диктатуры, и отказался поддержать Корнилова. Тогда Корниловъ предложилъ „диктатуру коллективную" въ составѣ—Корнилова, Керенскаго, Филоненко и Савинкова,—на что Филоненко отвѣтилъ, что въ такую комбинацію онъ войти готовъ.— Я счелъ, что этотъ разговоръ настолько самъ по себѣ недопустимъ,—а вѣдь, кромѣ того, всякій могъ предположить, что у Филоненко есть какія-нибудь основанія такъ говорить, разъ онъ является представителемъ центральной власти при Верх. Главнокоман., что призналъ дальнѣйшее пребываніе его на службѣ невозможнымъ. Сначала я хотѣлъ даже арестовать Филоненко, но потомъ отмѣнилъ приказъ, ввиду позиціи, занятой въ этомъ вопросѣ Савинковымъ, рѣшилъ, что это можно будетъ и послѣ сдѣлать. А пока предложилъ ему немедленно освободить занимаемое имъ мѣсто.

[Филоненко явился изъ Ставки въ СПБургъ въ ночь на 29-ое августа. А рано утромъ 29-го ко мнѣ пришелъ В. И. Лебедевъ (бывшій упр. Морск. Мин., назначенный мной 28-го авг. помощникомъ Генералъ-Губернатора), крайне встревоженный, и сообщилъ о слышанной имъ вмѣстѣ съ полковникомъ Багратуни (Начальникъ Штаба С.-ПБ. военнаго округа) о совершенно недопустимой фразѣ Филоненко, сказанной имъ въ разговорѣ съ Савинковымъ. Я отдалъ распоряженіе объ арестѣ Филоненко. Черезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ Савинковъ съ заявленіемъ, что онъ проситъ или арестовать его вмѣстѣ съ Филоненко, или вы-

слушать обвинителей Филоненко въ моемъ и его, Савинковѣ, присутствіи. Тогда я приказалъ сейчасъ же вызвать ко мнѣ въ кабинетъ Лебедева, Багратуни и Филоненко и около 11 часовъ утра они всѣ были у меня. Дальнѣйшее я привожу по весьма точному изложенію, сдѣланному В. И. Лебедевымъ въ № 145 „Воли Народа":—„Я Васъ созвалъ, господа, по слѣдующему поводу, сказалъ А. Ф. Керенскій,—В. И. Лебедевъ заявилъ мнѣ, что М. М. Филоненко въ докладѣ Б. В. Савинкову была употреблена фраза: „Я же все время отстаивалъ нашу схему: Корниловъ и Керенскій, какъ два столпа диктатуры.—Вы, г. полковникъ Багратуни, подтверждаете это?—Да, подтверждаю".—„А Вы, М. М. Филоненко?"—„Да, *я произнесъ ее*".

Затѣмъ г. Филоненко разсказалъ, что имъ послѣ пріѣзда В. Н. Львова совмѣстно съ Корниловымъ обсуждался планъ диктатуры въ видѣ „Совѣта обороны" изъ слѣдующихъ лицъ: ген. Корнилова, А. Ф. Керенскаго, Савинкова и его самого, г. Филоненко. Планъ этотъ имъ обсуждался, какъ противовѣсъ возможности единоличной диктатуры Корнилова, которая иначе была бы *неизбѣжна*. Министръ-Предсѣдатель былъ совершенно пораженъ этимъ признаніемъ.—„Какъ Вы, Верховный Комиссаръ Временнаго Правительства, вели подобный разговоръ съ ген. Корниловымъ? Кто Васъ на это уполномочилъ? Вѣдь теперь ген. Корниловъ можетъ дѣйствительно сказать, что онъ косвенно былъ введенъ въ заблужденіе".—

Г. Филоненко пытался указать на то, что этотъ планъ былъ имъ выдвинутъ въ противовѣсъ планамъ заговорщиковъ, что времени нельзя было терять, что разговоръ, наконецъ, велся въ порядкѣ личныхъ отношеній, личной дружбы.

—„Вы для ген. Корнилова — Верховный Комиссаръ... И этотъ Вашъ разговоръ—разговоръ Верховнаго Комиссара съ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Вы являетесь для ген. Корнилова представителемъ Временнаго Правительства, Временное Правительство Васъ никогда не уполномачивало на подобныя заявленія".

На указанія Савинкова и г. Филоненко на то, что, по существу, подобный же планъ „Совѣта обороны" выдвигался

Временнымъ Правительствомъ, А. Ф. Керенскій отвѣтилъ:— „Никогда, никогда. Поднимался вопросъ и прошелъ объ образованіи „Совѣта Обороны“ (не „Сов. Обороны“, а „Военнаго Кабинета“—А. К.) *изъ состава самаго* Вр. Пр-ства для сосредоточенія въ его рукахъ всей обороны страны, по примѣру Англіи. Но никогда никому и въ голову не приходило, что въ составъ такого Совѣта можетъ войти подчиненный Вр-му Пр-ству ген. Корниловъ. Вы же, Комиссаръ Вр. Пр-ства, обсуждали съ ген. Корниловымъ безъ вѣдома Пр-ства планы директоріи, куда должны были войти три лица, не принадлежащія къ составу Вр. Пр-ства,—Вы, Б. В. Савинковъ и ген. Корниловъ,—и одно изъ его состава—я, ничего даже объ этомъ не знавшее“.—А. Ф. Керенскій въ результатѣ разговора сказалъ, что онъ считаетъ поступокъ М. М. Филоненко по меньшей мѣрѣ безтактнымъ и считаетъ продолженіе политической дѣятельности для него невозможнымъ.

Я, со своей стороны, заявилъ, что считаю поведеніе М. М. Филоненко въ Ставкѣ преступнымъ.

Г. Филоненко согласился подчиниться рѣшенію А. Ф. Керенскаго и уйти отъ участія въ политической жизни страны, но съ протестомъ выступилъ г. Савинковъ, отстаивавшій правильность поведенія г. Филоненко и пояснившій признаніе г. Филоненко такимъ образомъ, что А. Ф. Керенскій поправилъ его нѣсколько разъ, говоря:

— „Вѣдь мы втроемъ, я, В. И. Лебедевъ, и полк. Багратуни слышали, что говорилъ М. М. Филоненко. Онъ говорилъ не то“.—Такъ какъ Савинковъ настаивалъ на правильности дѣйствій г. Филоненко и солидаризировался съ нимъ, Министръ-Предсѣдатель предложилъ перенести все дѣло во Вр. Пр-ство, отчего г. Филоненко отказался, заявивъ, что онъ предпочитаетъ подчиниться рѣшенію А. Ф. Керенскаго“.

Въ этотъ же день къ вечеру Филоненко былъ офиціально уволенъ.

Выше я указывалъ, что поведеніе Филоненко въ Ставкѣ служитъ однимъ изъ трехъ доказательствъ моего сговора съ Корниловымъ. Генералъ Алексѣевъ такъ и говорилъ, что вопросъ о выступленіи Корнилова обсуждался съ Ке-

ренскимъ *черезъ* Савинкова и Филоненко. О Савинковѣ я уже говорилъ и еще буду говорить, что же касается Филоненко, то, я думаю, одна эта сцена въ моемъ кабинетѣ достаточно убѣдительно доказываетъ, что черезъ Филоненко ничего со мной не обсуждалось и больше я этого вопроса касаться не буду!

Но это признаніе г. Филоненко само по себѣ чрезвычайно важно, такъ какъ оно совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ показаніемъ ген. Корнилова и съ его Юзограммой отъ 27-го августа. Если же прибавить сюда еще показанія Трубецкого, Лукомскаго и нѣкоторыхъ другихъ, то получится точная картина того, какъ видоизмѣнялась схема диктатуры въ Ставкѣ и *по чьей* инціативѣ этотъ вопросъ, вообще, возникъ.

Разговоръ Корнилова съ Филоненко о диктатурѣ происходилъ вечеромъ 26-го. Львову же свое заявленіе генералъ Корниловъ сдѣлалъ вечеромъ 24-го. Въ этотъ день Савинкову было дано *фиктивное* согласіе не посылать Крымова съ дикой дивизіей въ Петербургъ *и въ этотъ же* день эта дивизія особымъ приказомъ была подчинена ген. Крымову и выступила въ Петербургъ. По признанію самого ген. Корнилова въ бесѣдѣ своей съ Львовымъ, онъ, по собственной инціативѣ, заявилъ о необходимости введенія диктатуры. Для Филоненко пріѣздъ и отъѣздъ Львова изъ Ставки дѣлается извѣстнымъ заднимъ числомъ, со словъ заѣхавшихъ къ нему Завойко и Аладьина. Изъ телеграфныхъ переговоровъ по Юзу 27 авг., соотвѣтствующихъ показаній Корнилова и Филоненко, устанавливается, что до самаго вечера 26-го авг. предполагалось введеніе *единоличной* диктатуры Корнилова. Въ показаніяхъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы утверждать или отрицать участіе Филоненко въ какихъ-либо совѣщаніяхъ по вопросу о диктатурѣ до вечера 26-го авг. Но нѣтъ также никакихъ указаній, что, отстаивая коллективную диктатуру, Филоненко внезапно измѣнилъ по этому вопросу свою точку зрѣнія. Такимъ образомъ, какова бы ни была роль Филоненко въ Ставкѣ, иниціаторомъ введенія личной диктатуры его признать нельзя.

Я думаю, что будетъ совершенно соотвѣтствовать дѣйствительности утвержденіе, что и, вообще, вопросъ о дикта-

турѣ возникъ *помимо* Филоненко и положеніе этого вопроса въ Ставкѣ не было ему извѣстно *въ полномъ* объемѣ. Къ сожалѣнію, совѣщаніе ген. Корнилова съ Крымовымъ и др. военными участниками заговора остались, кажется, вовсе не освѣщенными слѣдствіемъ. Между тѣмъ, какъ я совершенно убѣжденъ, что съ такими умными людьми, какъ Крымовъ, и обсуждалась дѣловая сторона предпріятія; въ ихъ средѣ, можетъ быть, и нашелся бы настоящій иниціаторъ всего дѣла. На основаніи же извѣстныхъ мнѣ матеріаловъ, если не иниціаторомъ, то наиболѣе активнымъ сторонникомъ въ Ставкѣ личной диктатуры, *нужно признать самого Корнилова.*

Вся обстановка окончательнаго совѣщанія о диктатурѣ 26-го августа указываетъ, какъ будто, на то, что, можетъ быть, и правду говорилъ у меня въ кабинетѣ Филоненко, утверждая, что только поставленный передъ фактомъ неизбѣжнаго объявленія личной диктатуры Корнилова, онъ, какъ меньшее зло, выдвинулъ контръ-проектъ введенія коллективной диктатуры. Во всякомъ случаѣ по дѣлу твердо устанавливается, что этотъ проектъ возникъ только 26-го августа на совѣщаніи Корнилова, Завойко, Аладьина и Филоненко. А никакого другого объясненія этого внезапнаго измѣненія плана въ данныхъ по дѣлу Корнилова мнѣ найти не удалось, кромѣ версій г. Филоненко.

Но и разсказъ Филоненко не вскрываетъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили ген. Корнилова пойти на это видоизмѣненіе формы диктатуры. Убѣдилъ ли его дѣйствительно Филоненко въ большей цѣлесообразности своей схемы или, нуждаясь по тѣмъ или инымъ причинамъ въ согласіи въ тотъ вечеръ Филоненки, ген. Корниловъ только сдѣлалъ видъ до поры до времени, что Филоненко его убѣдилъ—это остается неяснымъ. Я дѣлаю второе предположеніе потому, что почти невозможно допустить, чтобы ген. Корниловъ не видѣлъ всей нелѣпости этого диктаторскаго квартета, состоящаго изъ Корнилова, Керенскаго, Савинкова и Филоненко! Просто я думаю, въ этотъ вечеръ формы диктатуры не особенно интересовали Корнилова, который, если не понималъ, то чувствовалъ, что *на другой день послѣ* поворота окончательно рѣшать будетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ будетъ сила!

Чта касается степени участія въ заговорѣ самого Филоненки, то я склоненъ скорѣе къ мнѣнію, что онъ, какъ, напр. и Лукомскій, былъ втянутъ въ дѣло въ самое послѣднее время, поставленный передъ фактомъ и связанный своей Хлестаковской болтовней. Хотя возможно, что тщательное судебное изслѣдованіе вскрыло бы и болѣе глубокую прикосновенность его къ заговору. Во всякомъ случаѣ выяснить роль Филоненки въ Ставкѣ очень трудно, такъ какъ съ одной стороны его поведеніе было *очень скользкое*, а съ другой стороны отношеніе къ нему въ Ставкѣ было очень *неровное*. То онъ былъ persona grata у Корнилова, то его съ трудомъ выносили, то его приказывали арестовать, то давали экстренный поѣздъ для отъѣзда въ Петербургъ. Онъ самъ, по словамъ свидѣтелей, то нападалъ на меня, то настаивалъ на томъ, что никакое Правительство безъ меня невозможно; то требовалъ удаленія Лукомскаго, то вмѣстѣ съ нимъ и съ Корниловымъ обсуждалъ составъ будущаго кабинета, при чемъ самъ претендовалъ на постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, и только въ крайнемъ случаѣ „соглашался" быть Мин. Внут. Дѣлъ! "Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Корнилову Филоненко",—пишетъ, насколько помню, Лукомскій,—„показывалъ полное согласіе со всѣми его предначертаніями и говорилъ, что онъ идетъ съ нимъ рука объ руку", а въ то же время Филоненкѣ въ Ставкѣ "не довѣряютъ".

Даже объ арестѣ Филоненки существуютъ двѣ версіи: по одной онъ самъ себя просилъ арестовать, т. к. молъ, „какъ представитель Времен. Прав. онъ долженъ быть на его сторонѣ, между тѣмъ какъ всей душой сочувствуетъ Корнилову". По другой—„видя въ Филоненкѣ полную перемѣну" и считаясь съ обстановкой, ген. Корниловъ заявилъ, что онъ его задерживаетъ въ Ставкѣ". Въ чемъ же дѣло?—27-го утромъ послѣ полученія моей телеграммы объ увольненіи Корнилова, у него въ кабинетѣ собрались Лукомскій, Завойко, Аладьинъ и Филоненко. Обсуждалось создавшееся положеніе, Филоненко въ разговорѣ заявилъ, что долженъ уѣхать по вызову въ Петербургъ. По окончаніи бесѣды Корниловъ съ Лукомскимъ вышли изъ кабинета и прошли вдвоемъ дальше. Слѣдомъ за нимъ изъ кабинета вышелъ въ залу Завойко и тутъ же объявилъ присутствующимъ,

что „Филоненко только что просилъ его арестовать". Между тѣмъ Лукомскій, встрѣтившись съ Трубецкимъ, сказалъ ему, что „съ Филоненко взято честное слово о невыѣздѣ". Самъ Филоненко рѣшительно утверждаетъ, что не онъ просилъ себя арестовать, а его задержалъ Корниловъ и что это произошло во время только что описанной утренней бесѣды въ кабинетѣ у Корнилова. Подтвержденіе словъ Филоненки Лукомскимъ дѣлаетъ его разсказъ болѣе достовѣрнымъ.

Почему же понадобилось Завойкѣ изображать Филоненко въ видѣ гоголевской унтеръ-офицерши?! Отчего вообще такъ скользка и измѣнчива фигура Филоненки въ Ставкѣ? Почему, посылая изъ Ставки 27-го августа въ Петербургъ телеграмму о необходимости сохраненія Корнилова на посту Главковерха и соглашенія съ нимъ, онъ, проскочивъ въ Петербургъ, выпускаетъ здѣсь боевую *противъ* Корнилова прокламацію. Отвѣтить на это опредѣленно я не могу по недостаточности матеріала. Во всякомъ случаѣ поведеніе Филоненки въ Ставкѣ, какъ Комиссара Времен. Прав. при Верховн. Главноком., настоятельно требовало судебнаго разслѣдованія и я не чувствую угрызеній совѣсти, что хотѣлъ его арестовать].

Шабловскій. Вообще передвиженіе служебной карьеры Филоненко вызывалось и его личными качествами или это былъ протеже Савинкова?

Керенскій. Савинковъ до встрѣчи съ нимъ во время отступленія и операцій на Юго-Западномъ фронтѣ, очень плохо его зналъ. По крайней мѣрѣ, я помню слѣдующее: Филоненко въ разговорѣ со мной передъ назначеніемъ въ Армію ссылался на Савинкова, а Савинковъ потомъ сказалъ мнѣ, что онъ его очень мало знаетъ. Филоненко былъ однимъ изъ молодыхъ военныхъ, которые много сдѣлали по организаціи армейскихъ комиссаріатовъ и посылкѣ на фронтъ Комиссаровъ, бравшихъ на себя обязательство дѣйствовать на фронтѣ не только уговорами, но и личнымъ участіемъ въ бояхъ. Это—„Комиссары личнаго примѣра". Онъ самъ проявилъ большое мужество въ 8-ой Арміи во время наступленія и отхода. Здѣсь на фронтѣ Савинковъ и Филоненко, видимо, сошлись. Затѣмъ, когда было неизбѣжно назначеніе Корнилова, я, учитывая его „особенности", хотѣлъ

назначить при немъ Верховнымъ Комиссаромъ Савинкова. Я дальше этого не шелъ. Но Савинковъ указывалъ, что было бы болѣе правильнымъ, если бы Филоненко былъ комиссаромъ, потому что онъ привыкъ къ Корнилову, съ нимъ работалъ. Я Филоненко разъ или два видѣлъ въ Петербургѣ весной, потомъ видѣлъ его, когда былъ день въ районѣ 8-ой Арміи, но почти никогда съ нимъ не разговаривалъ. Видѣлъ его въ Ставкѣ и поѣздѣ послѣ совѣщанія 16-го іюля.

[Тогда, впервые, долженъ былъ быть назначенъ комиссаръ при Верховномъ Главнокомандующемъ, между прочимъ, для того, чтобы ввиду особенностей характера ген. Корнилова, быть всегда увѣреннымъ въ правильности политическаго курса Ставки. Я хотѣлъ, чтобы эту политико-общественную дѣятельность контролировалъ и направлялъ Савинковъ, который первоначально и предназначался въ Комиссарверхи. Когда же Савинковъ былъ назначенъ Управл. Военн. Минист., для меня вопросъ о личности комиссара при Главковерхѣ сдѣлался безразличнымъ, т. к. руководство политической работой Ставки оставалось въ рукахъ Савинкова.]

Шабловскій. На насъ произвело впечатлѣніе въ показаніи Савинкова отстаиваніе имъ Филоненко. Онъ отожествлялъ его даже съ собою. Когда Вамъ было угодно его устранить, то Савинковъ чуть ли не ставилъ его въ зависимость отъ своего ухода?

Керенскій. Да, я говорилъ Савинкову.—„Я Вамъ вполнѣ довѣряю. Нахожу, что Вы можете дѣлать ошибки, но я нисколько не сомнѣваюсь въ Вашей преданности революціи, Филоненко я совсѣмъ не знаю.

Это особая черта Савинкова отстаивать „преданныхъ“ ему людей до конца, то же было и въ данномъ случаѣ. Онъ каждый разъ ставилъ вопросъ о Филоненко, какъ о себѣ лично. Когда я предложилъ Филоненкѣ немедленно прекратить исполненіе служебныхъ обязанностей, то Савинковъ поставилъ вопросъ о своемъ уходѣ и мнѣ пришлось немного оттянуть офиціальный уходъ Филоненки, (т. к. я не хотѣлъ терять Савинкова). Но я считалъ невозможнымъ оставленіе на службѣ Филоненки. Почти сейчасъ же ушелъ Савинковъ. Онъ самъ категорически заявилъ мнѣ, что не

желаетъ больше со мною служить, т. к. новыя назначенія Верховскаго и Вердеревскаго онъ не одобряетъ и категорически настаиваетъ на своей отставкѣ.

По поводу признанія Филоненко можетъ возникнуть недоумѣнный вопросъ, почему же я, несмотря на то, что Филоненко говорилъ „о нашей схемѣ" т.-е. о схемѣ не только своей, но и Савинкова, почему я хотѣлъ арестовать только Филоненко и ему одному предложилъ выйти въ отставку? Долженъ отвѣтить прямо: потому что непричастность Савинкова къ заговору была для меня несомнѣнна и въ словахъ Филоненко я видѣлъ только попытку его оправдать передъ Савинковымъ свое участіе въ недопустимомъ и преступномъ разговорѣ. А въ упорныхъ, но безнадежныхъ попыткахъ Савинкова у меня въ кабинетѣ вложить въ уста Филоненки слова, которыхъ онъ не произносилъ, я видѣлъ только его желаніе, во что бы то ни стало, спасти Филоненко.

Что Савинковъ вовсе не былъ посвященъ въ разговоръ, это видно, во-первыхъ, изъ того, что еще 23—24-го августа, онъ велъ въ Ставкѣ борьбу съ Гл. Ком. С. Оф. и съ политическимъ отдѣломъ Ставки (во главѣ котораго стоялъ чл. того же Гл. Ком. С. Оф. капитанъ С.), съ двумя организаціями, многіе члены которыхъ были дѣятельными участниками событій; во-вторыхъ, изъ того, что ген. Корниловъ обманулъ лично Савинкова въ вопросѣ о Крымовѣ и о Кавказской Туземной Дивизіи; насколько помню, даже присутствіе Крымова въ Ставкѣ осталось неизвѣстнымъ Савинкову; въ-третьихъ, изъ того, что даже въ самый острый моментъ, послѣ телеграммы Лукомскаго о предложеніяхъ Львова и Савинкова, ген. Корниловъ на прямое заявленіе послѣдняго, что ссылка на него клевета, не только не могъ ничего возразить, но долженъ былъ молчаливо это признать; въ-четвертыхъ, изъ того, что Савинковъ не только не былъ въ близкомъ общеніи съ Завойко и Аладьинымъ, но не терпѣлъ перваго изъ нихъ вовсе, относился къ нему весьма подозрительно, избѣгалъ встрѣчаться и разъ даже добился его временной высылки; въ-пятыхъ, изъ того, что самъ Савинковъ подозрѣвалъ и пытался раскрыть заговоръ Ставки, онъ только выдѣлялъ самого Корнилова,

считая его „чуждымъ политикѣ“ патріотомъ; въ 6-хъ, изъ того, что 27—30-го августа Савинковъ ни минуты не колебался, на чьей сторонѣ ему быть.

Для того, чтобы уяснить характеръ отношеній между Корниловымъ и Савинковымъ и на мою роль въ ихъ отношеніяхъ, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ разговора Савинкова съ Корниловымъ по записи самого Савинкова... „Лавръ Георгіевичъ, говоритъ 23-го авг. Савинковъ, я бы хотѣлъ побесѣдовать съ Вами наединѣ“, (при этихъ словахъ, присутствовавшіе тутъ Лукомскій и Филоненко встаютъ и уходятъ), „дѣло въ слѣдующемъ: телеграммы, получаемыя послѣднее время Министерствомъ за подписью разныхъ лицъ, чиновъ Штаба Ставки, не скрою отъ Васъ, вселяютъ во мнѣ тревогу. Въ телеграммахъ въ этихъ нерѣдко трактуются вопросы политическаго характера и при томъ недопустимомъ... Я уже докладывалъ Вамъ, что я увѣренъ, что Вы лойяльно поддержите Времен. Пр-ство и противъ него не пойдете. Но того же самаго я не могу сказать о Вашемъ Штабѣ“. Ген. Корниловъ:—„Я долженъ Вамъ сказать, что Керенскому и Времен. Пр-ству *я больше не вѣрю*... Стать на путь твердой власти, единственно спасительной для страны, Вр. Пр-ство не въ силахъ... Что касается Керенскаго, онъ не только слабъ и нерѣшителенъ, но и *не искрененъ*. Меня онъ незаслуженно оскорбилъ (?) на Москов. Совѣщаніи. Кромѣ того, онъ велъ за моей спиной разговоры съ Черемисовымъ и хотѣлъ назначить его Верховнымъ“. (Ничего подобнаго никогда не было. А. К.).

Савинковъ. „Мнѣ кажется, въ вопросахъ государственныхъ личнымъ обидамъ нѣтъ мѣста. О Керенскомъ же я не могу думать такъ, какъ Вы. Я знаю Керенскаго“... Ген. Корниловъ—„надо измѣнить составъ Пр-ства“. Савинковъ.—„Насколько я знаю, такого мнѣнія и Керенскій“.

Корниловъ. Нужно, чтобы Керенскій *не вмѣшивался бы* въ дѣло.

Савинковъ. Это сейчасъ невозможно, если бы даже было нужно...

Корниловъ. Нужно, чтобы въ Пр-ствѣ были Алексѣевъ, Плехановъ, Аргуновъ.

Савинковъ. Вѣрнѣе нужно, чтобы совѣтскіе соціалисты были замѣнены не-совѣтскими. Это Вы хотите сказать.

Корниловъ. Да. Совѣты доказали свою нежизнеспособность, свое неумѣніе оборонять страну.

Савинковъ. Все это дѣло будущаго. Вы не довольны Пр-ствомъ, поговорите съ Керенскимъ, во всякомъ случаѣ Вы не можете не согласиться, что безъ Керенскаго, безъ возглавленія имъ—никакое Правительство не мыслимо.

Корниловъ. Въ Правительство я не пойду. Вы, конечно, правы—безъ возглавленія Керенскимъ Правительство не мыслимо. Но Керенскій нерѣшителенъ, онъ колеблется, онъ обѣщаетъ и не исполняетъ обѣщаній.

Савинковъ. Это не вѣрно. Разрѣшите Вамъ доложить, что за 6 дней, истекшихъ послѣ Моск. Совѣщанія, когда Керенскій заявилъ о томъ, что становится на путь твердой власти, Военн. Мин. сдѣлано было слѣдующее...

Этотъ разговоръ происходилъ 23 августа. А вотъ отрывки изъ разговора на другой день...

Корниловъ. Хорошо, я не назначу Крымова.

Савинковъ. А. Ф. хотѣлъ бы, чтобы Вы назначили ген. Д.

Корниловъ. А. Ф. имѣетъ право отвода, но не можетъ мнѣ указывать, кого назначать.

Савинковъ. А. Ф. не указываетъ—онъ проситъ.

Корниловъ. Я назначу Д. начальникомъ штаба.

Савинковъ. А туземная дивизія?

Корниловъ. Я замѣню ее регулярной кавалерійской.

Савинковъ. Покорнѣйше благодарю. А. Ф. еще мнѣ поручилъ просить Васъ откомандировать въ его распоряженіе полк. Пронина (Тов. Пред. Гл. Ком. С. Оф.).

Корниловъ. Пронина? Зачѣмъ? Я понимаю: скрытый арестъ. Пронина я не отпущу, дайте мнѣ доказательства и я самъ арестую Пронина.

Савинковъ. Хорошо, я такъ и доложу А. Ф.

Корниловъ. Такъ и доложите (дальше уже идетъ приведенный мной разговоръ о Мироновѣ и потомъ...)

Савинковъ. Лавръ Георг., разрѣшите вернуться ко вчерашнему разговору, каково ваше отношеніе къ Временному Правительству?

Корниловъ. *Передайте А. Ф., что я буду его всемѣрно поддерживать*, ибо это нужно для блага отечества.

Савинковъ. Лавръ Георг., я счастливъ слышать эти слова. Я въ васъ никогда не сомнѣвался. Я передамъ вами сказанное А. Ф.

[После этого разговора въ 3 часа дня Савинковъ, успокоенный и увѣренный въ Корниловѣ, уѣзжаетъ обратно въ Петербургъ. А черезъ нѣсколько часовъ послѣ его отъѣзда происходитъ пріемъ В. Н. Львова и ему дѣлается извѣстное заявленіе для передачи мнѣ. Такова была искренность и правдивость Корнилова въ отношеніяхъ даже съ Савинковымъ! Стараясь какъ-нибудь объяснить Савинкову двойственность своего поведенія, Корниловъ, въ разговорѣ по прямому проводу съ нимъ 27-го августа говоритъ, что «по отъѣздѣ Вашемъ мною были получены новыя тревожныя извѣстія о положеніи дѣлъ на фронтѣ и въ тылу». Это-то въ продолженіи 3—4 часовъ, протекшихъ между прощаніемъ Корнилова на вокзалѣ съ Савинковымъ и появленіемъ у него въ кабинетѣ Львова?! Допустимъ. Но, перечисляя эти новыя тревожныя свѣдѣнія (кстати, ничего новаго въ себѣ не заключающія), ген. Корниловъ не упоминаетъ о какомъ-нибудь экстренномъ извѣстіи, полученномъ имъ за эти часы изъ Петербурга. Такъ почему же онъ лично не предупредилъ хотя бы на вокзалѣ Савинкова о томъ, что на основаніи «точныхъ свѣдѣній» изъ Петербурга, онъ призналъ положеніе «крайне грознымъ», и дальнѣйшее пребываніе меня и Савинкова въ Петербургѣ «весьма опаснымъ» для насъ обоихъ?! И зачѣмъ послѣ столь дружественнаго послѣдняго свиданія съ Савинковымъ ген. Корниловъ призналъ нужнымъ не только столь тревожныя извѣстія передавать черезъ случайнаго человѣка, но еще и «гарантировать» черезъ него же полную безопасность нашего пребыванія въ Ставкѣ? Ни одинъ мудрецъ не разрѣшитъ этого загадочнаго поведенія Корнилова, пока будетъ думать, что передъ нимъ искренній и правдивый солдатъ, «чуждый политики», а для человѣка, безстрастно ищущаго правды, этотъ день, 24-го августа, освѣщаетъ событія глубже, чѣмъ цѣлый ворохъ документовъ. Онъ увидитъ,

какъ, «искренно» разговаривая съ Савинковымъ, въ это же время не разговаривали, а дѣлали дѣла съ Крымовымъ, Завойко и др. посвященными. Да, Савинковъ виноватъ, но не въ сговорѣ съ Корниловымъ, не въ томъ, что, какъ думаетъ Алексѣевъ, *черезъ* него я былъ заранѣе «освѣдомленъ» въ выступленіи Корнилова. Онъ виноватъ въ томъ, что совершенно, *не отдавая себѣ отчета* въ фигурѣ и въ настоящихъ намѣреніяхъ Корнилова, онъ безсознательно содѣйствовалъ ему въ его борьбѣ за власть, выдвигая Корнилова, какъ политическую силу, равноправную Правительству. Виноватъ въ томъ, что, выступая въ Ставкѣ, онъ превышалъ данныя ему полномочія и дѣйствовалъ не только въ качествѣ моего ближайшаго помощника, но и самостоятельно ставилъ себѣ особыя политическія заданія. Виноватъ въ томъ, что недостаточно освѣдомленный объ общемъ положеніи государства, и, послѣ долгаго заграничнаго изгнанія, не разобравшись еще въ сложныхъ политическихъ отношеніяхъ и дѣйствительныхъ настроеніяхъ массъ, онъ самоувѣренно началъ вести *личную* политику, совершенно не считаясь съ опытомъ и планами даже тѣхъ, кто выдвинулъ его на исключительно отвѣтственный постъ, взялъ на себя формальную отвѣтственность за всю его государственную дѣятельность.

Но какова бы ни была моя личная оцѣнка такого поведенія Савинкова, я долженъ рѣшительно протестовать противъ относящагося къ Савинкову и сдѣланнаго на 4-мъ съѣздѣ партіи с.-р. 26-го ноября прошлаго года, заявленія В. М. Чернова о томъ, что въ дѣлѣ Корнилова «болѣе, чѣмъ двусмысленная, можно сказать, предательская роль выпала на долю человѣка, который когда-то былъ членомъ партіи с.-р.». Никакихъ данныхъ для подобнаго заявленія дѣло Корнилова *не даетъ*. Бросать подобное болѣе чѣмъ неосторожное, обвиненіе было особенно недопустимо въ такое время, какое переживала Россія въ ноябрѣ прошлаго года,—время разгула кровожадныхъ инстинктовъ!

Именно потому, что я зналъ о непричастности Савинкова къ заговору, мнѣ и въ голову не приходило вмѣстѣ съ Филоненко увольнять и Савинкова. Однако, самъ

Савинковъ продолжалъ съ исключительной настойчивостью солидализировать себя съ Филоненко, и съ утра 29-го августа я видѣлъ, что онъ ищетъ только предлога, чтобы уйти. Предлогъ этотъ былъ найденъ въ моемъ «не корректномъ» къ нему отношеніи (чего, какъ вопроса чисто личнаго, я здѣсь касаться не буду) и въ назначеніи на постъ Военнаго и Морского Министровъ—Верховскаго и Вердеревскаго. Противъ послѣдняго принципіальнаго повода отставки я тогда ничего не могъ возразить, а теперь долженъ признать, что отрицательное отношеніе къ этимъ назначеніямъ Савинкова объективно оправдалось: тѣхъ результатовъ, которые ожидались отъ назначенія на мое мѣсто «настоящихъ» военныхъ, совсѣмъ не получилось!

Однако, нужно признать, что между Верховскимъ и Вердеревскимъ была существенная разница. Умный и большой дипломатъ Вердеревскій отлично понималъ созданное корниловщиной положеніе, хотѣлъ спасти, что было еще возможно спасти, но главной задачей своей считалъ *защиту* оставшихся еще невредимыми офицеровъ флота отъ дальнѣйшихъ самосудовъ и окончательнаго истребленія. Этимъ объяснялся его чрезмѣрный оппортунизмъ въ сношеніяхъ съ матросскими организаціями. Однако, кое-какъ «отбрыкиваясь» отъ натиска низовъ, Вердеревскій весь ушелъ въ разработку и подготовку ряда серьезныхъ мѣропріятій для того, чтобы за зиму пытаться возстановить боеспособность флота.

Генералъ же Верховскій не только не могъ совершенно овладѣть положеніемъ, но даже не смогъ и понять его... Былъ подхваченъ политическими игроками слѣва и помчался безъ руля и безъ вѣтрилъ прямо навстрѣчу катастрофѣ. Мнѣ можетъ быть съ большимъ основаніемъ поставлено въ вину назначеніе на постъ военнаго министра, именно, Верховскаго, и я принимаю эти упреки. Это было самое неудачное изъ всѣхъ назначеній: Верховскій въ свою дѣятельность внесъ что-то неуловимо-комическое. Однако, не въ оправданіе себѣ, а просто для объективности, я долженъ сказать, что до назначенія военнымъ министромъ Верховскій представлялъ изъ себя нѣсколько другую фигуру. Я уже не говорю о его дѣятельности

въ Севастополѣ и раньше, но еще 27-го августа въ телеграммѣ Корнилову онъ выражалъ свою солидарность съ существомъ Корниловскихъ мѣропріятій, протестуя только противъ метода дѣйствій Корнилова: «Можно и нужно было мѣнять политику, но не подрывать послѣднія силы народа во время прорыва фронта». Пріѣхавъ же послѣ своего назначенія въ Петербургъ, Верховскій всѣмъ представлялся, какъ «корниловецъ». Кромѣ того, благодаря нѣкоторой неопредѣленности поведенія во время Корниловскаго движенія, иныхъ желательныхъ кандидатовъ выбирать мнѣ было буквально не изъ кого. Видѣть же военнаго на посту Военнаго Министра захотѣли вдругъ справа и слѣва].

Шабловскій. Не было ли у Правительства какихъ-либо данныхъ при преданіи суду Корнилова, Лукомскаго и Кислякова, Деникина и Маркова, чего-нибудь такого, чего у насъ нѣтъ, какихъ-нибудь свѣдѣній, которыя мы упустили? Мы производили разслѣдованіе въ Петроградѣ сейчасъ, допрашивая отдѣльныхъ лицъ, но, можетъ-быть, у Правительства есть еще что-нибудь, чего мы не знаемъ?

Керенскій. Насколько я знаю, преданы были суду всѣ тѣ, кто активно проявили себя послѣ формальнаго отчисленія Корнилова отъ должности. Ген. Кисляковъ продолжалъ дѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Лукомскій,— ну, его позиція, я думаю, ясна; Деникинская исторія и Маркова вамъ извѣстна.

Шабловскій. Особыхъ докладовъ не было?

Керенскій. Напротивъ, телеграммы и поведеніе Лукомскаго для меня было неожиданностью, я не думалъ, что Лукомскій пойдетъ такимъ путемъ. Я и сейчасъ думаю, что, вѣроятно, Лукомскій одинъ изъ послѣднихъ примкнулъ. Все-таки, суть этого дѣла, несомнѣнно, въ Завойко, Аладьинѣ и К°.

Раупахъ. Вопросъ, который только-что предложилъ Предсѣдатель, насъ интересуетъ потому, что въ редакціи было указано, что они предаются суду за мятежъ. Какія фактическія данныя свидѣтельствовали о томъ, что они участвовали въ мятежѣ?

Керенскій. Это вы переходите въ область квалификаціи того преступленія, которое они совершили.

Мы считали, что явное неповиновеніе Верховнаго Главнокомандующаго Верховной Власти и отказъ его отъ сдачи должности съ тѣми призывными прокламаціями и приказами войскамъ, которые издавалъ Корниловъ—мятежъ. А участники и сторонники его являются участниками мятежа. Преступленіе всегда опредѣляется по главному виновнику. Я не знаю, какъ еще по другому квалифицировать?!

Раупахъ. Но степень участія Кислякова, Лукомскаго, Деникина, Маркова?

Керенскій. У насъ, кажется, вообще предполагается такъ: если Временное Правительство принимаетъ мѣры преслѣдованія, то оно является организацiей мятежнической!.. Но это зависитъ отъ точки зрѣнія!.. Для меня несомнѣнно, что генералъ, который позволяетъ себѣ называть Временное Правительство «агентами нѣмецкаго штаба» и объявляетъ себя властью—мятежникъ. Я не знаю, въ чемъ неправильность квалификаціи?!

Раупахъ. Я противъ квалификаціи не возражаю, но были ли данныя противъ Деникина, Лукомскаго, Кислякова, Маркова и другихъ?

Керенскій. Они продолжали сотрудничать съ возставшимъ генераломъ—совершенно достаточныя данныя. Когда генералу Лукомскому предлагается принять должность Верховнаго Главнокомандующаго, что онъ обязанъ сдѣлать по закону, и, въ случаѣ сопротивленія Корнилова, его арестовать, онъ заявляетъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что онъ на сторонѣ Корнилова. Что же еще нужно!?

Предсѣдатель. Вотъ, затѣмъ по поводу Новосильцева (Предсѣд. Гл. Ком. Союза Оф.). Какъ произошелъ его арестъ? Не было ли какого-либо доклада по поводу дѣйствій Новосильцева? Какъ его арестовали?

Керенскій. Новосильцевъ былъ арестованъ по мѣстной иниціативѣ.

Предсѣдатель. Вѣдь, онъ предсѣдатель Главнаго Комитета, но онъ не находился тамъ.

Керенскій. Онъ уѣзжалъ какъ-разъ въ то время.

Предсѣдатель. Какъ-будто бы приказъ объ его арестѣ былъ отсюда тоже?..

Керенскій. Я думаю, что если былъ приказъ, то это былъ приказъ въ порядкѣ административномъ. Вѣдь, Правительство—Военный Министръ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—имѣютъ право арестовать вообще, кого мы хотимъ, по нашимъ соображеніямъ.

Предсѣдатель. Я только въ смыслѣ свѣдѣній, г-нъ Министръ. Быть-можетъ, у Васъ были свѣдѣнія?

Керенскій. Точныхъ? Нѣтъ. Лично я убѣжденъ (доказать, быть-можетъ, въ условіяхъ нашего розыскного дѣла не удастся), что часть союза офицеровъ, и въ частности Главнаго Комитета, была весьма близка ко всѣмъ попыткамъ, и къ этой, въ томъ числѣ. Я уже говорилъ, что въ приготовленіяхъ, которыя здѣсь, въ С.-Петербургѣ, дѣлались, часть союза офицеровъ участвовала... Я уже не говорю о легальныхъ, такъ-сказать, телеграммахъ,—онѣ всѣ подписывались Новосильцевымъ... Какъ онъ велъ себя во время этого дѣла. Если бы онъ не уѣхалъ, то, я думаю... Вотъ, если бы, напримѣръ, Де-Семитіеръ появился теперь (онъ скрылся, когда его хотѣли арестовать, и этимъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ подтвердилъ подозрѣнія). Но, если бы онъ появился, онъ прекраснѣйшимъ образомъ былъ бы возстановленъ въ своей должности: онъ—офицеръ Генеральнаго штаба, нужно его поддержать, а мы, правительство, ничего, конечно, кромѣ явнаго пристрастія и произвола, проявить не можемъ. Онъ бы могъ служить (Де-Семитіеръ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ агентовъ заговора въ Петербургѣ. Черезъ него «проходили» тѣ лица, которыя направлялись изъ ставки и изъ фронтовъ въ столицу «для содѣйствія». У него была одна изъ такъ-называемыхъ явочныхъ конспиративныхъ квартиръ, и т. д.. Къ моменту появленія соотвѣтствующихъ чиновъ въ его квартирѣ для обыска и ареста, онъ уже выѣхалъ въ Финляндію; къ сожалѣнію, конспиративно-техническая сторона подготовки движенія осталась, насколько я знаю, совершенно неосвѣщенной въ работахъ слѣдственной комиссіи. Поэтому только фигуры Завойко,

Аладьина и т. п. получили слишкомъ рѣзкія очертанія въ дѣлѣ. Только эпизодъ съ Крымовымъ немного приподымаетъ завѣсу надъ технической стороной дѣла. Такой пробѣлъ объясняется не только большой сплоченностью той среды, которая руководила военной и конспиративно-технической стороной дѣла, но и тѣмъ, что, подъ вліяніемъ во-время сдѣланныхъ контръ-маршей (провокація, «недоразумѣнія» и т. д.) и хорошо поставленная оборонительная кампанія въ прессѣ по германскому правилу: лучшая оборона, это—наступленіе,—вниманіе слѣдственной комиссіи невольно было сосредоточено, главнымъ образомъ, на тѣхъ сторонахъ дѣла, которыя особенно тогда заинтересовали общественное мнѣніе.

А тѣмъ временемъ исчезла возможность по свѣжимъ слѣдамъ проникнуть въ самую лабораторію заговора!

[Отвѣчая на вопросъ о Новосильцевѣ ссылкой на Семитьера, я тѣмъ хотѣлъ подчеркнуть, что я не сомнѣвался въ участіи Новосильцева въ движеніи Корнилова и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ указать комиссіи на ту большую обоснованность, при которой мы только и считали возможнымъ принимать мѣры предупрежденія въ административномъ порядкѣ.

Вообще, по тексту стенограммы можно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ допроса я говорилъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ. Сознаюсь—я былъ раздраженъ той чрезмѣрной безпристрастностью нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи, которая переходила уже въ явную склонность не видѣть ничего преступнаго въ дѣятельности лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по дѣлу Корнилова. Въ такомъ настроеніи части Комиссіи я видѣлъ нарушеніе почти единственнаго, даннаго мною слѣдственной Комиссіи при началѣ ея дѣятельности указанія—«*Вести слѣдствіе, не поддаваясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ*». Думаю, что весь характеръ моего допроса достаточно свидѣтельствуетъ, что отъ «вліянія» Правительства Комиссія была болѣе, чѣмъ свободна. Я полагалъ, что во имя своего же достоинства Комиссія не должна была допускать въ вопросахъ отдѣльныхъ своихъ членовъ признаковъ вліянія про - корниловскаго общественнаго мнѣнія.

Я далъ еще два показанія слѣдственной комиссіи. Въ телеграммѣ отъ 2-го сентября № 8887 на имя Предсѣдателя Комиссіи, гдѣ я говорилъ о недопустимости вліянія, я предложилъ еще вести слѣдствіе «самымъ энергичнымъ образомъ и кончить его въ кратчайшій срокъ». А третье и послѣднее указаніе, данное мною устно Предсѣдателю Комиссіи, заключалось въ томъ, чтобы слѣдственная комиссія ограничила свою дѣятельность въ военной средѣ по возможности *только* обслѣдованіемъ виновности главныхъ участниковъ. Эти два послѣднихъ указанія я сдѣлалъ потому, что считалъ необходимымъ въ кратчайшій срокъ парализовать вліяніе въ арміи самаго страшнаго, можетъ быть, послѣдствія Корниловщины — *возрожденія въ арміи недовѣрія ко всему офицерству со стороны солдатской массы*].

Предсѣдатель.—Опять-таки въ связи съ газетными замѣтками. У насъ не было показанія Алексѣева, а въ газетахъ было относительно приказанія полк. Короткову взять Могилевъ. Былъ ли данъ приказъ въ періодъ накопленія войска?

Керенскій. Да, былъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Мой планъ, къ счастью доведенный до конца, заключался въ томъ, чтобы мирнымъ путемъ ликвидировать эпизодъ съ Корниловымъ, по возможности безъ всякихъ эксцессовъ. Былъ вызванъ генералъ Алексѣевъ, который взялъ на себя эту очень трудную миссію. А въ это время мы были осаждены цѣлымъ рядомъ...

Предсѣдатель. Требованій.

Керенскій. Не только требованій, но и отчасти потомъ оказавшимися фантастическими свѣдѣніями въ родѣ окруженія Могилева фортификаціонными сооруженіями, установки пулеметовъ и орудій на склонахъ губернаторской горки и въ губерн. саду. Кромѣ того, всюду самовольно начали возникать отряды войскъ, которые стремились къ Могилеву для подавленія Кор. въ концѣ-концовъ Моск. Воен. окр...

Предсѣдатель. По поводу вотъ движенія эшелоновъ...

Керенскій. Командующій Моск. воен. окр-мъ, даже, когда ген. Алексѣевъ уѣхалъ туда въ ставку, очень ка-

тегорически настаивалъ на томъ, чтобы ему немедленно разрѣшено было двигуть смѣшанный отрядъ изъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи по направленію къ Могилеву. И вотъ когда отрядъ Короткова самочинно появился въ Оршѣ, я далъ телеграмму полк. Короткову о томъ, чтобы онъ подготовлялъ, организовывалъ наступленіе, но чтобы онъ дѣйствовалъ только по соглашенію съ Алексѣевымъ. Такимъ образомъ все вводилось въ извѣстныя рамки.

Предсѣдатель. Такъ что все это движеніе отдѣльныхъ частей и въ частности вотъ это организованное Моск. В. окр-омъ, оно обязательно повиновалось Времен. Прав-ву?

Керенскій. Намъ, собственно, нужно было въ извѣстномъ отношеніи осторожно дѣйствовать. Я лично всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ не особенно довѣрялъ, но на всякій случай нужно было считаться со всѣми этими слухами. Вѣдь, если бы мы не приняли никакихъ мѣръ, а потомъ оказались бы эти слухи дѣйствительностью, я тогда оказался бы уже окончательно «предателемъ и контръ-революціонеромъ». Достовѣрнымъ оказалось только то, что дѣйствительно осадное положеніе было введено въ Могилевѣ и нѣкоторый терроръ довольно серьезный тамъ былъ. Корниловъ тамъ прямо и объявилъ, что тѣ, кто будетъ противъ него, будутъ разстрѣливаться. Это, собственно говоря, спасаетъ всѣхъ участниковъ, т.-к. каждый изъ нихъ теперь имѣетъ основаніе ссылаться на то, что дѣйствовалъ подъ терроромъ, создавшимся въ Могилевѣ.

[Мирная ликвидація самого Корнилова въ Ставкѣ—это одно изъ тѣхъ воспоминаній, которое даетъ мнѣ величайшее нравственное удовлетвореніе! Какъ и въ самомъ началѣ революціи необходимо было во что бы то ни стало охранить жизнь отдѣльныхъ людей отъ дикихъ самосудовъ и *это* я сдѣлалъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я настаивалъ на принятіи ген. Алексѣевымъ должности начальника штаба Верх. Глав.

Несмотря на все раздраженіе противъ него въ широкихъ демократическихъ кругахъ, несмотря на его личные упорные отказы въ теченіе двухъ дней (пока не выяснилось реальное соотношеніе силъ), настаивалъ все время какъ только понялъ, что лишь Алексѣевъ благодаря своей

близости къ ставкѣ и огромному вліянію своему въ высшихъ военныхъ кругахъ, могъ успѣшно выполнить задачу безболѣзненной передачи командованія изъ рукъ Корнилова въ новыя руки.

Алексѣевъ былъ вызванъ, насколько помню, рано утромъ 27-го августа. Въ ночь на 28-е онъ былъ уже въ Петербургѣ и до утра 30-го августа не давалъ рѣшительнаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе принять должность Начальника Штаба. А, между тѣмъ, время шло; вопросъ о Верховномъ Командованіи оставался невыясненнымъ въ Ставкѣ; въ самомъ сердцѣ арміи, все оставался Корниловъ, продолжая отдавать техническія приказанія. Все это страшно нервировало массы, которыя и безъ того не пришли еще въ себя отъ охватившей ихъ паники. На этой почвѣ съ каждымъ часомъ все быстрѣе росло настроеніе «самимъ» итти «покончить» съ Корниловымъ, разъ начальство не то не можетъ его «убрать» изъ ставки, не то само съ нимъ «стакнулось». Положеніе становилось прямо критическимъ, т.-к., не говоря уже о соображеніяхъ гуманности и чести, нельзя было допустить малѣйшаго перерыва и тѣмъ болѣе потрясенія въ дѣятельности Ставки. Медлительность одной стороны и нервная настойчивость другой дѣлались прямо невыносимыми. Тогда мнѣ пришлось прибѣгнуть къ ультимативнымъ воздѣйствіямъ по отношенію къ медлившимъ и въ то же время сдерживать нервничавшихъ и рвавшихся на «усмиреніе» Корнилова добровольцевъ. Привожу юзограмму отъ 1-го сентября начальника моего кабинета Барановскаго въ Ставку, отлично рисующую тогдашнее положеніе вещей. «А. Ф. Керенскій поставилъ генералу Алексѣеву срокъ два часа, который истекъ въ 19 ч. 10 м., до сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Главковерхъ *требуетъ*, чтобы ген. Корниловъ и его соучастники были арестованы *немедленно*, ибо дальнѣйшее промедленіе грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Демократія взволнована свыше мѣръ и все грозитъ разразиться взрывомъ, послѣдствія котораго трудно предвидѣть. Этотъ взрывъ въ формѣ выступленія Совѣтовъ и большевиковъ ожидается не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Въ Омскѣ арестованъ Командующій войсками и власть

перешла къ Совѣтамъ. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедленіе и гибель всего дѣла спасенія родины или немедленныя и рѣшительныя дѣйствія и аресты указанныхъ вамъ лицъ. Тогда возможна еще борьба. Выбора нѣтъ. А. Ф. Керенскій ожидаетъ, что государственный разумъ подскажетъ ген. Алексѣеву рѣшеніе и онъ приметъ его немедленно: арестуйте Корнилова и его соучастниковъ. Я жду у аппарата вполнѣ опредѣленнаго отвѣта, единственно возможнаго, что лица, участвующія въ возстаніи, будутъ арестованы... Для васъ должны быть понятны тѣ политическія движенія, которыя возникли и возникаютъ на почвѣ обвиненія власти въ бездѣйствіи и попустительствѣ. Нельзя дальше такъ разговаривать. Надо рѣшиться и дѣйствовать». На это нѣсколько спустя послѣдовалъ отвѣтъ самого генерала Алексѣева: «Около двадцати двухъ часовъ вечера ген. Корниловъ и т. д. арестованы».

А въ это же время ген. Верховскій, уже Военный Министръ, проситъ, почти требуетъ у меня, разрѣшенія на цѣлую военную экспедицію въ Ставку и посылаетъ Алексѣеву слѣдующую телеграмму: «Сегодня выѣзжаю въ Ставку съ крупнымъ вооруженнымъ отрядомъ для того, чтобы покончить съ тѣмъ издѣвательствомъ надъ здравымъ смысломъ, которое до сихъ поръ имѣетъ мѣсто». «Корниловъ и другіе (идетъ перечисленіе фамилій) должны быть немедленно арестованы,— это является цѣлью моей поѣздки, которую считаю совершенно необходимой». Чрезмѣрная нервность и агрессивность тона Верховскаго отчасти, можетъ быть, объясняется тѣми разговорами, которые 24 августа Верховскій имѣлъ въ Ставкѣ, и той телеграммой за № 6,457, которую отъ 27 августа получилъ онъ отъ генерала Корнилова: «Въ настоящую грозную минуту, дабы избѣжать междоусобной войны и не вызвать кровопролитія на улицахъ Первопрестольной, *предписываю* вамъ подчиниться мнѣ и *впредь* исполнять мои приказанія».

Верховскому на его неоднократные запросы я также, какъ и полк. Короткову, неизмѣнно отвѣчалъ предложеніемъ «готовиться», но безъ моего разрѣшенія не выступать. Только съ громаднымъ напряженіемъ, пуская въ ходъ все свое вліяніе и настойчивость, мнѣ удалось пред-

отвратить возможное осложненіе въ Ставкѣ. Конечно, въ показаніяхъ ген. Алексѣева вся эта тяга добровольцевъ къ Ставкѣ превращается въ какую-то «злую волю», которая во что бы то ни стало хотѣла «толкнуть войска на Могилевъ». Нетрудно догадаться, гдѣ ищетъ ген. Алексѣевъ источникъ этой злой воли! Ну, да Богъ съ нимъ.

[Какъ бы тамъ ни было, задачу, возложенную на него по ликвидаціи Ставки, ген. Алексѣевъ выполнилъ. Длительное сотрудничество для насъ обоихъ было невозможно. Алексѣевъ подалъ въ отставку. Я безъ возраженій ее принялъ.

Кстати, не могу не вспомнить, что въ Быховской тюрьмѣ все время, пока я былъ Главковерхомъ, ген. Корнилова постоянно охраняли не только солдаты, но и *его личный конвой* изъ текинцевъ, тѣхъ самыхъ, вмѣстѣ съ которыми и съ пулеметами онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Зимній дворецъ. Такая двойная охрана была создана Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи, для того, чтобы сторожить Корнилова не только отъ побѣга, но и отъ солдатскаго самосуда. Помню, какъ настойчиво травила меня за это лѣвая пресса, и какъ будущій *попуститель* дикой расправы съ Духонинымъ ген. Бончъ-Бруевичъ являлся ко мнѣ во главѣ съ депутаціей отъ мѣстнаго «совдепа» съ *требованіемъ* «убрать текинцевъ изъ Быхова», которымъ революціонный трибуналъ не довѣряетъ, и усилить охрану Корнилова. Я былъ возмущенъ такой ролью генерала русской службы, въ прошломъ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царизма, хотѣлъ убрать его изъ Ставки, и помню, какъ чистый и честный Духонинъ *заступился* за него. Такова судьба!].

Предсѣдатель. У меня общихъ вопросовъ нѣтъ. Можетъ быть, господа члены имѣютъ вопросы?

Колоколовъ. Я имѣю вопросы.

Керенскій. Я долженъ самъ дать общее заключеніе этому показанію. Скажу, очень трудно, я думаю, для Слѣдственной Комиссіи и, можетъ быть, невозможно будетъ установить дѣйствительную картину, настоящихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи Корниловскаго выступленія. Въ этомъ вина уже и администраціи, и нашего правительства, что мы не можемъ, по отсутствію

розыскной части, дать тѣхъ матеріаловъ, которые имѣла бы возможность предъявить вамъ старая власть. Мы ихъ предъявить не можемъ. Но для меня лично несомнѣнно, что за Корниловымъ работала совершенно опредѣленная группа лицъ, связанная не только готовящимся планомѣрнымъ заговоромъ, но и обладающая *большими матеріальными средствами и располагающая возможностью получать средства изъ банковъ. Это для меня совершенно несомнѣнно.*

[Знаменитое письмо ген. Алексѣева къ Милюкову отъ 12 сентября, опубликованное въ № 249 отъ 12 декабря 1917 г. въ «Изв. Ц. И. К. С. Р. и С. Д.», превратило эту мою субъективную увѣренность, которая ни для кого не была обязательна, въ объективную дѣйствительность, которой уже никто не сможетъ отрицать.

Главная цѣль письма — привлечь вниманіе «честной печати» къ страшной судьбѣ арестованныхъ по дѣлу Корнилова,—«видимыхъ участниковъ заговора», которыхъ «самымъ примитивнымъ изъ судовъ—суду военно-революціонному и заслуженной смертной казни» хотятъ предать «невидимые участники заговора», «вершителей судебъ» и «руководителей слѣдствія». Цѣль такихъ гнусныхъ дѣйствій «вершителей судебъ» генералъ объясняетъ очень просто: «Преступленіе Корнилова не было тайной для членовъ Правительства. Вопросъ этотъ обсуждался Савинковымъ, Филоненко и *черезъ нихъ* съ Керенскимъ. Только примитивный военно-революціонный судъ можетъ скрыть участіе этихъ лицъ въ предварительныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ. Савинковъ уже долженъ былъ сознаться въ печати въ этомъ... Участіе Керенскаго *«безспорно»*. Во-первыхъ, ген. Алексѣевъ долженъ былъ бы не просто утверждать, а сначала еще доказать это,—«черезъ нихъ съ Керенскимъ», такъ какъ до сихъ поръ объ этомъ «черезъ» никому въ свѣтѣ, кромѣ ген. Алексѣева, извѣстно не было. И пока ген. Алексѣевъ не опубликуетъ данныхъ, которыя позволили ему это утверждать, онъ заслуженно можетъ носить званіе клеветника. Во-вторыхъ, ни до, ни послѣ 12 сентября Савинковъ *нигдѣ* печатно не сознавался въ заговорѣ, а говорилъ только о тѣхъ дѣйствительныхъ пере-

говорахъ и соглашеніяхъ (не исполнявшихся Корниловымъ), которые ничего общаго съ Корниловскимъ выступленіемъ не имѣютъ.

На чемъ же еще основывается «безспорность» моего участія, ген. Алексѣевъ?—На движеніи 3-го коннаго во главѣ съ Крымовымъ корпуса, на телеграммѣ Корнилова № 6,394, посланной Савинкову въ 2 ч. 30 м. ночи 27 августа, о введеніи въ Петербургѣ военнаго положенія и, наконецъ, на телеграммѣ Лукомскаго № 6,406, говорящей о сдѣланномъ Савинковымъ и Львовымъ «отъ моего имени» предложенія ген. Корнилову.—Вотъ и все! Каждому, кто ознакомился съ этимъ моимъ показаніемъ и объясненіями къ нему, я думаю, ясно, что этими данными доказать мое участіе въ заговорѣ совершенно невозможно, если не придавать фактамъ завѣдомо лживаго толкованія. Генералъ Алексѣевъ не могъ не знать и исторіи Крымовскаго корпуса, и дѣйствительнаго смысла телеграммы Лукомскаго и, наконецъ, настоящихъ причинъ вызова войскъ въ распоряженіе Временнаго Правительства: всѣ документы, нужные для того, чтобы знать правду, были въ его распоряженіи, какъ Начальника Штаба Верх. Главноком. И, во всякомъ случаѣ, въ началѣ сентября, когда онъ строчилъ свой интимный доносъ, онъ имѣлъ возможность получить всѣ нужныя ему разъясненія, какъ отъ Предсѣдателя Слѣдственной Комиссіи, такъ и отъ меня лично.

Итакъ, «участники невидимые хотятъ погубить видимыхъ», и этихъ видимыхъ участниковъ *обязаны* спасти тѣ, *кто зналъ обо всемъ.* Кто же они? «Дѣло Корнилова не было дѣломъ кучки авантюристовъ,—пишетъ Алексѣевъ,—оно опиралось на сочувствіе и помощь широкихъ круговъ нашей интеллигенціи... Вы, П. Н. (т.-е Милюковъ) *до извѣстной степени* знаете, что нѣкоторые круги нашего общества не только *знали обо всемъ*, не только сочувствовали идейно, но, какъ могли, помогали Корнилову... У меня есть еще просьба. Я не знаю адреса господъ В. П. *и другихъ.* Семьи заключенныхъ офицеровъ начинаютъ голодать... Я настойчиво прошу ихъ прійти на помощь. Не бросятъ же они на произволъ судьбы и голоданіе семьи тѣхъ, съ кѣмъ они были связаны общностью идей и *подготовки.* Я очень

прошу васъ взять на себя этотъ трудъ и извѣстить о результатахъ. Въ этомъ мы, офицеры, болѣе, чѣмъ заинтересованы». Все это содержаніе Алексѣевскаго письма не было бы серьезнымъ указаніемъ на чье-либо участіе въ Корниловскомъ заговорѣ, особенно если принять во вниманіе чрезвычайную свободу въ обращеніи съ фактами ген. Алексѣева, если бы эта «просьба» оказать помощь и начать немедленную кампанію въ пользу обвиняемыхъ на стран. «честной печати» не сопровождалась бы убійственной для тѣхъ, кого имѣлъ ввиду авторъ письма припиской: «Тогда, т.-е. (если просьба не будетъ немедленно удовлетворена. А. К.) г. Корниловъ *вынужденъ* будетъ широко развить передъ Судомъ *всю подготовку, всѣ переговоры съ лицами и кругами, ихъ участіе*, чтобы показать русскому народу, съ кѣмъ онъ шелъ, какія истинныя цѣли онъ преслѣдовалъ и какъ, въ тяжелую минуту, онъ, *покинутый* всѣми, съ малымъ числомъ офицеровъ предсталъ передъ спѣшнымъ судомъ... Вотъ суть моей мольбы къ Вамъ». Не имѣя весьма вѣскихъ доказательствъ въ рукахъ, такими недвусмысленными угрозами разоблаченій не сопровождаютъ просьбы о помощи даже шантажисты! Я не хочу вовсе касаться моральной стороны такого способа просить: тѣмъ болѣе, что, видимо, ген. Алексѣевъ лучше зналъ среду, къ которой обращался, чѣмъ я. По крайней мѣрѣ, въ номерѣ отъ 13-го декабря 1917 г. газеты «Рѣчь» авторъ передовой статьи находитъ, что въ письмѣ Алексѣева нѣтъ ничего компрометирующаго» и, что онъ «рисуетъ автора чрезвычайно чистымъ и благороднымъ». Разныя бываютъ понятія о благородствѣ и чистотѣ! (Конечно, авторъ передовой статьи тутъ же спѣшитъ присоединиться къ совершенно правильному взгляду» Алексѣева на «двойственную позицію Керенскаго» въ дѣлѣ Корнилова. Я не послѣдую въ пріемахъ политической борьбы ни за Алексѣевымъ, ни за органомъ г. Милюкова и еще разъ повторю, что письмо Алексѣева, убійственное для участниковъ и организаторовъ Корниловскаго выступленія, никоимъ образомъ не должно быть использовано, какъ орудіе борьбы съ цѣлыми партіями и группами населенія]'.

Либеръ. Одинъ вопросъ, А. Ф., когда предполагалось введеніе военнаго положенія въ Петроградѣ, не пред-

полагало ли Правительство, что оно можетъ встрѣтить противодѣйствіе, и, во всякомъ случаѣ, рѣзко отрицательное со стороны Совѣтовъ отношеніе, если предполагалось, то не предполагалось ли принять какія-либо мѣры?

Керенскій. Я могу сказать, что если въ Правительствѣ были разговоры о большевикахъ, то разговоровъ о Совѣтахъ, которые въ то время были *далеко* не большевистскими и о Ц. И. К. никакихъ не возникало.

Либеръ. Я долженъ опредѣленно сказать, что Савинковъ показывалъ, что это играло очень большую роль. Онъ опредѣленно показываетъ, что возможно было ожидать противодѣйствія, именно, со стороны Совѣта и, если бы подобное предположеніе о сопротивленіи могло имѣть мѣсто, то, конечно, корпусъ могъ бы пригодиться и для этого. Для насъ важно возстановить, вообще, было ли подобное предположеніе Правительствомъ обсуждаемо или нѣтъ.

[Для того, чтобы было ясно, о какомъ противодѣйствіи Совѣтамъ говорилъ самъ Савинковъ, привожу соотвѣтствующую выписку изъ составленной уже послѣ 27-го августа, а, слѣдовательно, въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для того, чтобы слова Савинкова изложить возможно ближе къ намѣреніямъ Ставки, изъ составленнаго ген. Корниловымъ, Лукомскимъ и Романовскимъ протокола, о «пребываніи въ Могилевѣ управ. Воен. Министерствомъ 23 и 24-го августа»—«Вамъ, конечно, извѣстно, говорилъ по этому протоколу Корнилову Савинковъ, что примѣрно 28-го или 29-го авг. въ Петербургѣ ожидается выступленіе большевиковъ. Опубликованіе вашихъ требованій, проводимыхъ вами черезъ Времен. Прав., конечно, послужитъ толчкомъ для выступленія большевиковъ, если бы послѣднее почему-либо задержалось. Хотя въ нашемъ распоряженіи достаточно войскъ, но на нихъ мы вполнѣ разсчитывать не можемъ. Тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, какъ къ новому закону отнесется С. С. и Р. Д. Послѣдній также можетъ оказаться противъ Правительства и тогда мы разсчитывать на наши войска не можемъ. Въ случаѣ, если кромѣ большевиковъ, выступятъ и члены С. Р. и С. Д., то намъ придется дѣйствовать и противъ нихъ». Даже изъ этого изложенія словъ Савинкова явствуетъ, что о Совѣтахъ

онъ говорилъ только предположительно, въ связи съ ихъ отношеніемъ къ будущему закону, который тогда еще и во Времен. Прав. не обсуждался, но такъ какъ во Времен. Прав. находились представители Ц. И. К. С. Р. и С. Д., то очевидно и этотъ предположительный случай въ дѣйствительности былъ невозможенъ, такъ какъ или военный законопроектъ былъ бы принятъ въ формахъ, пріемлемыхъ для всей коалиціи, а слѣдовательно и для Совѣтовъ, или само коалиціонное Правительство перестало бы существовать до принятія этого проекта.

Когда Савинковъ ознакомился съ этимъ постъ-фактумъ и въ его отсутствіи составленнымъ протоколомъ, то онъ сдѣлалъ слѣд. къ тексту замѣчаніе: «словъ «требованія ген. Корнилова» я никогда не употреблялъ». Не было у меня и мысли, что С. Р. и С. Д. непремѣнно выступятъ противъ Времен. Прав., въ случаѣ возникновенія безпорядковъ. Я настойчиво проводилъ мысль, что испрошенный мною отъ Верх. Глав. по поручен. министра—пред. 3-й конный корпусъ поступалъ въ распоряженіе Времен. Правительства, долженъ защищать Правительство отъ всякихъ выступленій, откуда бы они ни шли. Если бы къ моменту возстанія большевиковъ С. Р. и С. Д. были бы большевистскими, то въ такомъ случаѣ 3-й конный корпусъ долженъ былъ бы дѣйствовать и противъ Совѣта С. Р. и С. Д.]".

Керенскій. Видите ли, составъ правительства вамъ дастъ представленіе, что и о Ц. И. К. С. С. и Р. Д. и о Совѣтѣ, какъ таковомъ и разговоровъ не могло быть.

Затѣмъ, вводить военное положеніе не предполагалось въ формахъ одіозныхъ для широкаго общественнаго мнѣнія. Наконецъ, если и были разговоры о большевикахъ вообще (вы знаете, всегда ходили слухи о возможности повторенія событій 3-го и 5-го іюля), то предполагалось, что большевики будутъ съ одной стороны, *а вся страна по другой сторонѣ* (баррикадъ).

Колоколовъ Разрѣшите предложить вопросъ. Вотъ вы изволили сказать, господинъ министръ, что нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы съ совершенной точно-

стью установить наличность заговора, но все-таки есть у васъ какія-либо данныя, провѣрка которыхъ была бы необходима для слѣдственной комиссіи?

Керенскій. Я могу только отвѣтить, спросите М. И. Терещенко, Мин. Ин. Дѣлъ, не помнитъ ли онъ разговора, который онъ передавалъ мнѣ, какъ Завойко говорилъ о тѣхъ средствахъ, которыми «они» располагаютъ для низверженія Правительства.

[Во время моихъ странствованій послѣ 25-го октября я встрѣтилъ одно лицо, которое разсказало мнѣ о достовѣрно извѣстныхъ ему подобныхъ же разговорахъ съ Завойко въ началѣ лѣта прошлаго года].

Но, я долженъ сказать, что въ настоящее время очень трудно, вообще, давать свѣдѣнія. Съ момента переворота у насъ совершенно перестали отдѣлять Правительство отъ частныхъ лицъ: тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ качествѣ членовъ Правительства, очень быстро дѣлаются достояніемъ кого угодно и превращаются въ орудіе личныхъ счетовъ съ требованіемъ доказательствъ заинтересованныхъ лицъ и т. д. Объ организаціи заговора группой военныхъ людей, офицеровъ, мы имѣли весьма точныя свѣдѣнія и за участниками заговора, поскольку это было для насъ возможно, слѣдили. Событія Корниловскія показали, что мы кое-что знали. Затѣмъ большой «освѣдомленностью» обладала и часть Совѣта Союза Казачьихъ войскъ. Для меня это тоже несомнѣнно, но опять таки это сейчасъ еще недоказуемо формально и т. д. Однако, по многимъ соображеніямъ изслѣдованія въ эту сторону (военную) не желательно вести сейчасъ... Да просто результаты не окупятъ тѣхъ послѣдствій разслѣдованія, которыя неизбѣжно будутъ, судя по теперешнимъ настроеніямъ массъ. Намъ не желательно, я лично не хотѣлъ бы создавать новыхъ поводовъ для розни между отдѣльными группами населенія, потому, что *за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ группа, какъ таковая, не отвѣчаетъ.*

Колоколовъ. Затѣмъ я хотѣлъ бы вамъ предложить таковой вопросъ: вотъ въ сообщеніяхъ вашего имени отъ 27-го августа значится, что дѣйствительность полномочій члена Гос. Думы Львова Корниловъ подтвердилъ, между

тѣмъ въ лентѣ по прямому проводу говорится—«да, я подтверждаю, что я просилъ васъ пріѣхать въ Ставку». Вотъ я хотѣлъ бы спросить васъ, почему вы считали, что онъ подтвердилъ дѣйствительность полномочій. Я хотѣлъ бы болѣе подробнаго разъясненія во избѣжаніе кривотолковъ.

Керенскій. *Тамъ есть и другое.*—Отъ имени Влад. Ник. я говорилъ: «Алек. Федоровичъ сомнѣвается, исполнять ли, и не довѣряетъ, я хорошо не помню, какъ тамъ сказано. Гдѣ эта лента (Колоколовъ даетъ ленту Керенскому, изъ которой Керенскій читаетъ отдѣльныя мѣста). Тутъ изъ самой конструкціи фразы изъ контекста совершенно ясно, что полномочія Львова Корниловъ *подтвердилъ*. Вся обстановка, все содержаніе разговора совершенно ясно показывали, что генералъ Корниловъ понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, напр., когда онъ на лентѣ прочелъ: «то опредѣленное рѣшеніе нужно исполнить, о которомъ Вы просили меня извѣстить Алекс. Фед. только совершенно лично». (Онъ не отвѣтилъ бы подтвержденіемъ приглашенія пріѣхать), а спросилъ бы: «что за рѣшеніе» и т. д.—*Онъ отлично зналъ, въ чемъ дѣло.*

Колоколовъ. Потомъ второй вопросъ—какія Вы, господинъ министръ, имѣли основанія къ аресту Львова?

Керенскій. Для меня совершенно было ясно изъ всего разговора, что онъ гораздо больше знаетъ, чѣмъ говоритъ. Я понялъ такъ, что онъ предупредилъ меня о личной опасности въ послѣднюю минуту или просто испугавшись, или, можетъ быть, потому, что у него заговорила совѣсть. Вѣдь, кромѣ хорошаго, онъ ничего отъ меня не видѣлъ. А что онъ могъ пойти противъ меня сначала, на это указываютъ тѣ настроенія, съ которыми онъ ушелъ изъ Врем. Прав. (о которыхъ я ему уже говорилъ). А Аладьинъ.— Я не знаю, извѣстно ли Вамъ посѣщеніе Аладьинымъ кн. Львова въ Москвѣ. Какъ разъ передъ приходомъ ко мнѣ В. Н. Львова Вырубовъ отъ имени кн. Львова передалъ мнѣ, что у кн. былъ Аладьинъ и совершенно серьезно сказалъ ему:—«пусть Керенскій имѣетъ въ виду, что впредь никакихъ перемѣнъ въ Правительствѣ безъ согласія Ставки не должно быть». Это произвело на князя

впечатлѣніе. Затѣмъ по поводу аграрной реформы: я зналъ, что идетъ подготовка аграрнаго манифеста, или закона; не помню фамиліи этого профессора изъ Москвы.

Предсѣдатель. Я—ъ.

Керенскій. Все это подтверждаетъ, что подготовка была.

Украинцевъ. Въ связи съ тѣмъ указаніемъ Вашимъ, что по вопросу о заговорѣ у Васъ имѣется «цѣлый клубокъ» свѣдѣній о немъ, что имѣются два источника—одинъ достовѣрный, а другой не достовѣрный—не найдете ли Вы возможнымъ передать ихъ намъ. Это бы дало намъ возможность раскрыть заговоръ.

Керенскій. Нѣтъ, я могу повторить—одни свѣдѣнія агентурныя, другія отъ контръ-развѣдки. Былъ еще третій источникъ, потомъ четвертый — я передалъ въ контръ-развѣдку этого офицера... Какъ фамилія... да—В. Онъ тоже пріѣхалъ ко мнѣ предупреждать о томъ, что мнѣ грозитъ неминуемая...

Украинцевъ. Это не тотъ ли офицеръ, который вращался въ казачьихъ кругахъ и который указывалъ на Завойко?

Керенскій. Да. О Завойкѣ давно были скверныя свѣдѣнія. Онъ вообще человѣкъ довольно страннаго прошлаго. Странны, непонятны его пребываніе и роль въ Ставкѣ. Однако, это былъ человѣкъ, который *наибольшее имѣлъ вліяніе* на ген. Корнилова. Разъ Савинкову на Юго-Западномъ фронтѣ удалось устранить Завойко, такъ какъ тогда уже онъ имѣлъ скверное вліяніе. Затѣмъ онъ вернулся и тутъ прибавился Аладьинъ. Генералъ о своихъ отношеніяхъ къ Завойко показалъ слѣдующее: «Съ В. С. Завойко я познакомился въ апрѣлѣ этого года въ Петербургѣ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предводителемъ дворянства Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ., работалъ на нефтяныхъ промыслахъ въ г. Баку и, по его разсказамъ, занимался изслѣдованіемъ горныхъ богатствъ въ Туркестанѣ и Западной Сибири. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ пріѣхалъ въ Черновицы и, зачислившись добровольцемъ въ Дагестанскій конный полкъ, остался при штабѣ Арміи въ качествѣ лич-

наго при мнѣ ординарца, отлично владѣетъ перомъ. Поэтому я поручилъ ему составленіе тѣхъ приказовъ и тѣхъ бумагъ, гдѣ требовался особенно сильный художественный стиль». Мнѣ неоднократно приходилось касаться объявленія «къ русскимъ людямъ». Этого блестящаго образца не только художественнаго стиля, но и ловкости рукъ господина Завойко. Изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла видно, что положеніе Завойко въ кругахъ близкихъ къ Корнилову, ничего общаго не имѣетъ съ его скромной должностью ординарца. Прошлое финансоваго дѣльца давало, видимо, возможность Завойко содѣйствовать притоку въ Ставку тѣхъ средствъ, о которыхъ нѣкоторыя свѣдѣнія могли бы дать и упоминаемые въ письмѣ ген. Алексѣева В. и П., а также и редакціи нѣкоторыхъ листковъ и газетокъ, такъ усиленно все лѣто травившихъ меня и восхвалявшихъ ген. Корнилова. Завойко это одна изъ самыхъ темныхъ и отталкивающихъ фигуръ среди заговорщиковъ, и трудно понять, въ чемъ былъ секретъ его вліянія на Корнилова!

Керенскій. Кромѣ упомянутаго г. В., я еще рядъ другихъ офицеровъ передавалъ для наблюденія.

Предсѣдатель. А—ву.

Керенскій. А—ву я передалъ для ближайшаго наблюденія этого г. В. Нужно сказать, всѣ эти «освѣдомители» кружили все у тѣхъ же темъ.

Украинцевъ. Вы между прочимъ говорили, что Вамъ было сдѣлано предложеніе о диктатурѣ и потомъ этихъ лицъ Вы встрѣчали среди окружающихъ Корнилова. Кто эти были лица?

Керенскій. Изъ тѣхъ же казачьихъ круговъ бывали такіе разговоры. Затѣмъ нѣкоторые общественные дѣятели...

Украинцевъ. Значитъ, Вы можете указать слои, но не отдѣльныхъ лицъ?

Керенскій. Я не хотѣлъ бы указывать.

Крохмаль. Но это не имѣло вида предложенія формальнаго,—это былъ совѣтъ, такъ сказать.

Керенскій. Т.-е. говорили такъ: если Вы согласитесь, то мы и т. д., но это попадало на безплодную почву.—Богъ съ ними.

Украинцевъ. Значитъ, можетъ быть и самыя предложенія не имѣли характера конкретныхъ предложеній?

Керенскій. Нѣтъ, когда «общественность» разочаровалась во мнѣ, какъ въ возможномъ организаторѣ и главномъ дѣятелѣ измѣненія системы управленія «въ сторону сильной власти», тогда уже начались розыски другого «человѣка»... Я считаю, что эта жажда найти *человѣка* была очень сильна. Еще 26-го августа, съ кѣмъ-то въ разговорѣ В. Львовъ говорилъ—«онъ не хотѣлъ быть диктаторомъ, такъ мы ему *его дадимъ*».

Либеръ. Докладывали Вамъ, что по тому вопросу, о которомъ Вы говорите, который тогда муссировался, назывались кандидаты: Керенскій, Савинковъ и Корниловъ?

Керенскій. Да, вообще нащупывалась почва. Послѣ моего отказа нѣкоторые находили, что самое лучшее, что я могъ бы сдѣлать—это «уйти, не путаться, не мѣшать карты». Они сами говорили, что предвидятъ съ моимъ уходомъ время засилія большевиковъ, но что это дастъ имъ возможность въ концѣ концовъ восторжествовать. Корниловъ былъ просто неудачнымъ исполнителемъ чужихъ плановъ, такъ какъ для того, чтобы создать въ Россіи настоящую диктатуру—необходимо обладать не только «львинымъ сердцемъ», но и нѣкоторыми умственными качествами, которые не у всѣхъ и не часто встрѣчаются.

[Личныя качества ген. Корнилова сдѣлали всю его попытку утвердить въ Россіи личную диктатуру слишкомъ наивной и легкомысленной для того, чтобы она могла разсчитывать даже на минутный успѣхъ. Но и всякая другая болѣе серьезно задуманная и умно проведенная, авантюра имѣла бы неизбѣжно тотъ же, послѣ болѣе или менѣе длительнаго періода борьбы, конецъ. Или бы сама въ конецъ развалила государство и открыла бы двери германцамъ такъ же, какъ черезъ два мѣсяца послѣ Корнилова это дѣйствительно и сдѣлали болѣе опытные и ловкіе въ политикѣ анархо-большевики. Трагизмъ положенія Россіи къ концу лѣта въ томъ и заключался, что она не достигла еще той политической зрѣлости, которая давала бы ея руководящимъ политическимъ кругамъ возможность до конца сознать и провести въ жизнь ту единственную систему орга-

низаціи государственной власти, которая одна еще могла остановить начавшійся вмѣстѣ съ міровой войной грозный процессъ распада государства,—систему коалицій всѣхъ государственно-мыслящихъ политическихъ партій для созданія общей національной власти. Состояніе хозяйственнаго организма и техническаго аппарата государства сдѣлали невозможнымъ во время войны управленіе страной только силами какого бы то ни было меньшинства, которое неизбѣжно вынуждено держать въ подчиненіи своемъ большинство, лишь примѣняя полицейскій терроръ. Суровая дѣйствительность, повелительно указывавшая всѣмъ сознательнымъ и отвѣтственнымъ элементамъ страны единственный путь спасенія государства, путь подчиненія всѣхъ интересовъ и требованій отдѣльныхъ классовъ и слоевъ населенія нуждамъ государства, объединяла волей-неволей всѣ эти элементы вокругъ временнаго правительства. И всякое меньшинство, рѣшившееся на борьбу съ Правительствомъ, должно было въ концѣ-концовъ оказаться въ союзѣ или со своей доморощенной или зарубежной реакціей. Мы видѣли, какія двусмысленныя и въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніи элементы окружали Корнилова. Мы увидѣли еще горшее, увидѣли, какъ единственные въ мірѣ «коммунисты» спасли прусское юнкерство и отдали ему въ экономическую и политическую кабалу русскія трудящіяся массы.

Къ сожалѣнію, руководящіе политическіе круги, волей-неволей признавшіе необходимость коалиціи *дѣйственно и честно* не поддерживали ее. Они скорѣе боялись только взять на себя политическую отвѣтственность за формальный крахъ этой системы, но про себя надѣялись на «избавителя», котораго ожидали одни справа, а другіе слѣва. И въ своей «безрадостной любви» мечтали о «разлукѣ безъ печали». Они все ждали, когда же, наконецъ, я «уйду». Но сами не отпускали меня, боясь отвѣтственности; однако, удерживая, хотѣли, чтобы кто-нибудь пришелъ и сбросилъ меня, надѣясь воспользоваться чужимъ преступленіемъ въ своихъ политическихъ интересахъ. Дни 24-го октября—перваго ноября я наблюдалъ этотъ трепетъ ожиданія среди моихъ лѣвыхъ «друзей» такъ же, какъ въ Корниловскіе дни

я видѣлъ этотъ трепетъ у нѣкоторыхъ «сторонниковъ коалиціи» справа. Всѣ, кто винитъ меня за то, что я во время не «ушелъ» и кому-то, въ чемъ-то мѣшалъ, нужно запомнить разъ навсегда, что я никогда не добивался власти и не держался за нее. Я мѣшалъ только захватчикамъ и авантюристамъ. Политически же отвѣтственные круги не только не встрѣтили бы во мнѣ помѣхи, если бы захотѣли организовать власть безъ меня, но, наоборотъ, я самъ не разъ предлагалъ имъ это сдѣлать. Еще мѣсяцъ до большевистскаго возстанія, я въ закрытомъ засѣданіи бюро Ц. И. К. С. Р. и С. Д. съ президіумомъ Демократическаго Совѣщанія и представителями всѣхъ соціалистическихъ партій (въ томъ числѣ и большевиковъ), ставилъ вопросъ объ отношеніи присутствующихъ къ власти и заявлялъ, что съ своей стороны сдѣлаю все возможное для безболѣзненнаго и быстраго перехода государства къ новой системѣ управленія, если собравшіеся возьмутъ на себя отвѣтственность за разрывъ коалиціи съ цензовыми элементами и укажутъ лицо, которое возьметъ на себя задачу сформированія новаго состава Временнаго Правительства, такъ какъ эту задачу я самъ, по совѣсти, выполнить не могъ бы. Рѣшимости и смѣлости взять на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія созданія «однороднаго правительства» у собранія не оказалось. Если учесть безвыходное положеніе, въ которомъ очутилась демократія (послѣ Демократическаго Совѣщанія) — окажется, что она была не въ силахъ организовать власть иначе, чѣмъ передавъ ее «въ руки Керенскаго», говорилъ на послѣднемъ партійномъ съѣздѣ одинъ изъ членовъ Цент. Ком. партіи с.-р. — «Выводъ изъ этого такой — нужна была жертва этой вѣрѣ массъ, что все сдѣлать можно, а между тѣмъ всего сдѣлать нельзя было. Но эта жертва нужна была. И въ жертву принесли Керенскаго и онъ пошелъ на эту жертву, зная, что она ему несетъ»... Это была не жертва, а сознательное исполненіе своего долга до конца. Я видѣлъ, что честно никто не станетъ поддерживать ту форму власти, при которой только и возможно было сохранить государство отъ распада. Но я не могъ во имя личнаго пойти навстрѣчу стихіи и своимъ уходомъ хоть на одинъ

день приблизить роковой взрывъ. Да и въ душѣ еще теплилась надежда, что сумѣетъ демократія побѣдить въ себѣ все темное и звѣрное!].

Украинцевъ. Вы, характеризуя разговоръ съ Львовымъ, упомянули, что онъ въ ультимативной формѣ сдѣлалъ предложеніе, а не обратили вы вниманія потомъ, когда онъ письменно излагалъ, что онъ замѣнилъ слово «требуетъ» словомъ «предлагаетъ» (ген. Корниловъ)?

Керенскій. Если бы я замѣтилъ это, я бы сказалъ:— «Вы пишите такъ, какъ говорите», а я просто сложилъ бумагу и спряталъ въ карманъ.

[Да, вѣдь, собственно говоря, разницы никакой нѣтъ— Корниловъ «требуетъ» или «предлагаетъ» то и то. «Предложеніе» тоже можетъ быть ультимативно и часто оно является только болѣе деликатной формой требованія или приказанія. Я самъ часто писалъ «предлагаю такому-то то-то»].

Украинцевъ. Вы обратили вниманіе только на пункты?

Керенскій. Да. Только на пункты и положилъ въ карманъ. Обстановка разговора для меня настолько была убѣдительно... я не могъ предвидѣть, что общественному мнѣнію будетъ угодно превратить меня не то въ участника Корниловскаго заговора, не то въ какую-то малопонятную, двусмысленную фигуру. Если бы я это могъ предусмотрѣть, то я бы все въ этотъ вечеръ, можетъ-быть, совсѣмъ по другому поставилъ. Во всякомъ случаѣ, я считаю, что сдѣлалъ *все*, когда рѣшительно и чрезвычайно быстро, въ корнѣ пресѣкъ эту попытку.

Украинцевъ. Имѣли ли вы какія-нибудь свѣдѣнія относительно того, что ген. Корниловъ борьбу съ Врем. Правительствомъ возлагаетъ именно на 3-й корпусъ или эта борьба усматривалась только въ движеніи на Петроградъ?

Керенскій. Нѣтъ. Усматривалъ я въ этомъ положеніи, которое занималъ Крымовъ и въ томъ, что дикая дивизія была вопреки рѣшенію въ пути къ Петербургу. Вообще всѣ разсчеты были на дикую дивизію. Я считаю, что просто Львовъ сорвалъ все. Можетъ быть, онъ на день, на два раньше сказалъ (или сказалъ больше чѣмъ слѣдо-

вало и не въ томъ тонѣ). Если бы отрядъ Крымова дошелъ сюда, то не такъ легко было бы справиться, потому что тогда *начали бы дѣйствовать тѣ силы, которыя ожидали здѣсь* развитія событій, т.-е. тѣ присланные люди, которые съѣхались сюда, и тѣ группы, которыя были сорганизованы въ нѣкоторыхъ... и которыя въ нужный моментъ должны были оказать поддержку *съ тыла*.

Украинцевъ. Въ докладѣ Савинкова о военной реформѣ не приходилось ли Вамъ обратить вниманіе, что этому докладу придавали большое значеніе не военной реформѣ, а обще-политическому характеру?

Керенскій. 10-го августа я принялъ отставку Савинкова потому, что считалъ ее актомъ, котораго не ожидалъ отъ человѣка, мною же привлеченнаго къ отвѣтственной работѣ. Меня ставили передъ фактомъ.

Вообще Савинковъ хотѣлъ, видимо, во что бы то ни стало, меня и Корнилова противъ воли связать воедино. Мнѣ кажется, Савинковъ съ Филоненко были во всей этой исторіи использованы. Савинковъ никогда не стремился къ тому, чтобы упразднить Временное Правительство и меня. Этого плана у него не было. Но... онъ думалъ, что онъ самый умный, а на самомъ дѣлѣ нашлись люди, которые его переумнили. Онъ былъ только очереднымъ орудіемъ въ той работѣ, которая велась вокругъ Корнилова.

[Савинковъ въ своемъ показаніи подтвердилъ мои догадки. Онъ говоритъ:—«хотя я и былъ свидѣтелемъ этой все нароставшей напряженности отношеній, я все же не терялъ надежды, что А. Ф. Керенскій и ген. Корниловъ могутъ, работая вмѣстѣ, осуществить твердую революціонную власть и по мѣрѣ моихъ силъ... *пытался сблизить* А. Ф. Керенскаго съ ген. Корниловымъ»].

Украинцевъ. Затѣмъ еще одинъ вопросъ относительно бесѣды, которая имѣла мѣсто по возвращеніи изъ Ставки послѣ Совѣщанія 16-го іюля, не предлагалъ ли Филоненко составить особый военный кабинетъ въ составѣ Временнаго Правительства?

Керенскій. Не помню. Со мной у него никакихъ бесѣдъ не было. Я вспоминаю его разговоръ здѣсь 29-го августа. Дѣйствительно, Филоненко съ помощью Савин-

кова стремился, какъ я уже говорилъ, превратить этотъ разговоръ въ Ставкѣ о диктатурѣ въ бесѣду, якобы о томъ самомъ, о чемъ шла рѣчь во Временномъ Правительствѣ и Военномъ Кабинетѣ. «Но это небо и земля—и между ними ничего общаго». Нужно или притворяться, или быть идіотомъ, чтобы серьезно думать, что у Временнаго Правительства или у меня могла быть мысль, что Филоненко можетъ быть членомъ Временнаго Правительства. Это настолько нелѣпое предположеніе, что оно просто смѣшно. Это неловкій способъ выйти изъ глупаго положенія. Повторяю, разговоръ у Филоненко съ Корниловымъ былъ, но тема ничего общаго съ «Военнымъ Кабинетомъ» не имѣла.

Предсѣдатель. Позвольте васъ поблагодарить, господинъ министръ.

[Тотъ, кто внимательно прочелъ все мое показаніе до конца, пойметъ, какую и сколько вѣры въ конечное торжество правды нужно было имѣть, чтобы *молча* выносить всю бѣшеную травлю. Молча наблюдать, какъ все глубже ядъ сомнѣній проникалъ въ самую толщу народную, разрывая одну за другой кровныя связи мои съ ней, видѣть, какъ даже наиболѣе сознательные круги демократіи не понимали причинъ молчанія Правительства и въ этомъ молчаніи видѣли подтвержденіе «разоблаченій», производящихъ «впечатлѣніе глубокой внутренней убѣдительности» (Изъ резолюцій бюро Ц. И. К. С. Р. и С. Д. отъ 12-го сентября).

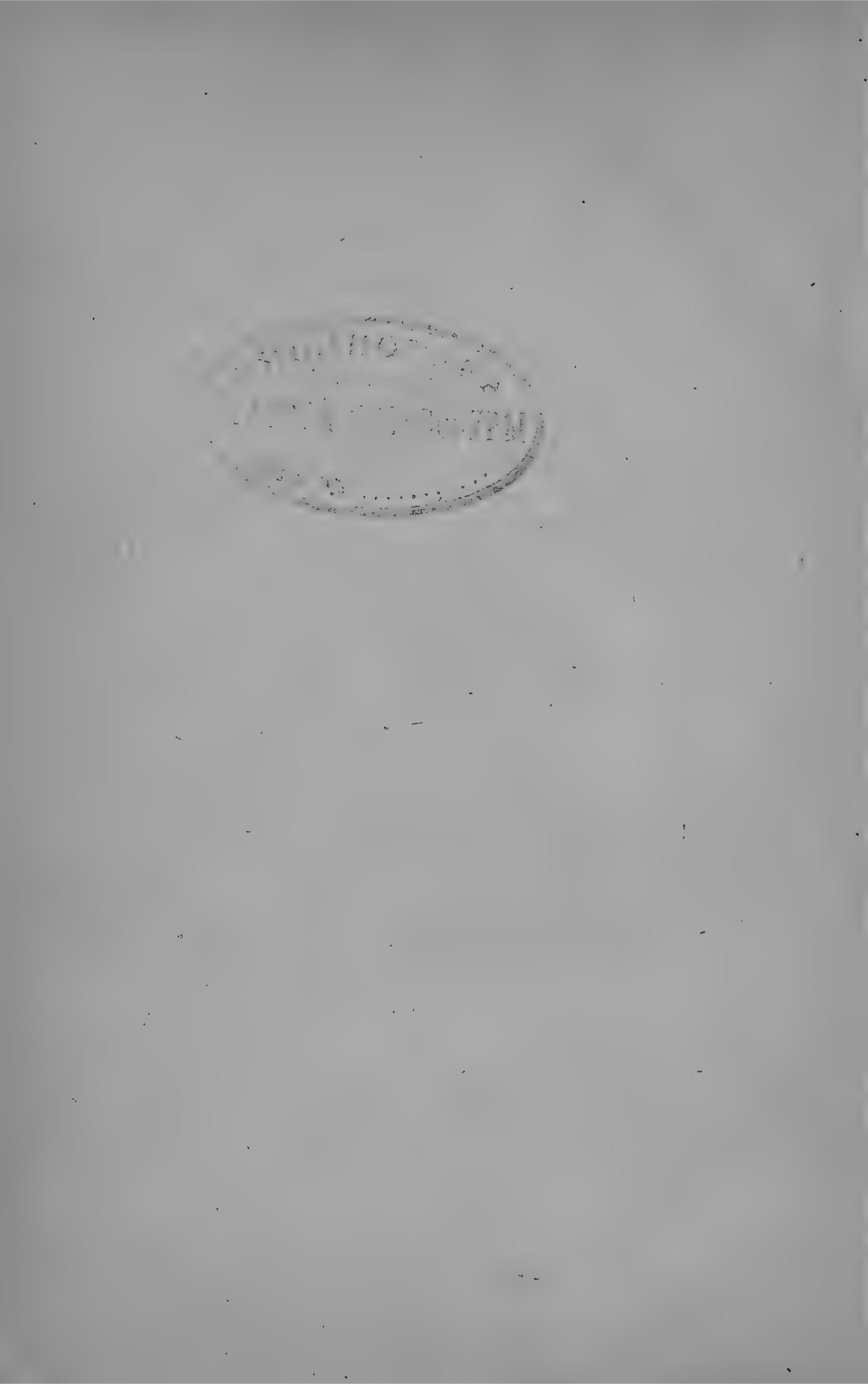
Кто поднялъ голосъ въ защиту людей, безнаказанно травимыхъ только потому, что они, исполняя свой государственный и общественный долгъ, молчали, связанные тайной слѣдствія,—тайной, безстыдно другими нарушаемой? Только теперь я получилъ возможность сказать свое слово.

Кажется, слишкомъ поздно. Дѣло уже сдѣлано.

Оправдались мои слова, сказанныя на Московскомъ Совѣщаніи: «Если у народа не хватитъ *разума и совѣсти*, то погибнетъ Государство русское, захлестнутое волной развала, распада и предательства!.. И нынѣ, рожденный къ свободѣ и великій въ своемъ прошломъ народъ, обманутый и опозоренный, въ страшномъ дурацкомъ колпакѣ

пляшетъ и кривляется передъ своимъ жестокимъ Берлинскимъ Бариномъ.

Но не падайте духомъ. Не проклинайте темную массу народную, не бросайте ее! Идите къ народу со словами *суровой правды*, будите въ немъ уснувшую совѣсть, и раньше, чѣмъ вы думаете, возродится въ немъ мужество и загорится жертвенный пламень любви къ Родинѣ и Свободѣ!]'.

Ик

Матеріалы по исторіи общественнаго и революціоннаго движенія въ Россіи.

Подъ общей редакціей **С. П. Мельгунова** и **М. А. Цявловскаго.**

Изданіе будетъ выпускаться сборниками отъ 10 до 20 листовъ, включая преимущественно неопубликованные еще документы изъ различныхъ секретныхъ архивовъ стараго режима.

Въ первую очередь готовятся сборники:

Вып. I. **Большевики.** (Съ портр.) Ред. М. А. Цявловскій.
„ II. **Первая русская революція. — 1905 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ III. **Русская провокація.** Ред. С. П. Мельгуновъ и М. А. Цявловскій.
„ IV. **Майскій погромъ въ Москвѣ въ 1915 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ V. **Ходынка.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ VI. **Въ цензурныхъ тискахъ.** Ред. В. Е. Максимовъ. и В. В. Міаковскій.
„ VII. **Священная дружина.** Ред. С. П. Мельгуновъ.
„ VIII. **Лорисъ-Меликовъ и его время.** Ред. С. П. Мельгуновъ.
„ IX. **Исповѣдь Бакунина.** (1854-59 г. г.) Ред. А. А. Шиловъ
„ X. **Записки Кельсіева.** Ред. А. А. Шиловъ.

Въ слѣдующей серіи намѣчены матеріалы о декабристахъ, Герценѣ, 70-хъ годахъ (хожденіи въ народъ) и т. д.

Редакція оставляетъ за собой право замѣнить одинъ сборникъ другимъ въ зависимости отъ условій подготовки изданія.

Условія подписки: Не имѣя возможности въ настоящее время опредѣлить размѣръ приготовляемыхъ къ печати сборниковъ и стоимости изданія, издательство назначаетъ цѣны на сборники по расчету отъ 30—40 коп. съ листа 16 стр. (включая пересылку). При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ 3 руб.; при выходѣ каждаго тома оплачивается его стоимость; задатокъ засчитывается при выходѣ послѣдняго X-го тома.

Подписчики журнала „Голосъ Минувшаго" при непосредственномъ обращеніи въ контору имѣютъ право на полученіе изданія безъ задатка. Подписчики „Матеріаловъ" первый томъ имѣютъ право пріобрѣсти за 8 руб.

